

Часть 4: Потребности и страсти. Материальные потребности и страсть сребролюбия. (2)

Составитель Ника

Оглавление

Глава 4: Причины стяжания	2
Раздел: Стяжание от наслаждения материальными благами	3
Получение наслаждения от роскоши.....	3
О желании иметь все больше и больше.....	4
Раздел: Стяжание, как выражение гордыни.....	6
О соперничестве и зависти	6
О суетном подражании	7
О связи тщеславия и сребролюбия	8
О стремлении к славе и власти.....	9
Стяжание как выражение надежды на себя	11
Раздел: Об оправдании, что деньги и имущество собираются и берегутся для обеспечения детей и внуков	13
Об обеспечении детей до определенного возраста	14
Помощь взрослым детям в соответствии с возможностями родителей.....	15
Заблуждение человека, старающегося вести духовный образ жизни, про попечение о нем родителей или близких людей	15
Обеспечение детей по «слепой любви» и о неправильном воспитании	16
Желание обеспечить будущий материальный достаток детей как оправдание собственного многостяжания, сребролюбия и надежды на богатство	19
О неоказании помощи детям или отказе в наследстве по своей холодности к ним или по скупости	20
Святое не попечение о наследстве детям	20
О различных способах использования детьми родительского наследства.....	21
О необходимости заботы родителей и детей о своем спасении, а не о тленном наследстве	24
О наследстве бездетных людей	26
Раздел: Стяжание от немощи веры, выраженной в надежде на богатства	27
Учения святых отцов о богатстве	28
В чем вина человека, полагающегося на богатство?	38
О страхе быть бедным.....	40
Страх за свое имущество	43
Вражья прелесть через помыслы собирать деньги и имущество для нищих	44
Глава 5: О степенях нестяжания	46
Раздел: О святой высшей нестяжательности	46
О питании Господом чудесным образом подвижников - отшельников	47
О питании Господом чудесным образом для исполнения Евангельских заповедей ...	49
Об обеспечении подвижников посредством неожиданной милостыни.....	51
Об образе святого обеспечения Божиего священнослужителей посредством пожертвований.....	51
О том, как человек может ответить на святое попечение Божие и исказить его суть...	52
Раздел: О подвижнической средней степени нестяжательности.....	58
О монашеском подвижническом нестяжании	59
О невольной нищете, принимаемой со смирением	65

О вольной бедности.....	66
О том, как могут поступать вышеуказанные христиане в отношении средней степени нестяжания	69
О степени многостяжания большинства современных христиан.....	79
Глава 6: О богатых и бедных людях.....	80
О самообмане христиан, поработанных духом мира и сребролюбием	80
О богатых и бедных христианах	87
О настоящих нищих и бедных	93
О жалобах ложных нищих.....	97
О богатых и обеспеченных людях	100
Раздел: О заповеди «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай бедным».....	111
Значение слов: «от мира отречься»	111
Причины, побуждающие к презрению мира	113
О различной реакции людей на заповедь.....	115
О внешнем отречении от богатства	119
О внутреннем отречении от богатства	123
О внешнем неотречении от богатства	124

Глава 4: Причины стяжания

Многие из нас, не желая расстаться со своей страстью сребролюбия, могут приводить множество объективных, по их мнению, причин, почему они так заняты мирскими делами и так усердно стяжают материальные блага. Но, не смотря на все их оправдания, скажем: существует три основные причины, по которым людьми владеет страсть сребролюбия, и именно на них строятся все вражды и человеческие оправдания, а люди, зачастую, этого и не видят. Итак:

Иоанн Карпафский (117 глав, 45): «Существуют три, как я полагаю, главные причины, от которых происходит болезнь стяжания. Первая — некая тайная гордыня, которая, представляя смешным во время нужды просить или получать от других необходимое, убеждает иметь свыше нужного и копить деньги. Вторая — некое тщетное наслаждение самим материальным владением. Третья — немощь веры, обессиливающая душу, чтобы не иметь надежды на Бога как сокровище для владения необходимым, но собирать и держать, как будто по нужде, не столько, сколько требует нужда, но сколько велит стяжание. Поэтому и назвал Павел идолослужением стяжание как променивающее упование на Бога, говоря: "И любостяжание, которое есть идолослужение" (Кол.3,5)».

Говоря о причинах стяжания, отцы приводили их не в такой четкой формулировке, как сказано выше, обозначая причины разными словами, но суть их - одна.

Иоанн Златоуст (т.12, Сл.11): «Почему богатство кажется тебе, человек, вожделенным? Несомненно, вследствие удовольствия, получаемого от хорошего стола, вследствие почета и толпы телохранителей, состоящей из людей, служащих тебе ради богатства, вследствие того, что ты можешь отомстить оскорбителям и для всех быть страшным, - а других причин ты не можешь указать, кроме удовольствия и лести, страха и мести».

Разберем подробнее каждую из причин в соответствии с учением Иоанна Карпафского. Начнем рассматривать со второй, т.к. первая и третья достаточно близки по своей сути – ненадеяние на Бога, а вторая – это четкое выражение страсти сребролюбия.

Раздел: Стяжание от наслаждения материальными благами

Иоанн Карпафский (117 глав, 45): «Вторая (причина стяжания) — некое тщетное наслаждение самим материальным владением».

Все мы знаем, что человек ищет блаженство и стремится к большему, но по причине грехопадения, он перестал понимать: Кто есть Благо и в чем истинное благо. И, таким образом, душа, уклонившись от истинного блага, стала искать его в материальном мире. Но те христиане, которые познали Бога и себя, от чистого сердца обращаются к Богу как к своему Богатству.

Симеон Новый Богослов (Божественные гимны, 50): «Ты же— Надежда моя и Помощь моя, Ты Похвала, Богатство мое и Слава».

Николай Сербский (Молитвы на озере, 26): «Восстаньте, нищие, и прильните к Нему, ибо Он —Богатство ваше».

Но вернемся к вопросу о наслаждении мнимым материальным богатством. Наслаждение владением или приобретением может выражаться в стремление иметь красивые, роскошные и удобные вещи, и это – любоимание. Также к этой причине сребролюбия относится желание иметь больше, чем у тебя есть, и это – любостяжание. В этом разделе мы кратко рассмотрим любоимание и любостяжание, т.к. они уже частично рассмотрено выше.

Получение наслаждения от роскоши

Григорий Богослов (Слово о любви к бедным): «Нам нужно, чтобы пол у нас усыпаям был часто, и даже безвременно, благоухающими цветами, а стол орошен был самым дорогим и благовонным миром, для большего раздражения нашей неги; нужно, чтобы юные слуги предстояли перед нами - одни в красивом порядке и строе, с распущенными, как у женщин, волосами, искусно подстриженными, так чтобы на лице не видно было ни одного волоска, в таком убранстве, какого не потребовали бы и самые прихотливые глаза; другие - со стаканами в руках, едва дотрагиваясь до них концами пальцев и поднося их, как можно ловчее и осторожнее; иные, держа опахала над головами нашими, производили бы искусственный ветерок, и этим, руками навеваемым, зефиром прохлаждали бы жар утучненного нашего тела. Нужно, кроме того, чтобы все стихии - и воздух, и земля, и вода - в обилии доставляли нам дары эти, и стол наш весь был уставлен и обременен мясными яствами и прочими хитрыми выдумками поваров и пекарей; чтобы все они наперебой старались о том, как бы больше угодить жадному и неблагодарному нашему чреву - этому тяжкому бремени, виновнику зол, этому никогда ненасытному и самому неверному зверю, которому вместе с потребляемыми им яствами вскоре надобно будет истлеть (1Кор.6:13). Для них много значит утолить жажду и водой; а у нас пенится в чашах вино: пей до упоения, даже до бесчувствия, если кто невоздержан! Да еще одно из вин отошлем назад, другое похвалим за его запах и цвет, о третьем начнем с важностью рассуждать, и беда, если кроме своего отечественного не будет у нас какого-нибудь иностранного вина, как иноземного завоевателя! Ибо нам непременно должно вести жизнь роскошную и превышающую нужды, или, по крайней мере, славиться такой жизнью; как будто стыдно нам, если не будут почитать нас порочными людьми и рабами чрева и того, что еще хуже - чрева».

Климент Александрийский (Педагог): «А что касается сребролюбия, то оно сводит людей с правого жизненного пути, заглушает в них чувство приличия и отвращения к делам постыдным. Еще бы! Богач подобно животному желает только много есть, много пить, быть не лишенным чувственных удовольствий; он имеет средства к удовлетворению всякого рода желаний. И вот почему столь немногие из них делаются наследниками

царства Божия, открытого однако же для всех (Мк.10, 24). Для них счастье в многоядении. Ибо для какой же иной цели готовится столько кушаний, как не для наполнения желудка одного какого-нибудь человека?...На самом же деле к чему бы держать столько кравчих для разливания разнообразных вин, если для утоления жажды достаточно стакана воды? К чему столько сундуков для сохранения роскошных одежд? К чему эта золотая домашняя утварь? К чему множество других элегантных вещей? Не для удовлетворения ли взоров ненасытных, не для приманки ли воров и других преступников?».

О желании иметь все больше и больше

Более подробно об этом уже было сказано выше, но все же повторимся. Желание иметь все больше и больше является страстью сребролюбия. Напомним, что есть желание иметь больше по необходимости и действительной потребности; есть желание приобрести больше того, что есть по пристрастию или по тщеславию; а есть желание как сильное стремление к приобретению денег и материальных благ для большего обогащения или славы. В первом случае такое желание – естественное, а в других – страстное.

Платон, Митр. Москов. (т.1, Слово в неделю 26, на Лк.12,17): «...человек больше желает, нежели сколько ему надобно. Хотя подлинно трудно определить, сколько кому иметь надлежит; а наипаче ежели рассуждать различность состояний, однако не трудно приметить ненасытное желание. Известно, что всякому надобно иметь несколько одежды не для пышности и гордости, но для прикрытия наготы и для согретия немощного тела. Надобно иметь пищу и питье не для пресыщения и пьянства, но чтоб утолить глад и жажду, и изнуренные трудом силы подкрепить. Надобен дом не для увеселения очес, не для насыщения надменного мечтания, но чтоб было, где от воздушных беспокойств себя защитить. Надобна некоторая частица земли для своего пропитания и для всяких житейских выгод. Вот наши нужды! и хотя они теперь не все подробно исчислены, однако отсюда довольно можно узнать, что попечения наши должны быть умеренны».

Если человек, например, имеет бизнес, квартиру, может позволить себе более, чем необходимо, и при этом желает еще более развивать свой бизнес, то это - прямое выражение страсти любостыжательности. Эта страсть – бесконечная ненасытность.

Григорий Нисский (Точное истолкование Экклесиаста, бес.1): «...кто предан любостыжательности, подобно какому-то морю, разверзши безмерную похоть, не насыщается отовсюду стекающимися прибытками...»

Иоанн Златоуст (том 9): «Любостыжание в том и состоит, чтобы желать иметь больше надлежащего. Так бывает и с имуществом, когда мы хотим собрать его больше и больше...»

Мы уже приводили примеры, как святые отцы всячески изобличали и увещевали любостыжательных богатых людей, но приведем еще.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 260. Иной думает и говорит: «Я-де хочу на свете жить, и для того имение запасаю и берегу». Ответ. Так-то думал и евангельский богач жить на свете, есть, пить и веселиться. Но слушай, что Бог сказал ему: «Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк 12:20). Так и ты обещаешь себе то, что не в твоей власти; жить хочешь на свете, но смерть перед тобой невидимо стоит, суд Божий у дверей, и Бог с небес говорит: «Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?».

Василий Великий (Беседа 7, толков. на Ев. от Матфея 19, 16-25): «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места» (Ис.5:8). А ты что делаешь? Не изобретаешь ли тысячи предлогов, чтоб захватить принадлежащее ближнему? Говорит: дом соседа загораживает мне свет, беспокоит

шумом, принимает в себе бродяг; или, жалуясь на все, к чему только есть случай, гонит, теснит, непрестанно таскает, терзает, и не прежде успокаивается, как доведя до необходимости переселиться. ...Любостязательный - худой сосед в городе, худой сосед в поле. Море знает свои пределы; ночь не преступает издревле положенных ей границ; но любостязательный не уважает времени: не знает предела, не терпит порядка преемства, но подражает стремительности огня; все захватывает, все пожирает. И как реки, сперва выходя небольшими истоками, потом от постепенных приращений увеличившись до непреодолимой силы, своим стремлением уносят все преграждающее путь: так и достигшие великого могущества в том самом, что притеснили уже некоторых, приобретая силы делать еще большие обиды, подобно прежде притесненным, поработают и остальных; и с возрастающим могуществом возрастает и лукавство. Ибо те, которые прежде потерпели от них зло, оказывают им невольную помощь, содействуют в том, чтоб делать другим вред и обиды. Кто из соседей, из живущих вместе и из имеющих с ними дело не увлекается? Ничто не противится силе богатства: все преклоняется пред его самовластием, все трепещет его владычества; потому что всякий из обиженных более думает о том, как бы еще не потерпеть какого зла, нежели о том, как бы отмстить за претерпенное. Богатый приводит пары волов, пашет, сеет, жнет на земле ему не принадлежащей. Если станешь противоречить - тебе удары. Если станешь жаловаться: обвинят тебя в оскорблении, осудят; будешь сидеть в тюрьме; готовы клеветники, которые доведут тебя до опасности лишиться жизни. Рад будешь и еще что-нибудь отдать, только бы освободиться от тяжбы.

Желал бы я, чтоб отдохнул ты немного от дел неправды, дал время своему рассудку размыслить, к какому концу стремится попечение об этом. Есть у тебя такое-то число десятин обработанной земли, и еще такое же число земли, заросшей лесом, горы, равнины, овраги, реки, луга. Что ж после сего? Не всего ли три локтя земли ожидают тебя? Не достаточно ли будет тяжести немногих камней, чтоб охранять жалкую плоть? Для чего трудишься? Для чего поступаешь незаконно? Для чего собираешь своими руками бесплодное? и, о если еще только бесплодное, а не пищу для вечного огня! Отрезвишься ли когда-нибудь от сего упоения? Будешь ли иметь здравый рассудок? Придешь ли в себя самого? Представишь ли пред своими очами Христово судилище? Чем оправдишься, когда обиженные станут вокруг тебя и возопиют на тебя праведному Судии? Что тогда будешь делать? Каких наймешь ходатаев? Каких представишь свидетелей? Как уверишь Судию, не поддающегося никакому обману? Там нет витий, нет убедительного красноречия, которое бы могло скрыть истину пред Судьею. Туда не сопровождают ни льстецы, ни деньги, ни величие сана. Предстанешь один без друзей, один без помощников, ни защищаемый, не оправдываемый, постыженный, печальный, унылый, всеми оставленный, не смеющий отверсть уст. Куда ни обратишь взор, везде увидишь ясные изображения злых дел: здесь слезы сироты, там стенания вдовицы, и с другой стороны бедные, тобою избитые, слуги, которых ты мучил, соседи, которых раздражал. Все восстанет против тебя; лукавый сонм злых твоих деяний окружит тебя. Ибо как за телом тень, так за душою следуют грехи, явственно изображающие ее дела. Поэтому там нет места запирательству, но заграждаются уста самые бесстыдные; потому что сами о себе свидетельствуют дела каждого, не голос издавая, но являясь такими, как были нами содеяны. Как изображу пред твоими взорами сей ужас? Если только слушаешь меня, если только принимаешь сие к сердцу: то помни тот день, в который открывается «гнев Божий с небесе» (Рим.1:18); помни славное пришествие Христово, когда восстанут «сотворшие благая, в воскресение живота, а сотворшие злая, в воскресение суда» (Ин.5:29). Тогда вечный стыд грешникам и «огня ревность поясти хотящаго сопротивных» (Евр.10:27). Пусть это огорчает тебя, но да не огорчает заповедь. Как мне подействовать на тебя? Что сказать тебе? Ужели не желаешь царствия? не боишься геенны? Где сыщется врачевание для души твоей? Если ужасное не устрашает, радостное не возбуждает; то каменному говорю я сердцу».

Раздел: Стяжание, как выражение гордыни

А теперь рассмотрим первую причину стяжания (по Иоанну Карпафскому).

Иоанн Карпафский (117 глав, 45): «Первая (причина стяжания) — некая тайная гордыня, которая, представляя смешным во время нужды просить или получать от других необходимое, убеждает иметь свыше нужного и копить деньги».

Вначале следует кратко сказать, что во многих случаях хорошо видна связь сребролюбия с другими страстями. И поэтому отцы говорят, что:

Григорий Палама (Доброт. т.5, ст.16): «... (сребролюбие) почти всем (страстям) доставляет пищу и поддержку».

В данном случае сребролюбие связано со страстями гордости и тщеславия. Более подробно об этих страстях мы будем говорить в соответствующих темах, а сейчас отметим следующее. Гордыня и сребролюбие могут проявляться: 1. как соперничество или выражение превосходства перед другими людьми; 2. как стремление к славе и власти; 3. как нежелание и стыд обращаться за помощью к другим людям.

О соперничестве и зависти

Для многих людей смыслом жизни является цель - быть сильнее, богаче, влиятельнее других людей. Они живут, как бы соревнуясь с другими, желают всегда быть победителями и страдают оттого, что осознают себя равными с другими, и еще более - если у них что-то хуже, чем у других.

Старец Паисий Святогорец (Слова, ч.2, гл.3): «Сейчас (люди) мучаются. В их душах - тревога и отчаяние: "Такому-то удалось построить два многоэтажных дома!" Или: "Такому-то удалось выучить пять иностранных языков!" - или еще что-нибудь подобное этому. "А у меня, - говорят, - нет даже своей квартиры, и иностранного языка я не знаю ни одного! Все, пропал я!" Или же кто-то, имея автомобиль, начинает терзаться: "У другого машина лучше моей. Надо и мне купить такую же." Он покупает себе новую машину, но и она ему не в радость - ведь у кого-то еще есть и получше. Он покупает такую же и себе, а потом узнает, что у иных есть собственные самолеты, и опять мучается. Конца этому нет».

Тот человек, у которого есть такие чувства и мысли, относится к неправедникам.

Иоанн Карпафский (117 глав, 49): «Неправеден желающий стяжать и превзойти в вещах брата, отрекаясь от справедливого равенства».

Нравственное Богословие (Грехи против 10-й заповеди, грех - соревнование ближнему в делах суетных или прямо порочных): «Соревнование не одно с завистью. Соревнивший уже не досадует на то, что ближний его владеет каким-либо преимуществом; но сам старается иметь то же преимущество или пользоваться тою же самою вещью. Это значит завидовать ближнему на самой практике, или точнее сказать: значить стараться перещеголять других в суете и грехах. Так, например, появился новый наряд на известном лице, и вот через самое короткое время тот же наряд показывают на себе, и другая и третья личность, хотя наряд и не представляет ни удобства к употреблению, ни особенной красоты, и хотя он вовсе не по средствам для подражателей. Так, кто-либо построил себе по вкусу экипаж: не уступает ему и знакомый его, старается еще дороже завести себе того же фасона экипаж. ...И сколько-сколько можно указать примеров соревнования ближнему в суете и пороках! Но где же собственный взгляд на дело? где предварительное размышление о том,— стоит ли подражать другим, например, в том, что только бросается

в глаза или льстит самолюбию и тщеславию?»).

В Евангелии сказано: «Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя» (Филипп.2,3). Как это отлично от того, о чем сказано выше! Поэтому, когда нас будут посещать желания и мысли приобрести что-то «престижное», чтобы в глазах людей выглядеть «достойно», то напомним своей душе, что мы – христиане, и нам нужно следовать за Христом, а не искать превосходства пред другими.

Нравственное Богословие (Грехи против 10-й заповеди, грех - соревнование ближнему в делах суетных или прямо порочных): «Ничего не делайте по любопрению» (Филипп.2,3) Нужно соревновать другим в добром (1Кор.12,31), например, в покаянии или молитве: эта ревность была бы полезнейшая и богоугодная».

Учитесь быть довольными и независтливыми, и это принесет вам тишину, смирение и радость во Христе.

Старец Паисий Святогорец (Слова, ч.2, гл.3): «Сегодня людям неведома эта монашеская радость. Люди считают, что испытывать лишения, страдать они не должны. А если бы люди думали немножко по-монашески, если бы они жили проще, то и были бы спокойны. ...Другой человек, у которого тоже нет машины, славословит Бога и радуется. "Слава Богу! - говорит он. - Ну и пусть у меня не будет машины. Ведь у меня крепкие ноги и я могу ходить пешком. А у скольких людей ноги ампутированы, и они не могут за собой ухаживать, не могут выйти на прогулку, нуждаются в чьем-то уходе!... А у меня есть собственные ноги!" В свою очередь, человек хромым говорит так: "А каково другим, у которых нет обеих ног?" - и радуется тоже».

О суетном подражании

Некоторые люди не так явно выражают свое соперничество, и, обычно, от таких людей можно услышать следующее оправдание: «Да мне ничего не надо, я делаю это для того, чтобы не стыдно было перед людьми», «хочется, чтобы у меня было не хуже чем у других», и это - предлоги тщеславия и лукавства. Подобные рассуждения отцы называют суетными и по-скотски подражательными.

Тихон Задонский (Сокровище духовное, Пьянство, о том же): «Как видим, упивающиеся вином учатся друг у друга этому беззаконному делу. Похоть, кроющаяся в сердце человеческом, возбуждается и разжигается видением и слухом. Юному человеку, да и всякому, весьма трудно не научиться пьянству и так не развратиться, если будет водиться с пьяницей. Так и пьянству не от вина, а от похоти мира люди друг у друга учатся. Видим везде эту беззаконную ревность. Это зло у всех перед глазами обращается. Сколько видим перемен в создании домов, в сочинении одежд, в приготовлении трапез, в убранстве карет и коней, и прочей суете, красоте и пышности этого мира. Сколько, говорю, видим перемен. Но все они к худшему. Благодетель всегда одинаков. Как от начала мира было, так и ныне есть, и всегда будет. Истина всегда истинна, всегда неизменна: и была, и есть, и будет. Суета и прелесть непостоянна, но всегда меняется».

Тихон Задонский (Сокровище духовное, Скотское следование): «Видим, что куда одна скотина пойдет, туда за ней и прочий скот следует, хотя оттуда и вред ему будет. Так многие люди безрассудно делают, и по чувствам, а не по разуму поступают, и друг за другом по примеру скота следуют, не думая, полезно ли это будет или вредно. Видим эту беззаконную и пагубную в мире ревность. Один начал частые банкеты устраивать, пить, гулять, упиваться, и прочих упивать, — то же делает и другой, и третий. Один начал щеголять — последуют ему и другие. Один много собрал богатства — и прочие о том же заботятся. Одна бесстыдница намазывает свое лицо белилами и красками — следуют ей и другие, и пагубно делают все, как одна. Один беззаконный купец просит у торговца

цены выше, чем товар стоит, и клятву в том дает, и святое и страшное имя Божие в том беззаконном деле призывает. Делают то и другие, подобные ему. Так и в прочем бедные люди друг другу подражают. Подражают, но себе во вред и на свою погибель. Это безрассудное дело! Это скотское следование! Это моровая язва, которой души христианские, пресвятою Кровью Христовой искупленные, заражаются и погибают! Это пожар душепагубный, который в одном начавшись, другие душевные дома сжигает! Увы, беда! Увы, горе! Зло начинается в одном, и все так делают, и это в обычай входит, и сильно утверждается так, что и искоренить его невозможно, как застарелую болезнь. — Надо мной люди будут смеяться, если я не делаю, как они делают. Ответ: 1. Нечестие всегда над благочестием смеется и ругает его. Пусть какой-либо богатый человек продает свой богатый дом, все принадлежности, и пусть все имение свое расточит, и раздаст убогим, и возлюбит нищету Христову. Сам увидит, что ему будет от злого мира. «Вот-де дурак, что сделал! Что люди собирают, то он расточил». Так сынам века этого благочестие буйством кажется! 2. Христос, Спаситель наш, Господь и Царь славы, осмеян и поруган был любящими мир. Пусть мир и над тобой смеется и ругается. Ты свое знай и делай, что Ему угодно, а не миру. Ему, как Начальнику твоему, сообразуйся, а не веку сему. 3. Неужели все то нам делать, что мир делает? Многие убивают, прелюбодействуют и любодействуют, крадут, похищают и т.д. И нам это делать? Да не будет этого! Они идут в погибель. И нам идти? Да сохранит нас Господь от того! 4. Мы не только чувство, но и разум имеем, и можем рассудить, что добро и что зло, что полезно и что вредно. И так, когда видим, что люди делают, то не чувствам, по примеру животных, а разуму следовать должны. Те, которые одним чувствам следуют, а не разуму, — не люди, а животные. 5. Мы — христиане. Мы имеем святое слово Божие. Мы видим в нем, что добро и что зло, что полезно и что вредно. Так Бог запрещает то, что зло и что нам вредно, а повелевает то, что добро и нам полезно. Что люди делают? Приложим это к Святому Писанию, как к чистому зеркалу, и посмотрим в него. Сходно ли или противно ему делают люди? Если сходно делают — хорошо, и нам полезно это делать. Если противно — отвратим очи наши от этого и послушаем, чему Священная Книга учит. 6. Пусть даже весь свет делает то, что Богу противно и для себя пагубно, ты же делай то, что Богу угодно и для тебя душеполезно. Весь свет не заступится за тебя перед Судом Божиим. Там не скажешь: вот-де тот-то и тот-то делал это. Одно услышишь от Судии: «Почему ты не делал того, что Я приказал тебе?» Одного Бога, больше всего света, несравненно почитать должно. Будь в мире, как Лот в Содоме, где все беззаконничали, но он им не подражал, а делал то, что святой воле Божией было угодно. Делай и ты так, не подражай тому, что злой мир делает. Видишь или слышишь, что худо делают люди — будь как не видящий и глухой, не слышащий. Обращай всегда к вечности сердечные свои очи, и будут все мирские дела позади тебя, и жить будешь в мире, как бы один, ведая Создателя своего и святую волю Его. Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном (Кол.3,1,2)».

О связи тщеславия и сребролюбия

Многим из нас хочется иметь что-либо красивее или престижнее для того, чтобы обратить на себя внимание, удивить кого-то, и тем заслужить похвалу — и это есть тщеславие, проявляющееся через сребролюбие.

Нил Синайский (О нестяжательности, гл.30): «(Те, кто посвятил себя на служение земному кумиру желают) быть у всех на виду, и, как не приобрели себе славы житием в обществе, думают достигнуть знаменитости роскошью, и тем явно выставляют на позор свое безумие, предосудительное вменяя себе в похвалу и думая тем обратить на себя внимание и заслужить удивление, за что достойны они презрения и осмеяния».

Люди тщеславятся от сребролюбия в двух случаях:

Максим Исповедник (сотн.3-ая, 83): «Тщеславие и сребролюбие суть взаимные друг друга породительницы. Ибо иные богатеют из тщеславия, а иные, обогатясь, тщеславятся. Но так в мире водится».

Таким образом, и те, кто только стремятся к богатству, и те, кто уже владеют им, являются тщеславными людьми.

Для монахов и подвижников более свойственно тщеславие от нестяжания.

Максим Исповедник (там же): «Монах же более тщеславится, когда бывает нестяжателен; а, имея серебро, прячет оно, стыдясь, что имеет вещь, его званию неподобающую».

О стремлении к славе и власти

Василий Великий (Беседа 20): «Между тем диавол, низложивший человека надеждою ложной славы, не престаёт поощрять его теми же побуждениями и изобретать для сего тысячи козней. Представляет ему чем-то важным, если обложится он деньгами, чтобы тем величался и о том заботился, что ни мало не ведет к славе, а великие приносит опасности; потому что приобретение денег - начало любостяжания, а обладание ими не ведет к доброй славе, но понапрасну ослепляет, попусту надмевает и производит в душе болезнь, подобную опухоли. Толщина опухших тел и не здорова и не полезна, а напротив того болезненна и вредна; в ней начало опасности, скрытая причина гибели. То же самое и гордость в душе. И не от одних денег рождается в человеке превозношение: люди превозносятся не одною пышностью снедей и одежд, приобретаемых за деньги, не тем одним, что устроят сверх нужды дорогие и роскошные столы, облакаются в ненужные одежды, созидают огромные дома, испещренные украшениями, водят за собою множество сопровождающих слуг и бесчисленные толпы ласкателей; но они, забывая свою природу, величаются чинами, в которые возводятся по выборам. Если народ возвел в чин; если удостоил какого-либо председательства, приговорил почтить высоким саном: то вот уже, как бы став выше человеческой природы, думают о себе, что едва не на облаках сидят, а низших себя людей считают подножием, превозносясь пред теми, которые дали им чин, гордясь против тех, чрез кого в собственном своем мнении стали что-то значить! Продолжая дело, исполненное безумия, имея славу, которая непостояннее сновидения, облакаясь в блистательность, которая пустее ночных призраков, по мановению народа возникает и по его же мановению исчезает. Таков был этот неразумный сын Соломонов, юный возрастом и еще более юный умом, который народу, просившему правления снисходительнейшего, угрожал правлением еще более обременительным, и за сию угрозу лишился царства. Чрез это надеялся показаться более полновластным, чрез это самое потерял и то достоинство, какое имел».

Отцы говорят, что с людской славой и богатством рядом идет лесть, которая подкупает богатых и знатных.

Иоанн Златоуст (Толк. на Пс.48): «Так как богатые и об этом много заботятся: о лести на площади, об угождении народа, о похвалах общества, считают за нечто великое – встречать рукоплескания на зрелищах, на пиршествах и в судилищах, провозглашаться всеми и называться достойными подражания, то, смотри, как он показывает ничтожество и этого со стороны продолжительности времени. "При жизни его", говорит, т.е. эти угождения, эти прославления бывают только до конца настоящей жизни; а потом, вместе с прочим, уничтожается и это, как временное и тленное, и даже в устах тех же хвалителей обращается в противное после смерти его, когда спадает маска, внушавшая страх...».

Иоанн Златоуст (т.12, Сл.11): «Не смотри на те похвалы, которые расточаются открыто вследствие страха и лести, а раскрой совесть каждого из тех, которые так льстят тебе, и увидишь тысячи обвинителей, которые в душе вопиют против тебя, отвращаются

от тебя и ненавидят хуже злейших твоих врагов и неприятелей. И если когда-нибудь приключившаяся перемена обстоятельств удалит и изблещит личину, образуемую страхом, подобно тому, как яркий луч солнца - подкрашенные лица, тогда ты ясно увидишь, что в предшествовавшее время ты был в крайнем бесчестии у тех, которые услуживали тебе, и пользовался, как ты думал, честью со стороны людей, которые более всего тебя ненавидели и желали видеть тебя в крайнем несчастье».

А также отцы обращаются к тем, кто склонен льстить богатым и влиятельным.

Иоанн Златоуст (Толк. на Пс.48): «Ты льстишь ему, угождаешь, притворно и лицемерно оказываешь какую-нибудь временную услугу; а он, хотя будет воздавать тебе благодарность, но с тем, чтобы ты сделал угодное ему, и когда, таким образом, совершенно подкупить тебя, тогда и будет благодарить тебя. Вот что означают слова: "будет прославляема и (даже) признательна тебе, когда оказываешь ему добро". Не сказал: когда сделаешь ему полезное, окажешь благодеяние, но: когда сделаешь угодное ему, окажешь услугу по желанию и по мысли его; указал таким образом вред с обеих сторон, и от лицемерного одобрения, и от злонамеренного угождения».

Климент Александрийский (Кто из богатых спасется, гл.1): «Восписующие богатым похвалы, мне кажется, по всей справедливости должны быть не только осуждаемы за лесть и пресмыкательство, потому что они выдают себя за почитателей того, что вовсе не заслуживает почтения; но они должны быть признаваемы и за безбожников и обманщиков. За безбожников, ибо не радея о своей обязанности хвалить и прославлять Единого Совершенного и Святого Бога, из Которого все, Которым все и к Которому все (Рим.11,36), они честь, приличествующую Ему, воздают людям, обременяющим себя грехами, ведущим жизнь безнравственную, за что - а это и главное - подлежат суду Божию. За обманщиков такие люди должны быть считаемы потому, что богатство уже само в себе имеет силу надмевать души собственников, губить и сводить с пути, коим достигается спасение, а они богатых к тому же еще усыпляют через угодливость им своими безмерными похвалами. Кроме того, пробуждают в них высокомерные мысли, в результате чего богатые все начинают считать пустяками, за исключением богатства, которым они такое удивление к себе возбуждают. Поистине, это значит к огню огня подбавлять, гордого гордостью нагружать, к богатству прибавлять еще отяготительнейшее затруднение: трудно осиливаемую природу обременять еще затруднительнейшей тяжестью вместо того, чтобы освободить и отделять ту от этой, как от некоей губительной и смертельной болезни. Потому что кто превозносится и чванится, того может и обратное постигнуть - для него может наступить унижение и падение, чему и учит слово Божие (Мф. 23: 12). Мне кажется, вместо того чтобы унижительно льстить богатым и прославлять их за дурные их дела, гораздо человечнее по отношению к ним было бы помогать им напоминаниями, всеми возможными способами содействуя их спасению: частью Бога о сем моля».

Говоря о тщеславии своим богатством и стремлении к славе, многие святые отцы вразумляли таких людей напоминанием о смерти и о будущей участи.

Иоанн Златоуст (Толков. на посл. 2Кор. Бес.23): «Не говори мне ни о цвете лица, ни о вытянутой шее, ни об одежде, ни о коне, ни о свите, но размысли и скажи: чем все это оканчивается? Если ты указываешь на внешнюю видимость, то я покажу тебе то же на картинах, и еще в гораздо более блистательном виде. Но как мы не удивляемся изображенному (на картинах), зная, что все это в существе своем грязь, так нет причины и этому удивляться. Поистине, и это – грязь, и даже прежде, чем разрушится и обратится в пыль. Покажи мне эту вытянутую (шею), когда человек страдает горячкою и находится при последнем издыхании; тогда я побеседую с тобою, и спрошу: что случилось с этою великою красотою, куда девалось множество льстецов и услужливых рабов, обилие богатства и стяжаний? Какой ветер нашел и развеял все это? Но скажешь, что он, и лежа на одре, имеет при себе знаки богатства и знатности, облечен в великолепные одежды, окружен бедными и богатыми, и прославляется народом. Но ведь и это один только смех;

кроме того, все это тотчас, подобно цветку, опадет и развеется. Лишь только мы выйдем за ворота города, и, предавши тело червям, возвратимся, куда, спрошу опять тебя, идет эта многочисленная толпа? Где прежний вопль и шум? Где светильники? Где лики женщин? Не сновидение ли все это? Что значили эти вопли? Где те бесчисленные голоса, которые кричали и убеждали (умершего) не страшиться, потому что смерти нет? Не теперь надлежало говорить ему об этом, не теперь, когда уже не слышит, но в то время, когда похищал, предавался любостыжательности, тогда надлежало бы говорить ему, немного изменив слова: не надобно слишком надеяться, никто не бессмертен на земле, удержишься от своего безумия, угаси похоть, не надейся на несправедное (стяжание). Теперь говорить ему о том свойственно не доброжелателю, а насмешнику, потому что этим заставишь его не надеяться, а страшиться и трепетать. Но если бесполезно это для сошедшего уже с поприща, то, по крайней мере, пусть услышат те из богатых, которые больны тою же болезнью, и сопровождают гроб. Они, будучи упоены богатством, ничего такого не представляли себе прежде, но в настоящее время, когда самый вид лежащего пред ними уверяет их в истине наших слов, пусть образумятся и научатся, что через некоторое время и они будут отведены к страшному отчету, чтобы принять наказание за все, что они похищали и несправедно приобретали».

Иоанн Златоуст (Толк. на посл. Евреям, беседа 2): «...не будем (ничем) превозноситься. Если Он (Христос), будучи Богом, Владыкой и Сыном Божиим, не отрекся принять "образ раба" (Фил. 2:7), то тем более мы должны делать все, хотя бы то было самое уничиженное. И чем, скажи мне, превозносишься ты, человек? Благами ли житейскими? Но они тотчас исчезают, как скоро являются. Духовными, ли? Но и то есть одно из духовных благ, чтобы не превозноситься. Чем же ты превозносишься? Тем ли, что делаешь добрые дела? Но послушай Христа, который говорит: "когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать" (Лук. 17:10). Богатством ли ты превозносишься? Но, скажи мне, почему? Разве ты не слышал, что мы наги вошли в жизнь, наги и отойдем (Иов. 1:21)? Или лучше, разве ты не видишь, как другие отходят прежде тебя нагими и лишенными всего? Кто превозносится тем, что у него есть чужое? А кто хочет пользоваться этим для одного, собственного наслаждения, тот лишается его и против воли, часто еще прежде смерти, а при смерти непременно. Но скажут: пока мы живы, мы пользуемся им, как хотим. Нет, - не скоро найдешь человека, который бы пользовался имуществом, как он хочет; а если бы кто и пользовался им, как хочет, то и это не важное дело, потому что время настоящее кратко в сравнении с бесконечными веками. Тем ли превозносишься, человек, что ты богат? Почему же? Богатство бывает и у разбойников, и воров, и убийц, и развратников, и прелюбодеев, и у всех людей порочных. Почему же ты превозносишься? Если ты употребляешь его, как должно, то тебе не следует превозноситься, чтобы не нарушить заповеди (Господней); если (употребляешь) не так, как должно, то тебе следует скорее сокрушаться о том, что ты сделался рабом имущества и богатства, которое обладает тобою. Скажи мне: если бы кто-нибудь, страдая горячкою, выпил много воды, которая на короткое время утоляет жажду, но потом воспламеняет огонь, то может ли он превозноситься этим? Или если бы кто-нибудь хлопотал о многом напрасно, то может ли он превозноситься этим? Чем же, скажи мне, (превозноситься тебе)? Тем ли, что имеешь над собою много господ? Тем ли, что у тебя бесчисленное множество забот? Тем ли, что многие льстят тебе? Но это не что иное, как рабство».

Стяжание как выражение надежды на себя

Платон, Митр. Москов. (т.1, Слово в неделю 26, на Лк.12,17): «...тот бесчестит себя пороком корыстолюбия, который безрассудно думает, что все зависит от его трудов, а не паче от благословения Божия. Таких людей не трудно приметить. Есть ли кто в работе

себе отдыху не дает с видимым повреждением своего здоровья; кто ни о чем другом, как токмо о прибытках говорит; кто и в праздничные дни, во дни, на богослужение посвященные, от сует не отстаёт: такова без сомнения за корыстолюбца почитай. И часто случается, что таким образом снисканное имение в один час пропадает. Дождь, гром, молния, потопление, хотя подлинно суть действия естественные, но притом они часто служат своему Создателю орудием к наказанию нечестивых. Кто никаких трудов не жалеет для прибытков, а не думает о благочестии и добродетели: тот, положим, что изыскивает, например, сто способов обогатить себя, но между тем теряет тысячу способов богатство свое сохранить».

Тот, кто воспринимает свое богатство как свою собственность и как результат только своих трудов, называется безумным человеком.

Феофилакт Болгарский (Толкование на Ев. от Луки, гл.12): «Вот и еще безумие богача. “Хлеб мой и все добро мое”. Он не считает их даром от Бога, ибо, в противном случае, располагался бы относительно их, как приставник Божий, а считает их плодом собственных трудов. Посему, присвоив их себе, и говорит: “хлеб мой и добро мое”. Я, говорит, не имею никакого сообщника, не буду ни с кем делиться. Все это добро — не Божие, а мое; посему я один буду и наслаждаться им, а Бога не приму участником в наслаждении им. Это явно безумно».

Также надеяние на себя проявляется в нежелании обращаться за помощью к другим людям.

Евагрий (Добротолубие, т.1): «Если имеешь нужду в пище или одежде, не стыдись принять, если будут подавать тебе их другие. Ибо это есть вид гордости».

Иоанн Златоуст (т.10, бес.17): «Боюсь, – говоришь ты, – чтоб не заставила нужда идти к чужим дверям и просить у ближнего”. Я часто слышу, что многие даже молятся об этом и говорят: “Не попусти мне когда-нибудь нуждаться в помощи человеческой”. Слыша это, я очень смеюсь, потому что такой страх приличен только детям. В самом деле, ежедневно и во всем, так сказать, мы нуждаемся в помощи друг друга. А потому такие слова свойственны только нерассудительному и надменному человеку, который не знает хорошо положения дела. Разве не видишь, что мы все имеем нужду друг в друге? Воин – в ремесленнике, ремесленник – в купце, купец – в земледельце, раб – в свободном господине, господин – в рабе, бедный – в богатом, богатый – в бедном, ничего не зарабатывающий – в подающем милостыню, подающий – в принимающем, – ведь и принимающий милостыню удовлетворяет величайшей нужде, высшей всех нужд. Если бы не было нищих, то многое бы утратилось для нашего спасения, потому что нам некуда было бы сбывать свое имущество. Таким образом, и нищий, который, по-видимому, всех бесполезнее, оказывается всех полезнее. Если же для тебя стыдно иметь нужду в другом, то тебе остается только умереть, потому что кто стыдится этого, тому нельзя и жить. “Но я не могу, – говоришь, – вынести гордого взгляда”. Для чего ты, обвиняя другого в гордости, себя самого стыдишь таким же обвинением? Ведь и то гордость, если не терпишь надменности гордого человека. Зачем же ты боишься, трепещешь того, что не стоит никакого внимания, и из-за этого ужасаешься и нищеты? Как бы ты ни был богат, все будешь нуждаться во множестве людей, худших тебя; чем более ты богатеешь, тем более подвергаешь себя этой беде.

Итак, ты сам не знаешь, о чем молишься, когда просишь богатства для того, чтобы ни в ком не иметь нужды. Ты поступаешь подобно тому, как если бы кто, уходя в море, где нужны и пловцы, и корабль, и многое снаряжение, стал бы молиться о том, чтобы ему ни в ком не иметь нужды. А если ты действительно желаешь не очень нуждаться в других, то проси себе нищеты. Будучи нищим, если у кого и попросишь, то только хлеба или одежды. А сделавшись богатым, будешь нуждаться и в селах, и в домах, и в оброках, и в достоинстве, и в безопасности, и во славе; тебе понадобятся и начальники, и не только они, но и подчиненные им жители городов и сел, купцы и мелкие продавцы. Видите ли, что такие речи крайне неразумны?».

Нравственное Богословие (Грехи против 2-ой заповеди. Грех – горделивое пренебрежение всякой помощи со стороны ближних): «Просить стыжусь» (Лк.16,3). Это другая крайность (от излишней надежды на другого человека): не хотеть просить сторонней помощи в самой необходимой или благородной нужде. От чего же? Или от стыда, или чтобы только не одолжаться у других (в характере особенно молодых людей). Прежде всего тут человек напрасно обидит самого себя: терпит невыносимую нужду, и не хочет попросить. Затем, он уклоняется от такого порядка в жизни человеческой, установленного Самим Богом: «служить другим и принимать взаимно услуги от других». Господь Бог так мудро разделит между людьми способности, силы и блага, что люди необходимо нуждаются друг в друге (2Кор.8.14)... Только Он Сам, всемогущий, ни от кого и ничего «не требует» (Деян.17,25). И так пренебрегающий всякою помощью – услугою со стороны ближнего как бы думает быть самобытным существом».

Обычно помощи не хотят просить те, кто всегда надеялся на себя. При этом человек довольно-таки легко просит и принимает помощь, когда может и сам что-либо сделать или оплатить, и в этом проявляется гордыня и корыстолюбие. Но когда наступают тяжелые обстоятельства, и он действительно нуждается, то та же гордыня не позволяет ему открыть перед людьми свое бессилие и неоправданную надежду на себя. Поэтому отцы советуют:

Амвросий Оптинский (Письма к монашествующим, п.359): «Если кто присылает тебе что-либо, принимай это как от руки Божией, и бедностью не стыдись. Бедность не порок, а главное средство к смирению и спасению. Сам воплотившийся Сын Божий благоизволил в бедности пожить на земле. Помни это и не стыдись».

Надежда на себя также ясно проявляется в нашем стремлении оставить детям наследство, и т.к. это очень тяжелое заблуждение родителей-христиан, то подробно рассмотрим это оправдание и посвятим этому следующий раздел.

Раздел: Об оправдании, что деньги и имущество собираются и берегутся для обеспечения детей и внуков

Многие из нас имеют внутреннее настроение и мысли, что надо обеспечить будущее своих детей и что после нашей смерти все останется им. Эти чувства и мысли кажутся нам правильными, и мы думаем, что в них выражена наша любовь и забота о детях. Но, несмотря на нашу убежденность в правильности таких мыслей, они все же, зачастую, являются следствием «суетной заботливости родителей».

Нил Синайский (К монаху Агафию, отд.6): «И ни один суеслов да не выставляет мне с важностью этого давнего предлога, говоря, что бережет деньги для спокойной жизни детям и внукам, потому что опыт заграждает всякие уста, выставляющие этот предлог, на самом деле показывая, что суетна такая заботливость родителей».

Такое оправдание существует с давних времен, и мы не первые его произносим. Подтверждением этого являются учения св. отцов первых веков христианства и отцов, являющихся практически нашими современниками. Например,

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 260. Вызвался богач и представляет резон, почему убогим отказывает: «Я-де имею детей, надо детям оставить наследство».

Предвидим недоумения многих родителей, т.к. и сами являемся таковыми, и также находились в таком заблуждении и в таких цепях беспокойства о будущем своих детей. Но Господу нашему слава, что не оставляет нас с нашими неправыми рассуждениями и

учит нас истине через примеры Писания и учения святых отцов! Поэтому оставим наши возмущения и недоумения, и обратимся к истине.

Об обеспечении детей до определенного возраста

Во-первых, материальное обеспечение детей должно быть до тех пор, пока ребенок не сможет сам зарабатывать себе на жизнь. Пока ребенок мал, Господь заботится о нем через родителей, но когда он вырастает, то Господь печется о нем Сам, также как и о каждом из нас. Но мы не склонны так думать, и даже противимся таким мыслям, т.к. для нас дети – это наши дети, а не Божии, и в этом забвении кроется большое зло.

Нил Синайский (там же): «...иметь о всех попечение принадлежит Богу, благоустроющему жизнь каждого, как для кого полезно. Иначе будем вести себя в этом хуже бессловесных, себе присвоив дело Божия Промысла в своей мнимой попечительности о детях... Ибо, если сами себя не обучили мы целомудренному рассуждению, то должно нам и этому, как и многому другому, учиться у бессловесных. У зверей, у пресмыкающихся, у птиц и всех животных домашних природа бывает учителем в том, сколько должно заботиться о потомстве, обучая прилагать попечение о малых детях и птенцах, пока нет у них своих сил добывать себе пищу, а когда будут на это силы, прекращая родственную попечительность и предоставляя каждому полную свободу искать себе корма. И сие делает природа, может быть, в посрамление тем, которые одарены словом, но ведут себя бесчувственнее бессловесных и оскорбляют Бога, как будто не может Он иметь достаточного Промышления о собственных Своих делах...».

Да не подумает никто, что Господь и святые призывают вообще перестать заботиться о своих взрослых детях. Во-первых, необходимо помнить, что у каждого из нас, независимо от того, отец это или сын, мать или дочь, свой путь, определенный Богом, и что Он заботится о каждом человеке.

А во-вторых, нужно понимать разницу в понятиях: «обеспечить будущее детей путем собственного стяжания», «помочь взрослым детям в соответствии со своими возможностями» и «отстраниться от помощи детям по своей холодности к ним». Первое и третье значение являются греховными крайностями, а второе – благоразумным и естественным действием. Также есть святое не попечение о материальном достатке своих детей, но это уже степень немногих. Ниже кратко рассмотрим каждое значение, но прежде напомним об обязанностях родителей в отношении детей.

Иннокентий Пензенский (Богословие деятельное, ч.2, гл.6): «Обязанности родителей следующие: воспитывать детей в благочестии и страхе Божиим; доставлять им пищу и одежду до тех пор, пока они сами не будут в состоянии приобретать себе все нужное (Лк.11,11); заботиться о развитии их умственных и телесных сил, а также об обучении их искусствам и полезным наукам в соответствии с их понятиями и дарованиями и со своим состоянием (1Тим.5,8)».

Обратите внимания, что в обязанностях нет пункта об оставлении наследства, т.к. это - общепринятый закон и, несмотря на наследство, каждый должен зарабатывать своим трудом. Мы знаем множество примеров, когда дети имели больший достаток, чем наследство, оставленное им родителями, а это подтверждает то, что родительское наследство не является основной формой обеспечения взрослых детей. Тем более, в обязанностях родителей нет пункта об оставлении детям богатства, т.к. каждый оставляет в том количестве, в котором он имел.

Помощь взрослым детям в соответствии с возможностями родителей

При жизни родители должны оказывать помощь взрослым детям, если есть необходимость в этом, а не содержать их.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – лишение взрослых и отделившихся детей всякой поддержки и наследства): «Родители должны помогать также и взрослым детям, во-первых, материально, когда это требуется, и когда имеют на то возможность. Вечным, так сказать, плательщиком за отцовские благодеяния должен быть сын, но и добрый отец не прекращает сыну своих благодеяний, не отказывает в пособии тем из детей, которые нуждаются в его поддержке. Нуждаются, говорим, или потому, что только лишь начинают жить особым хозяйством или уже обременены малыми детьми или, наконец, произвольно отделившись от отцовского дома и истратив скоро наследственную часть, дошли до нищеты и голода. Вызов к пособию последнего рода, правда, неблагоприятен. Но если неразумный сын, сознав свои вины, желает снова воротиться под кров родительский и только ожидает ласкового родительского слова: долг родителей не отталкивать его, но принять так же, как был принят блудный сын милосердным отцом (Лк.15,20)...».

К сожалению, бывают такие случаи, когда дети просят деньги у родителей, но потом прогуливают их или тратят на непотребное, и тем приводят своих родителей к нищенству и крайней бедности. Если родители знают о таких склонностях своих детей, то не будет грехом отказать им в помощи.

Амвросий Оптинский (Письма к монашествующим, п.427): «...отвечаю на вопрос твой о деньгах сына твоего. Если ты вполне уверена, что они не пропадут, и если можешь со спокойным сердцем отдать их, то можно исполнить желание твоих родных. В противном случае смотри сама. А я положительно ничего не могу тебе сказать, тем более, что недавно был в Белевском Дев. Монастыре подобный случай, который нехорошо кончился. Мать взяла у дочери, которая живет в этой обители, последние ее деньги для сына своего. Сын прожил эти деньги; а теперь сама мать пришла в монастырь жить к дочери».

Но, несмотря на оказание помощи детям, родители должны исполнять заповеди Божии в отношении милосердия.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 260. В том случае, если родители оказывают по необходимости материальную помощь детям, в тоже время они не должны перестать исполнять дела милосердия в отношении других людей».

Заблуждение человека, старающегося вести духовный образ жизни, про попечение о нем родителей или близких людей

К сожалению, есть некоторые христиане, которые считают, что, если они занимаются чтением и молитвой, т.е. ведут духовный образ жизни, то они не должны печься о себе, а это должны делать его родные. Такое мнение является прельщенным.

Авва Авраам (Собеседования Иоанна Кассиана): «Гл.10,11: Вопрос: «Не вредно ли монаху, если родители будут доставлять ему необходимое для жизни?»... Ответ: «Против этого я выскажу вам не свое, а блаженного Антония мнение, которым он посрамил беспечность одного брата, закоснелого от того равнодушия, о котором вы говорите, так что оно развяжет и узел вашего предложения. Когда к сказанному авве некто, пришедши, стал говорить, что отшельническая жизнь менее удивительна, большая добродетель будет, если кто, находясь между людьми, а не в пустыне, будет упражняться в том, что служит к совершенству, блаженный Антоний спросил, где он живет. Когда тот сказал, что живет при своих родителях, и хвалился, что при их пособии он свободен от всякого попечения и заботы дневной работы, постоянно занимается только чтением и молитвою без

развлечения духа, блаженный Антоний опять спросил: «Скажи, сын, не опечаливаешься ли ты в их уронах или несчастных случаях, также не радуешься ли о их счастьях?» Он сознался, что принимает участие в том и другом. Старец сказал ему: «Знай же, что ты и в Будущем Веке также будешь возмущаться судьбою тех, с которыми в этой жизни по участию в прибыли и уроне волнуешься радостью или скорбью». Не довольствуясь этим мнением, блаженный Антоний выступил на более обширное поле рассуждения, говоря: «Такая жизнь и такое состояние душевной холодности не этот только вред, о котором я сказал, причиняют тебе, хотя ты сам не чувствуешь того, говоря словами Притчей: «били меня, мне не было больно; толкали меня, я не чувствовал» (Притч.23,35); или что говорится у Пророка: «чужие пожирали силу его и он не замечал» (Ос.7,9); именно это, каждый день изменяя твой дух по разнообразию случаев, непрестанно погружает в земное и лишает тебя плода рук твоих и справедливой награды за соответственный труд, не попуская тебе, живущему на их содержании, по правилу блаженного Апостола, своими руками готовить себе ежедневное пропитание, которое он при всем том, что занимался святым делом проповедания Евангелия, приобретал не только себе, но и тем, которые оказывали ему необходимые услуги в служении его, как он напоминал об этом при преподавании последних заповедей пресвитерам Ефесской Церкви, говоря: «сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои» (Деян.20,34); чтобы показать, что он это делал в образец для нашей пользы, он говорит: «Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, - не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам» (2Фес.3, 7-9)».

Обеспечение детей по «слепой любви» и о неправильном воспитании

Бывают нередкими случаи, когда слепая родительская любовь желает обеспечить своего ребенка, и, при этом, родители во всем себе отказывают, экономят и, практически, не пользуются тем материальным достатком, который имеют. Это грех, т.к. в этом проявляется забвение о всепопечительстве и промысле Божиим, и родители сотворяют себе кумира в лице своего ребенка.

Николай Сербский (Письмо 25): «Пишешь, что послал сына в Школу торговли на Запад, чтобы он стал учнее и лучше тебя. Он выучился и стал учнее, но - гораздо хуже тебя. И свою, и твою репутацию в городе он испортил быстрее, чем тебе в свое время удалось дойти до положения приказчика. Оплачивая его обучение в Европе, ты сэкономил не только на теле, но и на Боге, на душе своей. Ты перестал ходить в церковь, ибо это расходы: нужно и свечу поставить, и в кружку положить. Перестал ты святого покровителя семьи прославлять, ибо это тоже расход: и на калач, и на священника, и на угощение гостям! Все это ты оставил, только бы сын мог учиться в Париже и Вене. И действительно, он в некоторых вещах стал разбираться лучше тебя, лучше знал, как вести книги прихода и расхода, глубже вник в ведение дел. Однако покупателей в вашей лавке стало меньше. Ты просто каменел от эдакого дива. "Как это, - спрашивал ты себя, - мой сын знает и языки, и валюты, и балансы всей Европы, но ко мне, неучу, народ валом валил, а к нему, знатоку, никто?" Несчастный отец! Ты забываешь одну малость, от которой зависит и успех в торговле, и победа в войне. Народ хочет человека, а ты ему предлагаешь знатока. Народ боится иметь дело с бесчеловечным знатоком. Поэтому твои прежние покупатели, опустив голову, обходят вашу лавку стороной и сворачивают к соседям. За большие деньги ты купил нечеловека, изверга, чудовище. Твой сын ни за что на свете не узнает того, что почитают в народе и в вашем городе. Бог, душа, молитва, милосердие, человечность, снисходительность - все это для него лишь присказки прежних торговцев-неучей. В лавке он всегда взвинчен и зол, но только в кабаке весел. Кабак для

него, по сути, дом, а дом и семейная лавка - улица. Но кого кабак благословляет, того дом проклинает. Наконец, он обманул тебя так искусно, что ты полностью уверился, что он действительно способней тебя. Он объяснил тебе, что для успеха дела и модернизации торговли нужно твое имя убрать с вывески, а его имя написать. Ты безропотно согласился с его предложением, а он, знаток ведения дел, узаконил это через суд. Ты и не догадывался, что это все значит, покуда он однажды, злой после ночной попойки, не сказал открыто, что ты нищий, босяк с улицы, и у тебя нет ничего своего. Упав духом, ты бросился в суд, к адвокатам, к друзьям. Но все они, вникнув в суть дела, говорили одно: "Твой сын сумел полностью лишить тебя собственности". И ты много пишешь о напрасных попытках вернуть то состояние и положение, которое ты сам своим трудом до седьмого пота приобретал всю свою жизнь. И, наконец, ты в отчаянии спрашиваешь: грешно ли убить изверга-сына? Но как ты убьешь бездушного человека, мертвого? Не всякий ли нечеловек - уже падаль, которая распадается на глазах у людей? Поэтому не убивай своего сына, но зывай к Тому, Который один только может и сына твоего оживить, и тебя спасти. Лучше будь нищим с душой, чем убийцей без души. Ты все еще богаче сына своего. И ты ему больше можешь помочь, чем он тебе. Вернись к тому, что ты оставил ради сына. Вернись к Богу, к Церкви; вернись к душе своей. И если нет у тебя ни свечи, ни гроша, принеси вместо того вздохи, слезы и молитвы. А если все-таки придется тебе просить милостыню, говори на чужих порогах: "Подайте на хлеб и на свечу; хлеб - мне, старику, для еды, а свечу - сыну моему для спасения". Так скажи и на пороге бывшей твоей лавки, пусть и он слышит. Когда со стыдом испросишь, то как бы ты сам заработал. Тогда иди и поставь свечу в церкви Божией. Этим ты потрясешь Всевидящие небеса, и небо тебе поможет. Дело легче поправить свечой, чем топором. Бог тебе в помощь!».

Многочисленные примеры из нашей жизни говорят о том, что от такого родительского «самопожертвования» или воспитания по своему всенадеянию на богатство и от несправедливого приобретения его, страдают и дети, и сами родители.

Николай Сербский (Письмо 32): «Господь даровал тебе единственную дочь, но ты этот дар безумно погубил. Ты вбил себе в голову, что свою любимицу можно осчастливить только богатым приданым. Ты оставил свою дочь без всего того, что на самом деле приносит человеку на этом свете счастье, не заботясь ни о воспитании ее, ни о поведении, ни о сердце, ни о душе. Ты лишь копил деньги на приданое, думая, что чем богаче приданое, тем вернее счастье. Тебе хотелось сделать свою дочь как можно богаче, чтобы купить зятя побогаче. К безумной мысли ты добавил и несправедливое дело. Когда умер твой компаньон, ты подделал документы и присвоил себе его часть, оставив его жену и детей без куска хлеба. Пополнив счет в банке на приданое, ты переполнил душу свою неправдой. Значит, счастье самого милого тебе существа, ради которого жил и трудился, ты созидал на безумии и неправде. Неудивительно поэтому, что здание, построенное на таких опорах, рухнуло, обрушившись на тебя и твою дочь. Ты, наверное, забыл (если когда-то знал), что святые Небеса жестоко наказывают неразумных и несправедливых. Просители руки дочери, лакомые до денег, роем окружили твой дом. Один из них, твой единомышленник по отношению к деньгам, преуспел и повенчался телом с твоей дочерью, а сердцем - с твоими деньгами. Не прошло и года, как однажды ночью твоя дочь, не так давно завидная невеста, застучала в двери отчего дома, окровавленная, избитая, опозоренная. Пьяный муж выгнал беременную жену из дома, а утром сбежал с твоими деньгами. Теперь ты нянчишь внука, сидя у постели дочери, у которой доктора признали туберкулез и советовали везти ее на излечение в Альпы. Проклиная зятя, ты спрашиваешь, есть ли на свете правда Божия? Как же не быть правде Божией? А кто не верил в нее, должен поверить теперь. Богатым приданым ты думал осчастливить свое дитя, но как раз приданым-то и сделал несчастным. Ты лишил сирот куска хлеба, чтобы обеспечить шампанское дочери, но довел до голода и себя, и дочь, и внука. Богатым приданым ты купил несчастье для четверых: для вас троих и для зятя, ибо и его душу ты

погубил этим приданым. Приученный к незаработанным деньгам, он теперь быстро добьется успеха в обществе мошенников, чьи кости лежат вдоль дорог. Правда Божия победила, и твоё роптание против нее доказывает лишь, что рассудок твой помрачен неправдой. Вот ты стал кормильцем своему внуку, постоянно озабоченный, что бы еще из дома продать, чтобы купить еду ему и лекарства дочери. Ты станешь продавать все за бесценок, только бы еще день поддержать жизнь вас троих. Каждый новый день ты будешь ожидать со страхом, как голодную вечность. В плаче ребенка и кашле матери ты услышишь свист бича судьбы, который ищет твою спину. Если бы ты был скромен и учил свою дочь скромности! Твоя любимица сейчас бы напевала песенки ребенку в доме какого-нибудь скромного человека. Однако скромность, как и любая другая добродетель, казалась тебе старой евангельской песней, давно уже пропетой. Не знал ты, что евангельские добродетели суть неприступные скалы, на которых строится или о которые разбивается счастье людей. Но ты лишь слабый человек, и ты совершил ошибку. Так исправься теперь, как человек в беде своей. Помолись Богу, ибо рассчитывать будешь с Ним, а не с зятем. Господь явился праведным над неправдой твоей. Он показал Себя милостивым над слезами твоими. Раскаившихся Он любит и молитвенников слушает. Не осуждай никого, кроме себя самого. Кто покажет искреннее покаяние даже перед судьей земным, тот получает помилование. А вечный Судия кроме помилования дает раскаившимся еще и дары: дары жизни, света и радости. Значит, не бойся. Творец твой рядом с тобой. Он лишь ждет, что ты ощутишь Его близость. А чувство Его близости быстро растопит лед отчаяния в твоём сердце».

Как видим, мы, зачастую, заботимся о богатстве для себя и для детей, и мало обращаем внимания на их нравственное воспитание.

Иоанн Златоуст (Толков. на Ев. от Матфея, бес. 59): «Но любовь к богатству превратила и ниспровергла все, и истребила истинный страх Божий. Как тиран разрушает крепость, так и она ниспровергла души людей. Потому-то мы и не печемся ни о спасении детей, ни о своем собственном, заботясь только о том, чтобы сделаться богатыми и оставить богатство своим наследникам, а те своим, и так далее; и таким образом мы только передаем свое имущество другим, а не обладаем им сами. Вот откуда происходит безумие; вот отчего люди свободные делаются хуже рабов. В самом деле, мы наказываем рабов, если не для них, то по крайней мере для самих себя; а свободные не пользуются и таким попечением, и оказываются у нас хуже даже рабов. И что я говорю о рабах? Участь детей наших хуже даже скотов; об ослах и лошадях мы более заботимся нежели о детях. Если кто имеет лошака, то всячески старается найти лучшего конюха, который бы был честен, не вор, не пьяница, и знал свое дело. Если же нам нужно дать наставника сыну, то мы просто, без всякого выбора, берем кого случится. А между тем нет ничего труднее искусства воспитывать. В самом деле, какое искусство сравнится с искусством образования души и просвещения ума юноши? Человек знающий это искусство должен быть внимательнее всякого живописца и ваятеля. Но мы об этом нимало не заботимся, а обращаем внимание только на то, чтобы ученик выучился говорить. Да и об этом заботимся только для богатства».

Неверное воспитание детей приводит их к греху осуждения родителей.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – грубое обхождение с родителями, укоры им и злословие их): «Грех особенно упрекать родителей напрасно, например, в скупости на одежду для детей, между тем, как для больших обнов детям они не имеют средств, не говоря уже о том, что каждое малое сбережение, которое осталось бы от них, пошло бы детям же».

Итак, христианин не должен поддаваться страху за материальное положение детей. Все его заботы и молитвы к Богу должны быть о духовном состоянии ребенка и о его участии в будущей вечной жизни. При этом сами родители не должны создавать в семье культ денег и вещей, т.к. эта страсть не позволит им истинно печься о своих детях и воспитывать их в христианском духе. Правильное воспитание детей благочестивыми

примерами родителей приводит их к тому, что дети и сами не будут создавать себе материальных кумиров, будут довольствоваться тем, что имеют и будут уповать на помощь Божию.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 260. Дети твои имеют Промыслителя общего - Бога, Который обо всех промышляет. Его Промыслу, как себя, так и детей вверяй, а не на богатство погибающее надейся, отчего апостол отвращает, и детей тому же учи, чтобы уповали не на богатство неверное, но на Бога Живого, дающего нам все обильно для наслаждения (1Тим.6:17).

Нет лучшего наследства, чем чтобы дети твои наследовали твою добродетель и нравы добрые, чтобы от тебя, отца, научились милость творить ближнему; видя тебя, родителя своего милостивого, и сами бы милостивы были. Это наследство старайся им оставить. Постарайся воспитать их в учении и наставлении Господнем, как апостол учит (Еф 6:4). А если без наставления этого оставишь их, то и богатство твое, им в наследство оставленное, также мечом будет, которым сами себя погубят, и сам ты перед судом Божиим повинным явишься».

Желание обеспечить будущий материальный достаток детей как оправдание собственного многостяжания, сребролюбия и надежды на богатство

Но наравне со слепой любовью и действительным желанием оставить побольше денег и имущества детям ценою собственного ущемления, есть и лукавое желание обеспечить детей, скрывающее собственное сребролюбие.

Василий Великий (Беседа 7, толков. на Ев. от Матфея 19, 16-25): «Но богатство необходимо для детей. Это - благовидный предлог любостяжательности; ссылаются на детей, а удовлетворяете собственному сердцу. Не вини невинного; у него свой есть Владыка, свой Домостроитель; от другого получил он жизнь, от Него ожидает средств к жизни».

Старец Паисий Святогорец (Слова, ч.2, гл.3): «Как-то раз ко мне пришел один богач из Афин и сказал: "Отче, я потерял контакт со своими детьми. Я потерял своих детей." - "А сколько у тебя детей?" - спросил я. "Двое, - ответил он. - Вскормил их на птичьем молоке. Имели все, что хотели. Даже по машине им купил." Потом из беседы стало ясно, что у него была своя машина, у жены -- своя и у каждого из детей - своя. "Чудак человек, - сказал я ему, - вместо того, чтобы решить свои проблемы, ты их только увеличил. Сейчас тебе нужен большой гараж для машин, за их ремонт надо платить вчетверо больше, не говоря уже о том, что и ты с женой, и твои дети в любой момент рискуете разбиться. А если бы ты упростил свою жизнь, то семья была бы сплоченной, один понимал бы другого, и всех этих проблем у тебя бы не было. Вина за то, что с вами происходит, лежит не на твоих детях, а на тебе самом. Это ты виноват в том, что не воспитал их по-другому».

Лавсаик (О сребролюбивой девице): «В Александрии была одна девственница, впрочем, по имени только, ибо хотя имела наружность смиренную, но в душе была скупа, сварлива и до крайности пристрастна к деньгам, больше златолюбивая, нежели христоролюбивая: из своего имущества никогда не подавала она ни одного овола (самой мелкой монеты) ни страннику, ни бедному, ни монаху, ни девственнице, ни несчастному, ни в церковь. Несмотря на многие увещания святых отцов, она не свергала с себя тяжести богатства. Были у нее и родные, и она взяла к себе на воспитание дочь сестры своей. Ей-то день и ночь обещала она все имущество, отвергнувшись сама небесной любви. А это и есть одно из обольщений дьявола, который порождает в человеке недуг любостяжания под предлогом родственной любви. О родстве у него совсем нет заботы: это видно из того, что он научил братоубийству, матереубийству и отцеубийству, как известно из Священного

Писания. Иногда, кажется, он и побуждает пеших о родных, но делает это не по благорасположению к ним, а для того, чтобы увлечь душу к неправедному делу, верно зная сказанное: «неправедницы Царствия Божия не наследят» (1Кор.6,9). Кто водится духовным разумением и Божественной любовью, тот может и не оставляя попечения о своей душе помогать родным в нуждах и доставлять им различные пособия. Но кто всю душу свою поработил заботе о родных, то подлежит суду Закона за то, что мало ценил свою душу...».

О неказании помощи детям или отказе в наследстве по своей холодности к ним или по скупости

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – лишение взрослых и отделившихся детей всякой поддержки и наследства): «Так как сказано: «Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей» (2Кор.12,14), то после всего это грешат те родители, которые по холодности своей обделяют долю наследства взрослых и отделившихся детей. ...Новый брак и новые дети от второго или третьего брака - неизвинительные причины к лишению взрослых детей всякой поддержки, а в общем разделе и наследства».

Святое не попечение о наследстве детям

Святое не попечение о наследстве детям заключается не в том, чтобы оставить детей нищими или пребывать в том страхе за будущее материальное положение своих детей, в котором находятся многие из нас, а в том, чтобы разумно и скромно пользоваться своим богатством, благотворить и при этом возлагать надежду на Бога об обеспечении своих детей.

Лавсаик (О Севериане): «В Анкире галатийской, в самом городе, я встретился с одним знатным сановником Северианом и женой его Воспорией и коротко познакомился с ними. Они были столько исполнены добрых надежд, что, точно видя будущее, и о детях не заботились. Доходы с поместий они тратили на бедных, несмотря на то, что у них было четыре сына и две дочери, которым они не дали никакого имущества, исключая тех, которые вступили в замужество. Остальным своим детям они говорили: «После смерти нашей все будет ваше, а пока мы живы, будем собирать плоды своих стяжаний и делиться ими с церквями, монастырями, странноприимницами и со всеми нуждающимися; их молитвы и вам, дети, и нам доставят вместо сей, временной и многотрудной, вечную жизнь». И вот еще какая была в них добродетель. Когда настал сильный голод и все люди страдали от него своими утробами, тогда они всех тамошних еретиков обратили к Православию тем, что во многих поместьях своих отворили житницы и отдали запасы свои на пропитание бедным. Такое необыкновенное их человеколюбие привело еретиков в согласие с правой верой, и они прославили Бога за простоту веры и чрезмерную благотворительность этих супругов. Другой удивительный их подвиг состоял в том, что их образ жизни был скромный: одежды их были чрезвычайно простые и самые дешевые; в издержках они были весьма бережливы; употребляли пищу простую и столько, сколько нужно было для поддержания жизни; строго соблюдали пред Богом целомудрие; большую часть времени проводили в полях; особенно любили оставаться в безмолвии; всегда удалялись от городов (и рождающихся там пороков), чтобы через участие в веселии народном не увлечься городским шумом и не уклониться от воли Божией. За все такие

дела добродетельной жизни эти блаженные умными очами уже видят вечные блага, уготованные им славой Божией».

Как видим, таким образом родители пеклись о будущей участи своих детей:

Нил Синайский (К монаху Агафию, отд.б): «...так как милостыни и благотворения дают дерзновение пред оным судилищем, о них должно прилагать попечение, менее заботясь о сострадании к родственникам...».

О различных способах использования детьми родительского наследства

Христианам - родителям следует смиренно принимать то, что родительская суетная попечительность не всегда совпадает с Промыслом Божиим о каждом человеке. Так же все было и есть в нашей жизни. И примером тому может служить тот факт, что, например, у бедных родителей, которым был уготован Господом такой путь, дети могут быть обеспеченными, и это - их путь.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 260. Дети, и без наследства оставшись, могут нажить имение, как и ты нажил. Ибо Бог, Который тебе дал, может и им дать».

Может быть и наоборот: богатые родители - и бедные дети, а может быть, что материальное положение родителей и детей одинаково.

Нил Синайский (там же): «Сколь многие, имев бедных предков, так разбогатели, что для людей, обольщающихся суетным, кажутся достойными зависти? И сколько примеров, что дети, получившие от отцов огромное имение, приходят в крайнюю нужду или подвергшись насилию людей сильных и вместе лишившись всякого достояния, или расточив свое имение понемногу в беспутной жизни и на срамные вознаграждения, а впоследствии с трудом добывая необходимое пропитание?».

Христианин, получивший наследство, может поступить с ним по-разному, в зависимости от того, нуждается он в чем-либо или нет. Если это вещи или деньги, которые ему, действительно, необходимы, то не будет грехом их взять себе в пользование. Если же это вещи, которые уже есть у наследника, то лучше отдать их продать, и деньги, вырученные от них, дать нуждающимся. Но вся беда в том, что мы с радостью расстаемся с ненужными нам вещами или дешевыми, которые мало кто купит, и не хотим расставаться с тем, что нам нравится или дорого стоит. Пусть каждый из нас сам решает, как ему поступать с наследством, но не забывает, что нельзя поступать по страсти сребролюбия.

Вначале приведем примеры того, как дети могут праведно и свято распоряжаться наследством родителей.

Феофан Затворник (Толкование на Пастырские посл., 1Тим.6,9): «Ибо если кто, получив богатство от предков, распоряжается им по Божественным законам, то он свободен от обвинения» (Феодорит)».

Лавсаик (О Паисии и Исаии): «Были два брата по имени Паисий и Исаия, Отец у них был испанский купец. Разделив по смерти своего родителя оставшееся движимое имущество, которое заключалось в деньгах (пяти тысячах золотых монет), в одеждах и рабах, они стали рассуждать между собою и советоваться, какую избрать им жизнь. «Если станем продолжать торговлю, - говорили они, - которую вел отец наш, то и наши труды после останутся другим, не говоря уже об опасностях, которые можем встретить: нападут разбойники, поднимется на море буря. Пойдем лучше в монахи; тогда мы и от отцовского имени получим пользу, и душ своих не погубим». Намерение идти в монахи обоим понравилось, но в исполнении его они поступили неодинаково. Они разделили деньги и все прочее имущество — оба с тем намерением, чтобы угодить Богу, но каждый поступил со своей долей по-своему. Один все раздал на монастыри, церкви и темницы и,

выучившись ремеслу для своего пропитания, посвятил себя подвижничеству и молитве. А другой, не истратив ничего на эти цели, построил себе монастырь для небольшого числа братии, принимал странников, лечил больных, покоил престарелых, всякому бедному подавал милостыню, а по субботам и воскресеньям устраивал три или четыре трапезы и угощал неимущих - вот на что иждивал он свое имущество. Когда они оба скончались, братия, похваляя их житие, пришли в разногласие между собою, так как оба они были совершенны в добродетели: по мнению одних, выше была жизнь Паисия, который с самого начала отвергся всего, а по мнению других - жизнь Исаии, который благодетельствовал нуждающимся. Когда между братьями произошел спор о различии образа жизни этих блаженных, и особенно о том, кто больше достоин похвалы, они пошли к блаженному и святому Памве и, предложив ему на суд спор свой, просили сказать, чье житие совершеннее. Памво говорит им: «Пред Господом оба равно совершенны: тот, который принимал всякого и покоил, совершал дело Авраама, а другой для благоугождения Богу возлюбил непреклонную ревность пророка Илии». Тогда они стали говорить ему: «Припадаем к стопам твоим: скажи нам, как можно быть им равными?». Одни выше ставили подвижника и говорили, что он, продав, все раздав нищим, исполнил заповедь евангельскую и непрестанно подвизался в молитвах, всякий день, час или ночь нес крест, последуя Спасителю. А другие, напротив, говорили в пользу другого: «Помилуй, он показал столько милосердной любви ко всем нуждающимся: ходил по улицам и по дорогам, чтобы искать бедных, собирал их и всем довольствовал; таким образом, врачую больных и помогая им, он успокоил не одну свою душу, но и души многих других». Блаженный Памво отвечал: «Опять скажу вам: оба равны перед Господом, ибо обе стороны должны согласиться со мною. Паисий без столь высокого подвижничества не заслужил бы того, чтобы сравнивать его с благим Спасителем нашим. Исайя, который упокоивал странников и служил бедным, тоже по возможности уподобился Господу, Который говорил «не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» (Мф. 20,28). Исайя также служил, и хотя труды, по-видимому, отягощали его, но вместе с тем давали ему и успокоение. Подождите немного, чтобы мне получить откровение о них от Бога; придете после и узнаете. По прошествии нескольких дней они опять пришли к великому отцу спросить о них. Блаженный сказал им в ответ, что видел их обоих стоящими вместе пред Богом в раю».

Но следует так же сказать, что, несмотря на то, что дети так распорядились наследством родителей, родители сами будут отвечать за грех стяжательства, если имели страсть сребролюбия.

Нил Синайский (К монаху Агафию, отд.6): «И хотя нередко получивший прародительское достояние и прекрасно распорядившийся им на пособие нуждающимся, представ пред Судиею, слышит похвалы за соделанное им, и с веселым лицом приемлет обетования, однако же оставивший ему имение без милосердия влечется на мучения, потому что этот жалкий человек ничего доброго из имуществ своих не сделал для нуждающихся, добытое собственными трудами оставив средством ко спасению для другого, а сам для себя не извлекая из собственности своей ни малой пользы. Прекрасно премудрый Соломон говорит: «Умножающий имение свое ростом и лихвою соберет его для благотворителя бедных» (Притч. 28, 8), став виновником для себя мучений за любостяжательность, а для других виною благих воздаяний за благотворительность. И если сие действительно так, то в каком безумии сии безрассудные, даже и во время смерти не помышляющие о страшном судилище».

Были случаи, когда сын или дочь праведно поступали с наследством родителей, используя его на милостыню и добрые дела, а потом падали по какой-либо причине. Но Господь не оставлял таких людей, и по молитвам тех, кому оказывалась милостыня и помощь, приводил к покаянию и спасению.

Древний Патерик (Гл.13): «Говорили о некой девице, что у ней умерли родители, и она осталась сиротою. Размыслив, она сделала дом свой странноприимным для отцев

Скита. Она жила таким образом, принимая странных, и в удобное время служила отцам. Чрез несколько времени истощилось имущество ее, и она начала нуждаться. Сблизились с нею развратные люди и отклонили ее от доброй цели. После сего она начала жить так худо, что дошла до блудодействия. Услышали о сем отцы, - и очень опечалились. И призвавши авву Иоанна Колова, говорят ему: мы слышали о той сестре, что она худо живет. Когда могла, она оказывала на нас любовь свою, а теперь мы окажем свою любовь и поможем ей. Потрудись сходить к ней, и по мудрости, которую дал тебе Бог, воздвигни ее. Авва Иоанн пошел к ней, и говорит привратнице: скажи о мне госпоже. Она же отослала его, говоря: вы прежде объедали ее, а теперь она бедна. Авва Иоанн говорит ей: скажи ей, ибо я много могу сделать ей пользы. Слуги же ее, насмехаясь, говорят ему: а что ты можешь дать ей, что хочешь видеться с нею? Привратница, пошедши, сказала о старце госпоже своей. Девица говорит ей: эти монахи всегда снуют около красного моря и ищут жемчужин. Потом, нарядившись, говорит ей: позови его. Когда он вошел, она, приняв его, села на роскошном ложе. Авва же Иоанн, подошедши к ней близко, и смотря в лице ее, говорит ей: что ты унижаешь Иисуса, что дошла до этого? Услышав это, она совершенно оцепенела. И старец, приклонив голову свою, начал сильно плакать. Девица говорит ему: авва! о чем ты плачешь? Старец восклонился, и, снова приклонивши голову, со слезами говорит ей: вижу, что сатана смеется тебе в лице; как же мне не плакать? Девица, услышавши это, поражена была еще более, и говорит ему: есть ли покаяние, авва? Он отвечает: есть. Она говорит ему: возьми меня, куда хочешь. Пойдем, отвечал ей старец. И она встала, чтобы следовать за ним. При этом авва Иоанн заметил, что девица ничего не сказала о доме своем, - и удивился. Когда они пришли в пустыню, наступил вечер. Авва, сделавши из песка как бы небольшое возглавие для нее, и сотворивши крестное знамение, говорит ей: усни здесь. Сделавши и себе не в далеком расстоянии, и окончивши молитвы, которые творил, старец преклонился. Проснувшись же в полночь, он видит как бы некий светлый путь сходящий от неба до самой девицы, и увидел Ангелов Божиих, возносящих душу ее. Встав и подошедши, он толкнул ее ногою. Когда же увидел, что она умерла, повергся на лице, моля Бога, - и услышал глас, говорящий: один час покаяния ее принят лучше покаяния многих медлящих и не являющих ничего подобного такому покаянию».

Если наследники получают то, что было несправедливо приобретено, то они могут понести наказание.

Иоанн Златоуст (т.12,сл.15): «...получившие в наследство (несправедное) имущество потерпят (наказание). Но как же это, скажешь, справедливо? Даже весьма справедливо. В самом деле, тот, кто получил наследство, полное неправды, хотя сам и не похищал, тем не менее, отлично знал, что владеет чужим добром, и потому справедливо заслуживал наказания. Это знают и гражданские законы, которые, оставляя похитивших и укравших, предписывают требовать всего от тех, у кого кто-нибудь найдет свое имущество».

Так же иногда бывают случаи, когда родители живут дольше своих детей, или наследство достается чужим людям.

Иоанн Златоуст (т.12, сл.15): «Но я оставлю детям, говоришь ты. Но и они немного позднее после тебя оставляют ее, а часто даже и раньше тебя».

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 260. Если хочешь оставить наследство детям, неизвестно, детям ли оно достанется или врагам твоим. Ибо часто бывает, что имение чужим достается по смерти, а не тем, кому желаем при жизни нашей».

Многие из нас были в ситуации, когда им достаются в наследство от умерших родственников различные вещи, которые казались, например, бабушке, что они очень пригодятся ее внукам. Это могли быть новые сервизы, отрезы тканей, шубы и т.д. и т.п. Все это собирали наши бабушки и мамы для нас, но мы, получив все это в наследство, не знали куда все это деть, т.к. сервизы у нас уже были, да и бабушкин сервиз не идет ни в какие сравнения с новыми, а шубу поела моль и т.п. И то, что было дорого и необходимо

нашим предкам, и на что они тратили столько усилий, приобретая различные вещи и деньги, для нас стало не нужным и лишним.

Мы не будем говорить о несправедном пользовании детьми тем, что оставили родители в наследство, т.к. это достаточно распространенные жизненные ситуации, а только приведем наставления святых отцов:

Василий Великий (Беседа 7, толков. на Ев. от Матфея 19, 16-25): «Богатство многим послужило к распутству. Не слышишь ли, что говорит Екклесиаст: «есть мучительный недуг, который видел я под солнцем: богатство, сберегаемое владельцем его во вред ему» (Еккл.5:12); еще: «должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый?» (Еккл.2:18.19)? Итак смотри, чтоб тебе, с многими трудами собрав богатство, не приготовить для других удобства ко грехам, и потом не понести двойного наказания, - и за то, что сам делал неправду, и за то, что другого снабдил к тому средствами... Дети, и ничего не наследовав от родителей, не редко наживали себе дома; но кто сжалится над душою, если она тобой оставлена?»

И в этих случаях отцы говорят:

Нил Синайский (К монаху Агафию, отд.6): «Наследовавшие имение при недостаточном содержании могли не сделать тех грехов, к свободному совершению которых привело их обилие в деньгах, стремлению произвола ко всему, что нравится, проложив удобный путь возможностью удовлетворять оному самым делом».

Также, мы часто являемся свидетелями того, как братья или сестры становились врагами друг другу из-за раздела родительского имущества.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди. Грех – без нужды домашний раздел с братьями): «Без нужды, значит только вследствие несогласий или нетерпеливости в семейной жизни. В таком случае прежде всего нет доброй, благоговейной памяти о родителях, во имя которой надлежало бы братьям жить вместе. Несогласия от раздела еще больше увеличиваются, потому что тогда необходим бывает дележ отцовского наследства, вначале заманчивый, т.к. представляет каждому равную часть, а затем приводящий только к спорам, укоризнам и брани. Несогласия разделом не всегда прекращаются, напротив, часто после раздела переходят в открытую и сильнейшую вражду. Тогда братья жалуются друг на друга пред посторонними лицами, не удерживаются от худых отзывов друг о друге; не помогают взаимно в нуждах, и даже нужды и неудачи в хозяйстве одного бывают поводом для злорадства другому; они совсем не ходят друг к другу и отделившийся делается совершенно «чужим среди родных». Столько зла в нравственном отношении от братского раздела!»

Еще приведем толкование Евангелия по данному вопросу.

Феофилакт Болгарский (Толков. На Ев от Луки, гл12): «Некто из народа сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство... При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения». ... (Господь) научает не заботиться ни о чем земном и временном, не спорить из-за него с братьями и даже уступать им, если они желают быть и любостыжательными (ибо говорит: “от взявшего твое не требуй назад” — Лук. 6, 30), и искать того, что полезно и необходимо для спасения души».

О необходимости заботы родителей и детей о своем спасении, а не о тленном наследстве

Итак: **Нил Синайский** (там же): «(некоторые люди) все попечение о потомстве берут на себя, нимало не пекутся о своем спасении, как будто они не ближе сами к себе, нежели к потомкам, и им приличнее иметь попечение о полезном не для них, но для

потомков...Посему для всякого делается явным, как недальновидна предусмотрительность собирающего, и предшествующие примеры убеждают оставить такой напрасный труд, думать же о своем спасении, а внуков предоставить смотрению Самого Бога, Который и их благоустроит, как признает за лучшее, или из низких сделает высокими, или соблюдет в том достоинстве, в каком оставлены родителями».

Более того, некоторые люди ведут себя неразумно в старости, не заботясь о своей душе, а продолжают печься о материальном.

Василий Великий (Беседа 7, толков. на Ев. от Матфея 19, 16-25): «Душа не ближе ли тебе всех детей? Не в ближайшем ли она с тобою свойстве, нежели все прочее? Ей первой дай лучшую часть наследия, ей доставь богатые средства к жизни, и тогда уже дели имение детям».

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 260. Душа твоя ближе тебе и дороже должна быть, нежели дети твои: должен ты более о ней заботиться, нежели о детях. Ибо с нею ты вовеки будешь — или в жизни вечной, или в муке вечной, а дети твои до тех пор твои, пока на свете этом с ними живешь, хотя и при жизни твоей они более Божии, нежели твои, как и сам ты».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – не предоставление престарелым родителям возможности более готовиться к будущей жизни): «(если родители) по пристрастию к житейскому труду и работе или вообще по холодности и не заботились о богомолье и других занятиях, приготавливающих к смерти - в таком случае надобно еще напоминать им об этом самом. Когда бы они хотели на старости лет принять особую какую должность или заняться ремесленным каким делом без всякой нужды, с единственной целью иметь свои деньги или еще более увеличить имеющееся у них состояние: всячески надобно отвлечь их от порывов такой деятельности».

Нам необходимо помнить, что на Суде Божиим каждый ответит за себя.

Нил Синайский (там же): «Для всякого ничто не равняется душе его, потому что каждый, когда будет судим, один должен отвечать за себя и не будет ему пред Судиею никакой защиты от родства или дружбы. ...Родство есть тесная плотская связь, до тех пор поддерживающая сии неразрывные узы, пока не разорвана эта плотская цепь, по порядку связующая преемственно зависящих друг от друга. А как скоро смерть расторгла этот связующий союз, права взаимного родства уничтожаются. Каждый за собственные свои дела влечется на суд и тогда узнает то одиночество, какое приуготовил себе, когда ниоткуда невозможно придумать себе помощи, потому что вместе и способов не стало, и миновало вспоможение. «Брат не избавит» (Пс.48,8) брата от этой нужды, отец не спасет сына от мучения, мать не умолит за наказуемого сына, дети не извлекут родителей – бездейственными делаются сии отношения и прекращаются, препобеждаемые страхом суда. Пред этим судилищем муж не узнает жены, которую, может быть, и сильно любил, когда утратил ее; не думает жена о муже, которого провожала с крепкою и пламенною любовью, потому что превозмогающее томление духа изглаживает страстные воспоминания о плотских привязанностях».

Каждый христианин должен помнить, что должен прожить жизнь, угодную Богу, и что он является наследником Божиим - и об этом должны быть его заботы и надежды.

Феофан Затворник (Толков. на посл. Римлянам 8,17): «А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться». ...У людей дети становятся наследниками по смерти отца, а у Бога, не так: Его чада делаются наследниками после своей смерти. ... «Наследие у Бога не как у людей бывает, пишет Амвросиаст. У Него оно есть дар отца детям повинующимся, так что живой делается наследником живого, не по случаю смерти отца, а по своему чину – сына. Это изобразил Господь в притче о блудном сыне, введенном, по благодати отца, в наслаждение всеми благами сыновства, ради одного возвращения к отцу.- И Апостол, чтоб сделать нас готовыми повиноваться Отцу небесному, убеждает к тому такую же надеждою, - что будем за то наследниками Божиими, сонаследниками же

Христовыми; чтоб по величию чаемой награды, тем больше показывали мы усердие к делам Божиим, отодвигая назад всякую заботу о мирском.» ...Отец делает нас сонаследниками Сына, ради живущего в нас Духа. Все в христианстве возводится к живоначальной Троице, да будет все от Отца в Сыне чрез Святого Духа, или чрез Сына во Святом Духе».

О наследстве бездетных людей

Некоторые бездетные люди могут оставлять свое имущество племянникам или родственникам, и тогда все вышесказанное относится и к ним.

Также одинокие люди могут находиться в долгих сомнениях и предположениях, кому и как достанется их имущество. Такие беспокойные состояния могут быть и при рассуждениях об оставлении наследства детям, и, например, об оставлении имущества монастырю. Приведем пример того, как на подобные мудрования отвечает святой подвижник.

Амвросий Оптинский (Письма к монашествующим, п.423): «Сестра о Господе, мать! ...При этом рассчитываешь, сколько еще проживешь: в одном письме пишешь, что проживешь, может быть, только три года, а в другом - что более пяти лет не проживешь. Напрасно располагаешь продолжением своей жизни, которая зависит от мановения воли Божией и Единому Господу известна; и напрасно на таких погрешительных и неверных догадках и предположениях основываешь денежные свои расчеты и назначения, сколько после себя оставишь монастырю... Если проживешь более назначенного тобою срока, а между тем распорядишься и вторым твоим (казначейским) билетом, то, проживши первый, чем же ты, больная и немощная, будешь содержаться. Поэтому советую тебе заблаговременно не делать назначения монастырю: сколько останется после тебя из твоего капитала, то и останется в пользу обители».

Но некоторым бездетным нет особой разницы, кому все достанется, или они уже решили разделить все между близкими. И это не противоречит заповеди. Преступает заповедь тот, кто наслаждается жизнью по своим возможностям и не помогает при жизни нуждающимся из своего состояния.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 260. Иной отзывается: «Я-де при смерти имение раздам».

Василий Великий (Беседа 7, толков. на Ев. от Матфея 19, 16-25): «Бездетные же какую предоставят нам благовидную причину бережливости? - "Не продаю имения, не даю нищим, по причине необходимых нужд в жизни!" Следовательно, не Господь - твой Учитель; не Евангелие служит правилом для твоей жизни. Но сам ты даешь себе законы. Смотри же, в какую опасность впадаешь, рассуждая так! Если Господь предписал нам сие, как необходимое, а ты отвергаешь, как невозможное; то не иное утверждаешь, а то, что ты разумнее Законодателя. Но "насладившись богатством в продолжение всей жизни, по смерти сделаю бедных наследниками своего имения, письменно и в завещаниях объявив их владельцами всего моего". Когда не будешь уже в кругу людей, тогда сделаешься человеколюбивым. Когда увижу тебя мертвецом, тогда назову братолюбцем. Великая тебе благодарность за щедролюбие, что, лежа в гробнице и разрешившись в землю, стал ты не бережлив на расходы и великодушен! Скажи мне, за какое время потребуешь награды? За время ли жизни, или за время смерти? Но пока был ты жив, тратил жизнь на удовольствия, погружался в роскошь; тебе несносно было и взглянуть на бедных; а у умершего какая деятельность? На какую награду имеют право поступки его? Покажи дела, и требуй воздаяния. Никто не торгует, когда срок торга кончился; никто не увенчивается, если пришел по окончании борьбы; никто не показывает своего мужества после брани. Поэтому, как очевидно, и после жизни не возможно стать благочестивым.

Обещаешься делать благотворения чернилами и на письме. А кто скажет тебе время отшествия? Кто поручится, какая будет твоя кончина? Сколько людей были похищены из жизни в сильных припадках, так что от страдания не могли произнести и одного слова? Как многих горячка делала не владеющими умом? Для чего же ждешь времени, в которое, как часто случается, не будешь господином своих помыслов? Глубокая ночь, тяжкая болезнь, а помощника нет; простирающий замыслы на наследство готов, все устроил в свою пользу, и твои намерения делает неисполнимыми. Тогда-то, озревшись туда и сюда, и увидя окружающую тебя пустоту, почувствуешь, наконец, свое безрассудство, тогда-то вздохнешь о своем неразумии, что до такого времени отлагал ты исполнение заповеди, когда и язык ослабевает, и дрожащая рука трясется уже от предсмертных содроганий, и ты ни на словах, ни на письме не можешь объявить своей воли. Да если и все явственно написано и всякое слово раздельно произнесено, одной вставленной буквы достаточно переменить твое распоряжение; одна поддельная печать, два или три неправедные свидетеля могут передать все наследство другим. Для чего же обманываешь сам себя? Теперь худо распоряжаешься богатством на плотские наслаждения, а впоследствии обещаешь то, над чем не будешь уже господином. Худо, как показало слово, твое намерение. Пока жив, буду наслаждаться удовольствиями, а умирая исполню заповеданное. И тебе скажет Авраам: «получил уже доброе твое в жизни твоей» (Лк.16:25). Путь узкий и тесный не приемлет тебя, который не сложил с себя бремени богатства; ты пошел, неся его на себе, а не сбросив, как было тебе повелено. Во время жизни себя самого ты предпочитал заповеди, а по смерти и разрушении предпочел заповедь врагам; - говоришь, чтоб не досталось такому-то, пусть возьмет Господь. Чем же назвать это, - мщением ли врагам, или любовью к ближнему? Прочитай свое завещание: «хотелось бы мне еще пожить и насладиться своим имуществом». Благодарность - смерти, а не тебе: если б ты был бессмертен, то не вспомнил бы о заповедях. «Не обманывайтесь, Бог поругаем не бывает» (Гал.6:7). Мертвое не приводится к алтарю: принеси жертву живую. Кто приносит избытки, тот не приемлется: а ты, что осталось в избытке после целой жизни, то приносишь Благодетелю. Если остатками трапезы не смеешь угощать знаменитых людей, то как же осмеливаешься остатками умиловать Бога?».

Как видим, вышеназванные оправдания являются самообманом и лукавством. Поэтому, чтобы не быть уловленным на такие рассуждения, необходимо самому себе напоминать:

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 260. Неизвестно, как окончишь жизнь; неизвестно, сможешь ли слово сказать в день смерти своей; и хотя и напишешь завещание об имении своем, но будет ли сделано по завещанию, также неизвестно...».

Далее мы продолжим разбирать следующую причину стяжания – надежду человека на богатство.

Раздел: Стяжание от немощи веры, выраженной в надежде на богатства

Мы уже рассмотрели, что сребролюбие во всех своих формах является страстью, состоящей из обольщений предметами мира и желаний самолюбивого человека. Любая же страсть и обольщение отдаляют человека от Бога, а, значит, и мы, сребролюбцы, отходим от веры, надежды и любви к Богу. Эти святые чувства человек направляет на ложное - на тленное богатство - он любит его, надеется на него и верит, что оно есть благо. Т.о. богатство становится идолом и противопоставляется Богу.

Ефрем Сирин (Творения, ч.3): «Признак неверия - связывать себя земными вещами».

Древний Патерик: «Спрошен был старец: что есть сребролюбие? и отвечал: недоверие к Богу в том, что Он имеет о тебе попечение, и недостаток надежды на обетования Божии, и любовь к вредным удовольствиям».

Надежда на богатство проявляется в мыслях типа: «у меня есть квартира или дом, столько-то денег... и этого мне хватит, чтобы жить в старости или при болезни», или «надо побольше заработать и отложить на черный день», а также когда человек начинает тревожиться за будущее, но, пересчитывая свое состояние или продумывая пути обогащения, успокаивается.

Платон, Митр. Москов. (т.1, Слово в неделю 26, на Лк.12,17): «...когда кто собирая богатство, надеется во время несчастья им себя защитить. О, суетная надежда! тем думают от несчастья избавиться, что бывает несчастья причиною. «Богатый, говорит Святой Златоуст, окружен ненавистниками и наветниками: всем раболепствовать, всем ласкательствовать принужден бывает». Да и подлинно в судах неправедные судии на богатого пристально смотрят, в домах воры окрадывают, на дорогах разбойники нападают. Многие думали, собравши богатство, при всяком довольстве пожить; но нечаянно разорились. Многие не прилежа о воспитании детей, думали их имением снабдить, но дети получив имение, промотали. Многие надеялись, собравши богатство, повеселиться, но между тем застигла или печальная старость, или напали болезни, которых причиною были безвременные заботы. Иные думали богатством себе приятелей нажить: но кто не знает, сколь надежны приятели деньгами купленные. А то уже и смешно, что многие деньги берегут, как сказывают, на смерть, чтоб было, чем погребстись. Сие не для того говорят, если б они много о смерти думали. Ибо известно, что ничего так сребролюбец, как смерти, не боится: но чтоб некоторый вид сделать непристойным желаниям своим. И так смерть, вместо того, чтоб их отвращать от сребролюбия, сделалась нечаянным случаем к сребролюбию».

Следует напомнить, что слово «богатство» употребляется не только в значении большого капитала, а и в значении любой собственности и любой суммы денег, которые дороги человеку. Поэтому надежда на деньги и имущество может быть как у богатого, так и у малообеспеченного, у неверующего, у христианина и у монаха.

Отцы подробно разъясняют: каким образом богатство дает силу богатому, и как надежда на богатство затмевает надежду на Бога.

Феофан Затворник (Толков. на посл. 1Тим.6,17): «Богатство силу дает богатому, и вообще среди людей, и пред властями, не по своему существу, а по той же немощи любоимания; и богатый, успев обделать одно-другое дело посредством богатства, начинает чувствовать, что богатство — сила, что с ним все можно обделывать и всего достигать; неоднократно повторенный успех располагает его опираться на богатство, а потом — и вполне возуповать на него. И стало богатство для него — бог. Вот и пагуба. Ибо таким отношением к богатству внутренний, естеством человеческим требуемый и определяемый, строй извращается: становится во главу, чему следовало быть в ногах. По естеству человеку надлежит в Боге жить и, Ему предав себя, всецело на Него уповать; все же тварное иметь под собою или около себя то как совсем ненужное, то как средство побочное, подспорье. А у богатого это ненужное, ничтожное, подножное стало там, где подобает иметь Единого Бога. И стал он похож на ходящего на голове вверх ногами».

Для того, чтобы ясно увидеть, на что многие из нас надеются, кратко рассмотрим вопрос о богатстве.

Учения святых отцов о богатстве

Вначале заметим, что богатство может быть приобретено праведным и неправедным путем, но уже даже по той информации, которую мы получили в этой теме, становится понятным, что это, в основном, это неправедный путь приобретения.

Лука Крымский (Проповеди в Симферополе. Притча о неправедном домоправителе): «(Спаситель) знал, что богатство богатых в большинстве случаев бывает богатством неправедно приобретенным эксплуатацией рабочих своих, сотрудников своих, обсчитыванием их. Он знал, что богатые часто поедают дома вдов и сирот. Он знал, что богатство человеческое в большинстве случаев бывает богатством неправедным. ...Господь и говорит нам: "Если у вас есть неправедно богатство, поступайте так, как поступил неверный домоправитель, употребите его на то, чтобы приобрести себе друзей, которые оправдают вас в жизни вечной, если вы употребите богатство на помощь им, на облегчение страданий и нищеты. Раздавайте богатство ваше, и тогда будут они, эти благодетельствованные вами несчастные ходатаями за вас пред Престолом Всевышнего. Господь вовсе не советует приобретать богатство неправедным путем. Он советует избавиться от неправедного богатства, советует использовать его так, как это нужно для спасения душ наших».

Но есть малочисленные случаи, когда человек приобретает достаток праведным путем, но и праведное богатство Господь считает неправедным, если человек не раздает его.

Лука Крымский (там же): «Можно сказать, что Господь не только явно неправедное богатство, но и всякое богатство считает неправедным. Не каждое богатство приобретается неправедным путем, путем нечистым. Бывает немало людей, которые богатство стяжали путем чистым: тяжелым трудом своим, благодаря талантам своим, благодаря глубокому уму своему; такое богатство почетно и не ставится наряду с неправедным... Но и это богатство Господь считает неправедным. Основываюсь на словах Самого Спасителя, ибо вы слышали, как однажды подошел к Спасителю юноша, желавший спастись, и просил указать, что требуется, чтобы наследовать жизнь вечную. Господь отвечал: "Разве ты не знаешь заповедей? Исполни эти заповеди". Юноша ответил: "Я все заповеди знаю, все их исполняю; что еще требуется от меня?" Господь ответил: "Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим" (Мф.19,21). Опустив скорбно голову, этот юноша в молчании отошел от Христа, потому что велико было богатство его, и не мог он расстаться с ним. Если не мог расстаться с ним, поступил неправильно, ибо люди, следующие основному закону Христову, закону любви и милосердия, не могут равнодушно смотреть на страдания несчастных, голодающих, обездоленных, бесприютных и обязательно будут раздавать свое богатство. А если не раздаем богатства, даже праведного, значит нет у нас любви, а если нет любви, то как получим жизнь вечную, радость вечную? Итак, видите, что не только неправедное богатство, но и всякое богатство, удерживаемое при себе, лишает права получить жизнь вечную. Богатство, которое человек держит только для себя, которым не старается приобрести друзей, которые бы свидетельствовали перед Богом о милосердии Его на Страшном Суде, осуждает человека. Богатство подобно тяжким железным узам, которыми связан человек в жизни. Это тяжесть, которая давит его к земле, тяжесть, которая не дает воспарить горе, к Престолу Всевышнего. Поэтому всякое богатство, даже чисто нажитое, Господь считает богатством неправедным и заповедует богатством этим распорядиться как мошенник-домоправитель; распорядиться так, чтобы приобрести друзей в жизни вечной».

Поэтому все святые и говорят: лучше быть бедным, чем иметь богатство неправедного приобретения.

Григорий Богослов (творения, ч.5): «Нищета лучше неправедного приобретения, равно как и болезнь лучше худого здоровья».

Теперь рассмотрим следующее. Существует три вида вещественного богатства.

Авва Пафнутий (Собеседования египетских отцов преп. Иоанна Кассиана, 3,9): «В Священном Писании разумеется тройкое богатство, то есть зло, добро и нечто среднее. Есть богатство злое, о котором говорится: «богатии обнищаша и взалкаша» (Пс.33,11). Еще: «горе вам богатым: яко отстоите утешения вашего» (Лк.6,24). Отвергнуть такого

рода богатство есть верх совершенства. ...Есть богатство благое, которое собирать есть великая добродетель и заслуга и за обладание которым муж праведный удостоивается похвалы, как говорит Давид: «род правых благословится: слава и богатство в доме его, и правда его пребывает в век века» (Пс.111,2 — 3). И опять: «богатством своим человек выкупает жизнь свою (Притч.13,8). ...Бывает богатство чем-то средним, то есть и добром, и злом, потому что, по свойству и расположению пользующихся им, может переходить на ту или другую сторону. О нем говорит святой Апостол: «богатым в нынешнем веке запрещай не высокоумствовати, ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающего нам вся обилно в наслаждение: благое делати, богатитися в делах добрых, благоподатливым быти, общителным, сокровищующе себе основание добро в будущее, да примут вечную жизнь» (1 Тим.6,17—19). С другой стороны — говорится в Евангелии, что богач, удерживавший такое богатство и нисколько не хотевший помочь из него нуждающимся, когда от крупиц его желал насытиться бедный Лазарь, лежавший у ворот его, предан за то огню геенскому и вечному пламени (Лк.16,19-31)».

Как видим, есть три основных вида пользования богатством: во зло, то во зло, то в добро (т.е. среднее) и в добро. Непокаявшимся грешникам свойственно богатство во зло. Для людей, ведущих истинно праведную жизнь, свойственно пользование богатством на добро, т.к. они «богатеют в Бога». Для христиан более свойственно среднее пользование, т.к. мы периодически пользуемся им то для своих страстных наклонностей, то для милостыни.

Так же понятно, что само по себе богатство не является ни злом, ни добром, таковым его делает отношение к нему человека.

Василий Великий (творения, ч.2): «...Душе благочестивой богатство служит средством делать добро чрез любообщительность, а душе сластолюбивой и плотолюбивой обращается оно в пособие роскоши».

Климент Александрийский (Кто из богатых спасется, гл. 14): «...собственность есть то, что приобретается, а имуществом называется то, что полезно и создано Богом для пользы людей. Поистине богатства и собственность существуют и подчинены нам некоторым образом так же, как материал и орудия знающему доброе употребление их. Если ты искусно пользуешься ими, из-под руки твоей выходят художественные вещи; если же умелости ими пользоваться тебе недостает, то и вещи принимают неприглядный вид, хотя сами в себе они и невинны. Точно таким же образом и богатство есть орудие. Ты можешь правым образом им пользоваться - тогда оно служит к твоему оправданию; если же кто не умеет пользоваться им так, как следует, тогда оно становится орудием несправедности. Назначение его служить, а не господствовать. Нельзя, следовательно, на то возводить вину, что само в себе ни добро, ни зло, потому что оно невинно, а того нужно винить, кто как во благо, так и во зло эти вещи может употреблять, после того как выбирает то или другое. Полномочно же человек распоряжается ему доверенным вследствие разума и рассудка, обуславливающих собой свободу и самоопределение».

Иоанн Златоуст (т.2): «Не будем почитать богатство великим благом: великое благо - не деньги нажить, но стяжать страх Божий и благочестие».

Иоанн Златоуст (Творения, т.1): «Не богатство — зло, а любостяжание и сребролюбие».

Иоанн Златоуст (Толков. на Мф.13,19-21): «Богатство соединяет в себе два противоположные зла: одно сокрушает и омрачает - это есть забота; другое расслабляет - это есть роскошь. И хорошо сказал Спаситель — «лесть богатства», потому что все в богатстве лезть, - имена только, а не действительность. Подлинно, и удовольствие, и слава, и пышность и все тому подобное - один только призрак, а не действительная истина».

Но некоторые из нас не видят и не понимают в чем зло от богатства. И это говорит о нашем неведении истинного блага и о нашей любви к миру.

Василий Великий (Беседа на 1-ый Псалом): «Но невежественные люди и миролюбцы, не зная природы самого добра, часто называют блаженным то, что не имеет никакой цены: богатство, здоровье, блистательную жизнь - все, что по природе своей не есть добро, потому что не только удобно изменяется в противоположное, но и обладателей своих не может сделать добрыми. Ибо кого сделало справедливым богатство или целомудренным здоровье! Напротив того, каждый из сих даров злоупотребляющему им часто способствует ко греху».

Несмотря на то, что многим людям тяжело принять понятие духовного вреда, происходящее от неверного отношения к богатству, а тем более понятие отречения от него, мы надеемся, что приведенные ниже учения святых отцов посеют в нас семя истины, которое со временем вырастет и даст добрые плоды.

Итак, во-первых, все отцы говорят о безгрешности даров Божиих и о нашем греховном употреблении этих даров.

Иоанн Златоуст (Толков. на Мф.13,19-21): «Можно, если захочешь... и богатство употребить, как должно. Потому Христос не сказал: век, но: «печаль века»; не сказал: богатство, но: «лесть богатства» (ст.22). Итак, будем обвинять не самые вещи, но испорченную волю. Можно и богатство иметь, и не обольщаться им, - и в веке этом жить, и не подавляться заботами».

Петр Дамаскин (Творения, кн.1): «Никакое дело, совершаемое по Богу, со смирением, не худо; однако есть различие между делами и между начинаниями: и все то, что бывает сверх естественной потребности, делается препятствием для желающего спастись, то есть все, что не служит к спасению души или к жизни тела. Ибо не снеди – зло, но чревоугодие, и не имущество, но пристрастие; не произношение слов, а пустословие, не сладостное мира, но невоздержание, не любовь к своим, а происходящее от нее нерадение о благоугождении Богу; не одежды для прикрытия только и избежания холода и зноя, но – излишние и дорогие; не дома для избежания только, вместе с упомянутым, и злоумышленников, зверей и людей, но двухэтажные и трехэтажные, большие и многоценные; и не то, чтобы иметь кому-либо вещь, но – иметь ее не для необходимой потребности, и книги иметь нестяжательным не есть зло, но иметь их для чтения о Боге; не то зло, чтобы иметь друзей, но иметь бесполезных для души; не женщина зло, а любоддеяние, и не богатство, но сребролюбие; не вино, но пьянство; не естественная раздражительность, данная для удержания от греха, но – когда употребляем ее против подобных нам людей; не начальствование, но любоначалие; не слава, но славолубие и худшее его тщеславие; не приобретение добродетели, но мнение, что имеем ее; не знание, но считание себя знающим, и худшее сего – незнание своего неведения; не истинное знание, но лжеименное. Не мир худ, но страсти, и не естество, но противоестественное; не единомыслие, но заключаемое для делания зла и не ко спасению души; не члены тела, но злоупотребление их. Не для того дано нам зрение, чтобы мы вожделевали недолжного, но чтобы, видя создания, прославляли за них Творца, и зрение хорошо вело нас к полезному для души и тела нашего; и уши – не для того, чтобы принимать клевету и худые слова, но для слышания слова Божия и всякого голоса, который доходит до нас от людей, птиц и других (существ) и прославления ради сего их Творца; и обоняние – не для расслабления души и ослабления ее крепости, как говорит Богослов, но для дыхания и принятия дарованного нам от Бога воздуха и прославления Его за сие; ибо без этого никто не может жить телом, ни человек, ни скот. И удивляюсь я премудрости Благодетеля, как нужнейшие нам вещи все мы находим удобно, воздух, говорю, огонь, воду и землю. И не только это, но и могущее спасти душу Он сделал более удобным, нежели другие дела, а приносящее душе погибель – труднейшим. Так, бедность обыкновенно более спасает душу, а богатство для многих служит к тому препятствием, и бедность находит всякий, а богатство – не в нашей воле».

Во-вторых, отцы говорят о том, что два вида пользования богатством - во зло и нечто среднее - питают страсти.

Иоанн Златоуст (т.12, Сл.11): «Итак, скажите мне, потому ли богатство кажется вам желанным и высокоценным, что оно питает в вас тягчайшие страсти, доводя гнев до дела, вздувая пузыри большого честолюбия до громадных размеров и возбуждая к гордости? Потому самому нужно без всякой оглядки бежать от него, что оно поселяет в нашей душе диких и свирепых зверей, чрез которых лишает ее чести, признаваемой всеми, и окрашивая цветами последней ложную честь, представляет ее в таком виде обманутым и внушает, что последняя больше первой, хотя она не такова по природе, а представляется только по внешности. Подобно тому, как красота распутных женщин, наведенная притираниями и подкрашиванием, на самом деле лишена красоты, но некрасивое в действительности и безобразное лицо кажется для обманутых красивым и благовидным, так точно и богатство обнаруживает вместо чести бесчестие».

В-третьих, в учениях отцов часто встречается вопрос об изменчивости и тленности богатства.

Иоанн Златоуст (т.12, Сл.11): «Когда кто-нибудь заботится о нем (богатстве), тогда-то именно оно предательски и изменяет. Что ты заботишься о богатстве, которого никогда нельзя уберечь? Хочешь сохранить его? Не зарывай его, а дай в руки бедным. Богатство - дикий зверь; если его удерживают, оно убегает; если гонят, остается. Расточай богатство, чтобы оно осталось; не зарывай, чтобы не убежало. Где богатство? С удовольствием спросил бы я умерших: где богатство?... В самом деле, кто сегодня богат, завтра становится беден».

Нравственное Богословие (Грехи против 2-ой заповеди: грех – надежда на свое богатство): «И уповали не богатство неверное (погибающее)» (1Тим.6.17). Здесь указывается и причина, почему не следует полагаться на богатство. Оно называется «погибающее». Да, оно нередко погибает, или отходит от человека, еще прежде, чем сам человек уйдет с этого света. Думал человек жить широко, строил себе те и другие планы, хотел взять верх при помощи денег в тяжбе какой-либо, - и уже капитала в руках у него нет. Но, во всяком случае, в день смерти для каждого богача богатство его погибает. Дом-то у богача крепок и обширен, а сам он разрушается; капитал у него так велик и прочен, что некоторым денежным вкладам он дал название «вечным»: а у самого душа готова выйти из тела, и ни огромное имение, ни денежные запасы не могут избавить его от смерти, не делают его на земле вечным».

Иоанн Златоуст (т.12, Сл.11): «Как человек есть животное ничтожное, подверженное гибели и кратковременное, так и богатство таково же; вернее же сказать, даже и того ничтожнее. Часто оно погибает даже не вместе с человеком, а еще раньше человека; и вы все знаете, сколь многочисленны примеры преждевременной гибели богатства здесь вы наблюдали. И часто владелец остается в живых, а состояние погибает; и, о, если бы оно погибало одно только, а не губило вместе с собой и владельца. Вот почему не погрешит тот, кто назовет богатство неблагодарным рабом, рабом кровожадным и человекоубийственным, рабом, который воздает своему господину в благодарность убийством; и что всего тяжелее - оно подвергает его опасности не только в то время, когда покидает его, но еще и прежде, чем покинуть, доставляет ему беспокойство и тревоги».

Николай Сербский (Письмо 20): «Я просто в страхе за вас. Вы пишете мне, что так надежно застраховали себя и своих детей, что теперь можете жить без забот. Ваша беззаботность, похоже, изгнала из души вашей страх Божий. Чем вы обезопасили свою жизнь? Не деньгами ли? Но разве не слышите каждый день, как внезапное разорение банка делает миллионеров нищими и, что еще хуже, самоубийцами? Может, недвижимостью: квартирами и магазинами? Но разве не читаете вы об участившихся землетрясениях, которые в считанные минуты превращают города в груды развалин? Может быть, вы купили землю: сады и поля? Но разве забыли вы о внезапных засухах, наводнениях и тучах саранчи? Если бы вы читали Евангелие, вы бы запомнили слова Христа: «обольщение богатства» (Мф.13:22). Мне кажется, что как раз в те дни, когда

гнев Божий сокрушает всякий щит земной, которым люди хотят защитить себя, отвергнув веру в Него, Всемогущего, вы считаете себя защищенным таким ничтожным щитом, как богатство - грудой праха. Вы напоминаете мне китайцев, которые в войне с японцами раскрыли над головами зонтики, чтобы защититься от вражеских пуль. Кроме вашей беззаботности, которая наказуема, ибо происходит от богатства, что есть мерзость пред Господом, я догадываюсь и о другом вашем зле: о том, что богатство ваше замешано на несправедных делах. А это то же самое, что есть хлеб с червями. Вы отравите себя и детей своих. Послушайте, что говорит святой Иоанн Златоуст: "Те, что обогащаются неправдой, беднее нищего. Лучше просить, чем грабить". Библейская притча об Иове напоминает нам, что и праведный человек может в один день потерять все земное богатство, так что уж тут говорить о несправедных. В один день праведный Иов потерял все свое имущество, а кроме того, и сыновей, и дочерей. Потом потерял и здоровье и, как нищий, весь в ранах, лежа на куче навоза, рыдал и горевал. Разве вы не боитесь, что то же самое может случиться и с вами? В беде и болезнях, обрушившихся на него, праведный Иов защищал душу свою от отчаяния крепкой верой в Бога, а вы чем защитите душу? И что вас сможет удержать от самоубийства, то есть чтобы вы к материальной гибели не добавили и гибель душевную? В Священном Писании говорится: «кто любит неправду, ненавидит душу свою». В одиночестве, в тихий час ночной, наедине со своей совестью, спросите себя, действительно ли вы больше любите неправду, чем душу свою? Поспешите «обогатиться у Господа», как говорил Спаситель. "Обогатиться у Бога" означает обогатиться тем богатством, которое Господь ценит и которое человек никогда не потеряет. Это богатство веры в Бога, надежды, милости и сострадания, истины и братолюбия. Вот каким щитом сможете Вы защитить жизнь свою и своих детей надежнее, чем земным царством, даже если оно простирается от востока солнца до запада. Да просветит и благословит вас Господь!».

Но при всем этом отцы говорят, что праведное пользование богатством всегда остается во владении человека, и Господь никогда не оставляет его без Своего покровительства.

Василий Великий (Беседа 7, толков. на Ев. от Матфея 19, 16-25): «Всякому известно, что попечение о бесполезном не разумно. Но, может быть, покажется тебе странным, что намерен я сказать; однако ж это всего справедливее. Богатство, если расточат его так, как повелевает это Господь, остается во владении; а если удерживать его у себя, отходит от владетеля. Если станешь беречь его, оно не будет твоим; если станешь расточать, не потеряешь. Ибо «расточи, даде убогим: правда его пребывает во век» (Пс.111:9)».

Климент Александрийский (Педагог): «Тот не беден, кто владыкой мира, Божественным Логосом, покровительствуем; никогда он не нуждается в необходимом. Ибо состоять под покровительством Логоса это именно, ведь, и значит не иметь никаких излишних потребностей и в то же время иметь подле себя постоянный источник для всякого рода довольства. А если кто захотел бы утверждать, что-де он видал, как праведник часто куска хлеба не имеет, то, возражаю я, что бывает это редко и только там, где нет другого праведника (который нуждающемуся помог бы). И все же и на этот случай читаем слово: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф.4, 4), которое есть истинный хлеб, ибо является пищей, нам посланной с неба (Иоан.6, 23 и т. д.). Доколе держится Бога, праведник никогда, следовательно, ни в чем не терпит недостатка. В чем он нуждается, всего того он может просить и все то получать от Отца вселенной (Мф.7, 7-8), но и сам собой он может питаться, Сына Его в себе имея. Так не ощущает он ни в чем недостатка. Логос, наш Педагог, наделяет нас богатством и именно богатством, ни в ком не возбуждающим зависти, потому что мы не имеем излишних потребностей. Кто богат этим богатством, тот становится наследником Царства Божия».

Также в Евангелии и писаниях отцов есть учения о еще двух видах богатства.

Иоанн Златоуст (Творения, т.5): «Есть богатство истинное, есть и ложное. Ложное состоит в имуществе, а истинное – в добрых делах».

Феофилакт Болгарский (Толкование на Лк.16,1-3): «Господь еще учит о том, что богатством нужно управлять по воле Божией. “Верный в малом”, то есть хорошо распорядившийся вверенным ему имением в мире сем, верен “и во многом”, то есть и в будущем веке достоин истинного богатства. “Малым” называет земное богатство, так как оно поистине мало, даже ничтожно, поколику скоропреходящее, а “многим” — богатство небесное, так как оно всегда пребывает и прибывает. Посему, кто оказался неверным в сем земном богатстве и данное на общую пользу братьев присвоил себе, тот не будет достоин и того многого, но будет отвергнут, как неверный. Поясняя сказанное, прибавляет: “итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное?” “Неправедным” богатством назвал богатство, которое остается при нас; ибо если б оно не было неправедно, оно и не было бы у нас. А теперь, поелику оно у нас, то, очевидно, что неправедно, так как оно задержано нами и не роздано бедным. Ибо похищение чужого имения и принадлежащего нищим есть несправедливость. Итак, кто нехорошо и неверно управляет сим имением, как тому доверять “истинное” богатство? И нам кто даст “наше”, когда мы неверно распоряжаемся “чужим”, то есть имением? А оно “чужое”, так как оно назначено для бедных, а с другой стороны, так как мы ничего не принесли в мир, но родились нагими. А наш удел — богатство небесное и божественное, ибо там жилище наше (Филип.3,20). Имение и приобретение чужды для человека, сотворенного по образу Божию, ибо из них ничто не похоже на него. А наслаждение божественными благами и общение с Богом — это сродно нам. — Доселе Господь учил нас, как должно верно управлять богатством. Ибо оно чужое, а не наше; мы управители, а не господа и владыки. Поелику же управление богатством по воле Божией совершается не иначе, как при твердом бесстрастии к нему, то Господь прибавил к учению своему и сие: “не может служить Богу и мамоне”, то есть невозможно тому быть слугою Божиим, кто привязался к богатству и по пристрастию к нему нечто удерживает за собою. Посему, если ты намерен верно распорядиться богатством, то не поработайся ему, то есть не имей привязанности к нему, и ты истинно послужишь Богу. Ибо сребролюбие, то есть страстная склонность к богатству, повсюду порицается (1 Тим. 6, 10)».

Но бедная грешная душа не разделяет этих двух видов богатства и в безумии стремится приобрести чувственные блага, отвергая истинное богатство – быть в вечности с Богом Любовью.

Николай Сербский (Мысли о добре и зле, Разные блага): «Если, веруя в Бога, ты думаешь, что чувственные и природные блага - единственные блага, которые Господь ниспосылает человеку, ты неверно думаешь о Боге. Любые чувственные и природные удовольствия завершаются горечью. А Бог не охотник, сладкой приманкой увлекающий зверя в капкан. Чувственные и природные блага - дары из второй руки Божией. Божии дары из первой руки - дары духовные. Чувственные и природные блага Бог дает людям с единственным намерением - напомнить ими о высшем, сладчайшем и вечном благе; они предображение будущих благ. Безумен тот, кто этого не понимает, и несчастен тот, кто этого не усвоит. Чувственные и природные блага, так же как и вся необъятная вселенная, лишь зов Царя на пир. Счастлив тот, кто, не утешившись одним только зовом, поспешит отозваться Самому Царю. Благо тому, кто приглашение не примет за пир. Несчастен и вдвойне несчастен тот, кто удовлетворится приглашением и в суете и тщеславном безумии забудет о Царе».

Всем нам понятно, что, исходя из того, что и кого мы любим и на кого надеемся, зависит наше спасение.

Ефрем Сирий (Добротолубие, т.2, 123): «Кто любит золото, тот не будет оправдан: а кто любит Господа, тот будет благословен. Кто возложил упование на золото, тот падет; а кто возложил упование на Господа, тот спасется».

Феофан Затворник (Мысли на каждый день года по церковному чтению, неделя 12): «...кто на что уповает и к чему пристращается, тот тем и богат бывает. Кто на Бога единого уповает и к Нему всем сердцем прилепляется, тот Богом и богат; кто на другое что уповает, к тому и сердце свое обращает, кроме Бога, тот другим этим и богат, а не Богом. Отсюда выходит; кто не Богом богат, тому нет входа в Царствие Божие. Тут разумеются род, связи, ум, чины, круг действий и проч.»

Николай Сербский (Молитва на озере, 63): «Где сокровище ваше, там и сердце ваше. Не спрашиваю, что имеете, спрашиваю: кто вы? Если вы чада света и ни в одном из членов тела вашего не затаилась тьма, тогда имяние ваше — Отец света. Блаженны вы, если все имяние ваше в Отце светов. Глаголю вам: и бытие ваше будет в бытии Его. Вы, имеющие на земле имения огромные, берегитесь, чтобы не стать вам именем имения вашего».

Многим из нас известно выражение «богатеть в Бога», но не все понимают его. Поэтому приведем его толкование.

Феофилакт Болгарский (Толков. на Ев от Луки, гл.12): «Так, кто собирает сокровища для себя, тот по справедливости называется безумным, и не успевает привести в исполнение свои намерения, но в самое время составления планов решительно исторгается из среды живых. Но если бы он собирал для бедных и для Бога, с ним не было бы так поступлено. Посему будем стараться “богатеть в Бога”, то есть на Него уповать, Его считать нашим богатством и хранилищем богатства. Не будем говорить: блага “мои”, но: блага Божии. Если же блага Божии, то не будем отчуждать Бога от Его благ. Богатеть в Бога значит веровать, что если я и все (свое) отдам и истощу, то и тогда ни в чем необходимом у меня не будет недостатка. Ибо сокровищница моих благ есть Бог: я отворяю и беру, что нужно».

Феофан Затворник (Мысли на каждый день года по церковному чтению, неделя 26): «(Еф.5,9-19; Лк.12,16-21). Сказав притчу о разбогатевшем, который собирался только есть, пить и веселиться, и за то поражен был смертью, не дожив до предположенных утех, Господь заключил: "Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет". "Так", то есть, таковы бывают, или такая участь постигает и тех и других. Богатеющие с богозабвением только и думают о плотских утехах. Желаящие избежать этой горькой участи пусть "собирают" не "себе, а богатеют только в Бога". А так как богатство от Бога, то, когда оно течет, и посвящай его Богу, и выйдет святое богатство. Все избытки разделяй с нуждающимся; это будет то же, что данное Богом возвращать Богу. Кто бедному дает. Богу дает. Истоющая как будто богатство, таковой истинно богатеет, богатясь добрыми делами, - богатеет ради Бога, в видах угождения Ему, богатеет Богом, привлекая Его благоволение, богатеет от Бога, Который верно во мале поставляет над многими; богатеет в Бога, а не себе, ибо не считает себя хозяином, а только приставником и расходчиком, вся забота которого состоит в том, чтобы удовлетворить всех приходящих к нему с нуждою, а что-либо особенно истратить на себя боится, считая это неправым употреблением вверенного ему достояния».

Также, всем нам хорошо известно изречение Господа нашего Иисуса Христа из Евангелия от Мф.12, 30 и Лк.11,23 «Кто не собирает со мною, тот расточает»; и теперь приведем его толкование.

Феофан Затворник (Мысли на каждый день года по церковному чтению, неделя 4): «(Рим.14, 9-18; Мф.12,14-16,22-30). "Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает". Кто же с Господом? Тот, кто живет и действует в духе Его; кто не позволяет себе ни мыслей, ни чувств, ни желаний, ни намерений, ни слов, ни дел, которые были бы неуютны Господу и противны Его явным заповедям и определениям. Кто живет и действует иначе, тот не с Господом, следовательно, не собирает, а расточает. Что же расточает? Не только силы и время, но и то, что собирает. Богатство, например, не с Господом собирает тот, кто копит только его, не делаясь с другими и себя лишая даже нужного, или кто собирая его, частью тратит на пышное содержание себя, частью

расходуется на тщеславные жертвы, частью оставляет наследникам. На тот свет явится он ни с чем, - и будет там беднейшим из беднейших. Напротив, с Господом собирает богатство тот, кто через руки бедных и нуждающихся препровождает собранное в вечные сокровищницы. Когда умрет такой человек, на том свете все найдет сохраненным, нерасточенным, хотя бы он всю жизнь свою расточал. То же самое приложимо и к собиранию знаний. Тут расточение еще очевиднее, потому что еще здесь становится явным, как не о Господе мудрствующий собирает будто горы знаний, а между тем все они хлам, призрак истины, а не истина. У таких не только не бывает знания, но и смысл человеческий теряется. Они начинают бредить, как сонные. Читайте системы материалистов и вы увидите, что это так».

Лука Крымский (Проповеди в Симферополе): «А что значит собирать, что значит расточать? Собирать вместе с Ним — значит собирать то, что угодно Ему. Если мы будем все блага жизни, доступное нам богатство собирать для себя — чтобы тратить на себя и семью свою, чтобы жить хорошо и пышно и составить наследство детям своим; если так будем жить, — то это будет расточение.

Ибо тот, кто не в Бога богатеет, кто не с Богом собирает, тот только расточает и на Страшном Суде, в вечной жизни окажется нищим, ничего не имеющим, всё расточившим и ничего не собравшим для Христа.

Собирать для Христа значит собирать для тех, в лице которых предстоит Господь Иисус Христос, прося нашего милосердия, ибо когда оказываем милосердие одному из меньшей братии Его, из обремененных горем и нуждой, оказываем милосердие Самому Господу Иисусу Христу. Мы тогда собираем достояние не для себя, не в себя богатеем, собираем для того, чтобы эти жертвы предшествовали нам, когда уйдем из жизни, чтобы святые ангелы понесли на золотых блюдах все наши добрые деяния, добрые побуждения, добрые мысли и слова впереди нас к Престолу Божию. Эти сокровища, собранные во имя Его, для Него, откроют нам путь, светлый путь в жизнь вечную, дадут радость великую. Вот что значит собирать со Христом».

В соответствии с видами богатств, у св. отцов есть четкие определения понятий истинно бедного и истинно богатого человека.

Тихон Задонский (т.5, письмо 10): «Кто богат и кто убог? Богат, кто более не желает, но довольствуется тем, что имеет, а кто большего и большего желает, тот убог. Сытым называем того, кто есть не хочет, а голодным того, кто хочет. Так богатым назвать должно того, кто ничего более не желает, а убогим того, кто большего желает богатства. Не амбар, и не сундуки, и не карман богатыми называются, но человек. Следовательно, кто хотя и пустые сундуки и амбар имеет, но довольствуется тем, что имеет, — тот богат, а кто хотя и полные сундуки имеет, но большего желает, — тот убог и беден, ибо в сердце ничего не имеет, а не имеет, потому что желает. Многого тому не достает, кто много желает; малого не достает тому, кто мало желает; ничего тому не нужно, кто ничего не желает. Есть у него что — хорошо, нет чего — и то хорошо: и именем и неимением, и богатством и убожеством доволен. Пища и одежда — довольство его. Блаженно таковое сердце! Сей есть путник и странник в мире этом.

Только благочестивые богаты, по свидетельству апостола Павла: Великое приобретение — быть благочестивым и довольным (1Тим. 6,6). Что значит: приобретение? Это то же, что и богатство, сокровище. Что значит: быть довольным? Быть довольным тем, что имеешь, малое ли или великое, многое ли или немногое. Великое сокровище имеет тот, кто благочестие имеет. Почему? Потому что имеет сокровище, которое несравненно лучше сокровища мира сего; и внутри себя имеет, а не вне; и неотъемлемо имеет, и ныне с ним, и в смерти с ним, и по смерти с ним пребывает. Что же это за сокровище? Вера живая, познание Бога и почитание, благодать Святого Духа и надежда наследия вечного на небесах, — все, что в благочестии заключается. Вот в чем сокровище и богатство благочестивых! Они, возложив надежду на Бога, довольствуются Богом, как крайним добром, больше Которого нет добра и от Которого всякое добро происходит. Бог им

великая награда, богатство, сокровище и слава, и в блаженной жизни будет все во всем (1 Кор.15:28).

Нечестивые богатство, которое имеют, то есть тленное и скоропреходящее, имеют как во сне, и потому бедны и убоги; и оставив все то, которым, как во сне, довольствовались, до такой дойдут нищеты, что будут желать капли воды всю вечность, и никто не даст им, что видно на примере евангельского богача (Лк.16:24). И Господь подтверждает это, говоря: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою» (Мф.16:26)? Хотя и богаты нечестивые, но в амбарах и сундуках богаты, а не в себе, и то, как во сне. Вчерашний день и все прошедшее время, как сновидение у нас, так и богатство мира сего как сновидение по смерти будет. Кто во сне что видит, до тех пор видит, пока спит, а, пробудившись, ничего не видит, но только сновидение помнит. Так и человек богатый, пока живет, видит богатство свое, а как умрет, все от него как сновидение отходит, и ничего не имеет у себя, кроме памяти и злой совести, ибо собирал сокровища для себя, а не в Бога богател (Лк. 12:21).

Не так благочестивые, не так! Они и здесь богаты и там богатейшими будут. Они и здесь носят и имеют сокровище свое в глиняных сосудах, и там наследуют блага, которых не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку (2Кор.4:7; 1Кор.2:9). Итак, то богатство истинно, которое внутри у человека, и не отлучается от него, и с ним отходит отсюда на тот век, — богатство это есть благочестие. И тот только богат, кто внутри себя сокровище благочестия имеет».

Итак, святые, познав на своем опыте цену материального и духовного богатства, просили в молитвах о духовных богатствах, о покаянии, памяти Божией и познании Бога; и ниже приведем подобные молитвы-рассуждения.

Николай Сербский (Молитва на озере, 63): «Именья земные ... — враги ваши. Они вас к миру привязывают и врата небесные закрывают. Не погребайте сердца своего под именьями земными, ибо истлеет оно под ними. Подарите сердца свои Богу, в дар Дародавцу, и станет имение ваше рабом кротким, а не грозным хозяином. ... Выбирай, душа моя окаянная, что хочешь: быть или иметь? Если бытие выбираешь, имение твое будет не меньше имения Божия. Если выберешь имение, бытие твое будет как отражение месяца на глади озерной. Сыне Божий, помози душе моей, да не обманется, да погибели не изберет».

Симеон Новый Богослов (Гимн 52): «Не дай мне, Владыко, суетной славы мира сего, ни богатства гибнущего, ни талантов золота, ни высокого престола, ни власти над тленными; соедини меня со смиренными, нищими и кроткими, чтобы и я также сделался смиренным и кротким. И если это служение мое я прохожу не к пользе Своей, не к благоугождению Твоему и почитанию, то благоволи мне сподобиться его и только оплакивать грехи свои, и иметь попечение об одном праведном Суде Твоем и о том, как я буду отвечать Тебе, много раз Тебя прогневлывший».

Симеон Новый Богослов (Гимн 11): «Итак, чем же хорошим в этих вещах ты, душа моя, наслаждаешься? Или что из них ты считаешь достойным того, чтобы его желать? Ничего, конечно, ты не можешь сказать на это, ничего не можешь ответить. Горе умножающим богатства и собирающим сокровища. Горе желающим воспринимать славу от людей. Горе тем, которые связываются с богатыми, но не жаждут славы Божией и богатства Его, и не ищут того, чтобы только с Ним одним пребывать. Ибо суетен мир, и все, что в мире, -суета сует, так как все пройдет; один только Бог всегда будет пребывать вечным и нетленным, и с Ним будут те, которые ныне взыскали Его и Его одного вместо всего возлюбили. Горе тогда будет тем, которые любят ныне мир сей, потому что они осудятся за то навеки. Горе, душа, жаждущим славы человеческой, потому что они лишатся тогда славы Божией. Горе, душа, собравшим богатства, потому что они возжелают там получить каплю воды. Горе, душа, возлагающим надежды на человека, потому что вместе со смертью его рушатся и надежды их, и они окажутся в

безнадежности. Горе, душа, тем, которые здесь имеют упокоение, потому что там они примут вечную муку. Поведай мне, душа моя, о чем ты печалишься? чего из вещей этой жизни желаешь? Скажи мне, и я покажу тебе необходимость и пользу каждой из них. А ты уразумей и познай, что доброго есть в каждой вещи. Скажи: ты желаешь пользоваться славой и похвалами? Так послушай, что такое честь и что бесчестие. Честь состоит в том, чтобы почитать всех, Бога же прежде всего, и заповеди Его стяжать себе, как богатство, претерпевая ради них обиды, злословия и поношения всякого рода. Ибо когда ты, душа, предпримешь какое-либо дело ради чести и славы Божией и за него нанесут тебе обиды и унижения, тогда ты достигла прочной чести и славы, потому что здесь-то, конечно, и придет к тебе слава Божия; тогда тебя восхвалят все Ангелы, так как ты почтила Бога, Которого и они прославляют. Ты хочешь, душа моя, владеть одеждами и богатством? Послушай, я покажу тебе сейчас вечное богатство. Кайся со слезами, презирай все, будь нищей духом и сердцем, будь нестяжательной, странницей в мире, будь противницей своих противных желаний и, упокоеваясь в воле единого Владыки твоего, ревностно следуй по стопам Его. И тогда Он, замедлив в шествии, позволит тебе, жалкой, уловить Себя. Ты же, увидев Его, возопи и громко воззови. И Он, обернувшись, милостивым оком взглянет на тебя, и даст тебе немного посмотреть на Себя, и, скрывшись от очей твоих, опять оставит тебя. Тогда ты, бедная, горько восплачешь и возрыдаешь, тогда станешь просить смерти, не вынося скорби и не терпя разлуки со сладчайшим Владыкой. Он же, видя тебя в крайней нужде и постоянной в плаче и сетовании, опять внезапно явится и озарит тебя, опять покажет тебе неисчерпаемое богатство- неувядающую славу Отчего лика, и, исполнив радости, возвеселит тебя, как и прежде, и таким образом преисполненной радости оставит тебя. Та же радость, которая бывает от мирских слов и помыслов, мало-помалу оставит тебя, и придет к тебе печаль. И так снова, как и прежде, ты горько восплачешь, и возрыдаешь, и взыщешь Его- Виновника блаженства, Подателя радости, Который есть прочное и поистине всегда пребывающее богатство. Когда Он будет так испытывать твое произволение, смотри, душа, не ослабей, не обратись вспять, не говори: до каких пор Он будет для меня неуловим? Не говори: зачем, являясь, Он тотчас же снова скрывается? И до каких пор вместо милосердия Он будет доставлять мне одни труды? Не говори: как могу я находиться в таком напряжении до смерти? И не обленись, о душа, искать Владыку! Но, как предавшая себя однажды на смерть и посвятившая Богу, не давай себе послабления и покоя, не ищи ни славы, ни телесного утешения, ни расположения родных. Совершенно не озирайся ни направо, ни налево; как начала, лучше же- спеша еще усерднее, старайся всегда уловлять Владыку, ухватиться за Него. И хотя бы тысячи раз Он исчезал и столько же раз являлся тебе, делаясь неуловимым, только таким путем Он будет удержан тобою. Десятки тысяч раз, лучше же до тех пор, пока ты вообще дышишь, еще усерднее ищи Его и беги к Нему. Ибо Он не оставит тебя и не забудет тебя, но, являясь тебе понемногу, все более и более и чаще пребывая с тобою, душа. Владыка, когда ты очистишься, наконец, осиянием света. Сам, придя, весь будет обитать в тебе, и с тобою будет пребывать Тот, Кто мир сотворил. И ты будешь обладать истинным богатством, которого мир не имеет, но только- Небо и те, которые вписаны там».

В чем вина человека, полагающегося на богатство?

Нравственное Богословие (Грехи против 2-ой заповеди: грех – надежда на свое богатство): «В чем же собственно состоит вина этого человека, полагающегося не свое богатство? В том, что он отступает сердцем от Бога. Присмотримся к самим себе ближе в то время, как у нас сряду несколько дней не бывает ни копейки денег в доме, а потребности жизни своим порядком говорят о себе. В эти скудные для нас дни мы более чувствуем свою зависимость от Бога и более обращаем свои надежды к Богу, находя себя

в положении человека, который и желал бы пойти туда и сюда или сделать то и другое, но от бессилия не может даже встать с места. Когда же придут к нам в руки деньги, тотчас мы чувствуем перемену в расположении своей души: вместо прежнего смиренного упования на Бога являются у нас опора на деньги, на средства к жизни. По крайней мере, таким чувством сопровождается прибыль в деньгах после скудости в них для людей внимательных и духовных по жизни. Но это только минутное отступление их сердцем от Бога или одно искушение положиться вместо Бога на деньги. Представьте же себе положение того из людей богатых или состоятельных, который всегда и во всем полагается на свое богатство, для которого денежный капитал первейшее счастье: не богоотступно ли его сердце во всякое время? Какая бы ни постигла его неприятность в жизни, какая бы ни угрожала ему беда: у него первая мысль не к Господу, а к деньгам. Деньгами он думает откупиться от всякой беды; деньги (а не честность и правду) он по сердечному убеждению называет «двигателем всего на свете»; если же он и просит Бога когда, то более о том, чтобы целы были у него деньги.

Это отступление может быть недолгим, и, обычно, его испытывают небогатые люди и начальные подвижники, а может быть постоянным состоянием, и оно свойственно людям, не ведущим духовную жизнь, и обеспеченным, и богатым.

Исходя из вышеизложенного понятно то, что многим из нас необходимо изменить свое отношение к материальному достатку. В другом же случае мы окажемся в том же положении, в котором оказался богач из притч о Лазаре и богаче, собравший богатый урожай.

Григорий Палама (Беседа на 15-ое воскресенье...): «Поскольку же случается, что дурное богатство идет в паре с еще более дурным спутником: - высокомерием и надеянием на богатство, то посему в Послании к Тимофею божественный Павел говорит: "Богатых в нынешнем веке увещевай, что бы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого» (1Тим.6:17): потому что смирение в людях свидетельствует о познании истины. Гордящийся же на основании богатства, которое более, чем все иное у нас, является поистине земным делом, и надеющийся на него воистину является безрассудным человеком и отнюдь не неподобным тем богачам, которых Господь представил для сравнения: из которых один, имея у своих внешних ворот лежащего Лазаря, из надменности даже не взглянул на него; другой же, беседуя со своею душою относительно тех благ, которые еще весьма прибавились к тем, которые он уже собрал, всю свою надежду полагал на свое богатство; поэтому первого воспринял неугасающий огонь; от второго же неумолимо потребовали его душу. Видите ли конец тех, которые привержены богатству? Поэтому Давид говорит: "Богатство аще течет, не прилагайте сердца" (Пс.61:11); а Соломон говорит: "Надейся на богатство свое, сей падет" (Притч.11:28); а в другом месте опять он же сравнивает с адом и гибелью жажду наживы, говоря: "Ад и погибель не насыщаются: такожде и очи неразумных" (Притч.27:20). Господь же говорит: "Горе вам богатящимся! Горе вам насыщенным" (Лк.6:24)».

(О богатых и бедных людях мы еще поговорим в одноименном разделе) Необходимо всегда помнить, что есть только два пути – путь со Христом и путь от Христа. И на этих путях собираются различные по своей сути сокровища.

Лука Крымский (Проповеди в Симферополе): «Есть только два пути: один направо, другой — налево. Направо путь указанный Господом, путь налево — путь, отводящий от Него. А Он есть Путь, Истина и Жизнь, и если не идем направо за Ним, по пути, который Он нам указал — следовательно, отходим от Него. Противоположен Христу Антихрист. Идя налево — идем за Антихристом. Среднего пути нет. Надо избрать один путь: надо идти направо, за Господом Иисусом Христом, быть вместе с Ним. Надо собирать великие сокровища духовные со Христом, с Его благодатной помощью. Идущие другим путем расточают все эти сокровища, умножают самомнение свое, свою самонадеянность, гордость свою, а гордость — основное свойство дьявола. Кто не идет за Христом, неиз-

бежно, хотя люди этого не понимают, идет за дьяволом. Этого убойтесь, убойтесь того, чтобы не стать врагом Христовым, убойтесь того, чтобы не расточать духовные сокровища, собрать которые да поможет вам Господь Иисус Христос, Ему же Слава и Держава со Безначальным Его Отцом и Пресвятым и Благим и Животворящим Его Духом».

А теперь перейдем к вопросу о том, в чем еще выражается немощь нашей веры – в страхе перед бедностью.

О страхе быть бедным

Вначале обратим особое внимание на то, что более всего бедности боится богатый человек.

Иоанн Златоуст (т.12, Сл.11): «И не в том только беда, что с богатством случаются несчастья, и при том неожиданно, но и в том, что богатый оказывается совершенно неприготовленным к перенесению бедности».

И еще отметим, что многие учения святых отцов обращены к монахам, но это не значит, что к мирским людям такие учения не относятся. Нужно глубоко осознать, что действия страстей в душе и в сердце всегда одинаковы, независимо от того, в каких внешних условиях находится человек. Поэтому, когда будем читать учения о душе монаха и страстях, следует видеть проявление этих страстей и в себе. И подтверждением этого служит этот раздел, в котором раскрывается вопрос действия страсти сребролюбия, выраженной страхом перед будущими бедностью и болезнями, которая свойственна как монахам, так и мирянам.

Итак, страсть сребролюбия зарождает в человеке чувство страха стать бедным.

Григорий Палама (Добротолюбие, т.5): «...эта несчастная страсть (сребролюбия) не от бедноты, а скорее беднота (чувство бедноты) от нее...».

При этом в уме кружатся различные мысли самооправдания страха бедности и предположения о возможном голоде, о болезни, о старости, о несчастьях и т.п.

Иоанн Лествичник (Лествица, сл. 16): «Сребролюбие есть поклонение идолам, дочь неверия, извинение себя своими немощами, предсказатель старости, предвозвестник голода, гадатель о бездожде».

Евагрий (Слово о духовном делании, 9): «Сребролюбие внушает (мысль) о долгой старости, немощи рук, неспособных уже трудиться, будущем голоде и болезнях, скорбных тяготах бедности и о том, сколь постыдно принимать от других (все) необходимое».

Иоанн Кассиан (О постановлениях киновитян, кн.7, гл.7): «Итак, эта страсть (сребролюбия), когда возобладает расслабленной и холодной душой монаха, сначала побуждает его к малому стяжанию, представляя ему некоторые справедливые и как бы разумные предлоги, по которым он должен сберечь или приобрести несколько денег. Ибо жалуется, что доставляемое от монастыря недостаточно, едва может быть сносно и здоровым, крепким телом. Что же надобно будет делать, если приключится нездоровье тела, и не будет припрятано несколько денег, чтобы подкрепить немощь? Содержание монастыря скудно, небрежность о больных очень велика. Если не будет ничего собственного, что можно бы употребить на попечение о теле, то надобно будет умереть жалким образом. Да и самая одежда, доставляемая от монастыря, недостаточна, если не позаботиться достать себе откуда-нибудь другую. Наконец нельзя долго и жить в одном и том же месте или монастыре, и если монах не приготовит себе денег на путевые расходы и переправу чрез море, то не возможет, когда бы захотелось, переселиться, и будучи стеснен крайнею бедностью, он постоянно будет проводить жизнь работническую и жалкую без всякого успеха; также всегда нищий и нагой с бесчестием он должен будет содержаться на чужом иждивении».

После изучения темы «О прелести» мы уже хорошо знаем, что подобные мысли в соответствии с нашими страстями внушает враг. Человек принимает, и они входят в сердце человека и питают страсть все более и более.

Нил Синайский (О различении лукавых помыслах, гл.23): «Все нечистые помыслы, надолго оставаясь в нас по причине страстей, доводят ум до пагубы и гибели. Ибо как мысль о хлебе надолго остается в голодном по причине голода и мысль о воде в жаждущем по причине жажды, так и мысли об имении и деньгах держатся в них долго по причине любостыжательности и мысли об яствах и о скверных помыслах, рождающихся от яств, держатся долго по причине страстей. Подобное сему откроется и в рассуждении помыслов тщеславия, также и других помыслов. Но ум, подавляемый таковыми мыслями, не может предстать Богу и увенчаться венцом правды. Сими-то помыслами низвлекаемый, и оный – упоминаемый в Евангелии – окаянный ум отрекся от вечери ведения Христова (см.: Лк.14,15,18–20)».

Св. отцы также четко указывают на то, чего таким образом враг добивается.

Нил Синайский (К Евлогию монаху, сл.1): «Помысл о вещественном стяжании предсказывает тебе старость и болезни, чтобы упование свое на Бога разделил ты с упованием на имущество».

Некоторым бедным и малоимущим людям хорошо знакомы другие мысли о том, что, если бы у них были деньги, то это беспокойство утихло бы. Но вот что на это заблуждение говорят святые:

Амвросий Оптинский (Письма к монашествующим, п.359): «Напрасно ты думаешь, что средства материальные дали бы тебе успокоение. Нет, эта мысль ложна. Есть люди со средствами в глазах твоих, но беспокоятся более, нежели ты. Постарайся лучше смириться и тогда обрящешь покой, как Сам Господь обещал чрез Евангельское слово».

Исидор Пелусиот (письма, ч.1, п.646): «А если думаешь, что приобретший деньги непреодолим и потому богатство вожделенно, то попытаюсь доказать противное. Кого не боится имеющий у себя много золота? Одних ли разбойников, клеветников, сильных земли? Он подозревает даже самих своих служителей. И что говорить о том, кто почитает себя еще живым (потому что одержимый такою болезнью и не живет)? Даже умерев не может он освободиться от злодейства грабителей; самая смерть не в силах сохранить его в безопасности; напротив того - и мертвого, и погребенного обкрадывают привыкшие к такому злодейству. Так ненадежно богатство! Не только разоряются дома, но сокрушаются гробницы и гробы».

После того, как человек примет подобные мысли и начнет их повторять, возникает беспокойство и желание приобрести деньги каким-либо способом и положить на сохранение в тайное место.

Иоанн Кассиан (О постановлениях киновитян, кн.7 гл.7,8): «Итак, когда такими помыслами прельстит ум, то помышляет, как бы ему можно было приобрести хоть один динарий. Тогда заботливым умом изыскивает частное дело, которым мог бы заниматься без ведома аввы (настоятеля). Продав его тайно и получив желаемую монету, он сильно беспокоится о том, как бы удвоить ее (монету) скорее, недоумевает, где бы положить, или кому вверить. Потом много озабочивается тем, что можно бы купить на нее, и какую торговлю удвоить ее. Когда же и это удастся ему по его желанию, то возникает сильнейшая алчность к золоту, и тем сильнее возбуждается, чем большее количество прибыли получается. Ибо с умножением денег увеличивается и неистовство страсти. Тогда обещается долговечная жизнь, преклонная старость, разные и продолжительные немощи, которые не могут быть переносимы в старости, если в молодости не будет заготовлено побольше денег. Таким образом становится жалкою душа, связанная змеиными узами, когда худо собранное имение с непотребным старанием желает умножить, сама для себя порождая язву, которою жестоко распалается и всецело занятая помышлением о прибыли, ничего другого не видит взором сердца, как только то, откуда бы можно достать денег, с которыми бы можно скорее выйти из монастыря туда, где бы

могла блеснуть какая-нибудь надежда на получение денег. Из-за этого не устрашится допустить злодеяние лжи, ложной клятвы, воровства, нарушить верность, воспламениться вредным гневом. Если как-нибудь потеряет надежду на прибыль, то не побоится нарушить честность, смирение, и как другим чрево, так ему золото и надежда корысти становится во всем вместо Бога. Потому св. апостол, имея в виду зловредный яд этой болезни, назвал ее не только корнем всех зол (1Тим.6,10), но и идолослужением, говоря: «умертвиш... любостяжание (по-гречески сребролюбие), которое есть идолослужение» (Кол. 3, 5). Итак, видишь, до какого порока эта страсть постепенно возрастает, так что у апостола называется идолослужением, потому что, оставив образ и подобие Божие (которое благоговейно служащий Богу должен сохранять в себе чистым), хочет лучше вместо Бога любить и хранить изображения людей, напечатленные на золоте. Таким образом преуспевая в уклонении к худшему, будучи неспособен иметь, не говоря, добродетели, но даже и тени добродетелей смирения, любви, послушания, монах негодует на все, ропщет на всякое дело и вздыхает. Не имея уже ни на кого опасения, как свирепейший, не взнузданный конь несется к стремнине; ежедневную пищу и обыкновенную одежду оставляет недоволен, заявляет, что он дольше не будет переносить это. Также кричит, что Бог не здесь только находится, что спасение его не заключено только в этом месте. Потому тяжело стонет, что если он скоро не выйдет отсюда, то легко погибнет».

(Напомним, что необходимо соотносить это поучение не монахом, а с собой и своими действиями) Теперь приведем поучения из Патерика не о монахе, а о мирянине.

Древний Патерик (Гл. 6): «Рассказывали об одном садовнике, что он трудился, и весь свой труд употреблял на милостыню, а себе оставлял только необходимое. Но помысл внушил ему: собери себе несколько денег, дабы, когда состаришься или впадешь в болезнь, не потерпеть тебе крайней нужды. И собирая он наполнил горшок деньгами. Случилось ему заболеть, - у него стала гнить нога, и он истратил деньги на врачей, не получив никакой пользы. Наконец приходит один опытный врач, и говорит ему: если не отсечь ногу тебе, то сгниет все тело твоё, - и он решился отсечь свою ногу. Ночью же, придя в самого себя и раскаявшись в том, что сделал, он сказал с вздыханием: помяни, Господи, дела мои прежнии, которые совершил я, трудясь в саду своем, и доставляя потребное братьям! - Когда он произнес это, предстал ему Ангел Господень и сказал: где деньги, которые собрал ты? и где эта надежда, которую ты хранил? Тогда, рассудив, он сказал: согрешил, Господи, прости мне! Отныне я ничего подобного не буду делать. Тогда Ангел коснулся ноги его, - и он тотчас исцелел. И встав, утром пошел в поле работать. Врач, по условию, приходит с орудием, чтобы отсечь ему ногу, - и ему говорят: он утром ушел в поле работать. Тогда врач, изумившись, пошел на поле, где работал он, и, увидев его копающего землю, прославил Бога, даровавшего ему исцеление».

Тех, кто боится бедности, отцы сравнивают с «малыми детьми» и учат бояться только греха.

Исидор Пелусиот (Творения, ч.2): «Весьма малые дети ни во что ставят того, что действительно страшно, но часто суют руки в огонь, а увидев пустую личину и призрак, приходят в страх и трепет. Подобное этому бывает и с любителями любостяжательности; боясь бедности, которая не страшна, но еще служит поводом ко всякой охраннысти и скромному образу мыслей, в великое ставят несправедное богатство, которое страшнее огня; потому что и мысли, и надежды обладающих им обращает в прах».

Иоанн Златоуст (Толк. на Пс.48): «Если мы не станем различать, чего должно страшиться и что презирать, то жизнь наша будет исполнена многих заблуждений, многих опасностей. В самом деле, крайне безумно – бояться того, что недостойно страха, и смеяться над тем, чего должно страшиться. Тем и отличаются люди взрослые от детей, что последние, не имея зрелого разума, боятся масок и людей, одетых в мешок, между тем как оскорбить отца или мать считают за ничто; бросаются на огонь и горящие светильники, а боятся какого-нибудь шума, не имеющего в себе ничего страшного; а взрослые не подвержены ничему такому. Но так как многие неразумнее детей, то пророк и

делает такое различие, говоря, чего должно страшиться, – не того, что для многих кажется страшным, т.е. бедности, незнатности, болезни, которые для многих кажутся не только страшными, но даже ужасными и невыносимыми, – ничего подобного он не внушает, – а только одного греха. Это означают слова: "беззаконие ноги моей окружит меня". Итак, вот приточное слово, вот новое и необыкновенное учение! Действительно, для многих кажется новым и необыкновенным – говорить, что не должно бояться никаких житейских скорбей. "Зачем бояться мне в день бедственный"? Только одного, говорит, боюсь я, чтобы беззаконие на пути моем и в жизни моей не окружило меня. Пятою (ногой) Писание называет коварство. "Который ел хлебы мои", говорит пророк, "поднял на меня пяту" (Пс.40:10), Также Исав сказал об Иакове: "запнул меня уже два раза" (Быт.27:36). Таков грех: он коварен и способен к обольщению. Его, говорит, боюсь я, – греха, который обольщает меня, который окружает меня... Кто боится греха, тот никогда не будет бояться ничего другого, но будет смеяться над благами настоящей жизни и презирать скорби, потому что один только страх греха потрясает душу его. Кто имеет этот страх, для того ничто, поистине ничто другое не страшно, ни сама смерть, которая страшнее всего, но только – один грех. Почему? Потому, что грех предаёт человека геенне, подвергает вечным мучениям. С другой стороны такой страх ведёт ко всякой добродетели. Представь, как важно не превозноситься житейскими благами, не малодушествовать в бедствиях, не прилепляться ни к чему настоящему, заботиться о будущем, ожидать последнего дня, проводя жизнь в этом страхе. Такой человек сделается ангелом, опасаясь только одного греха и ничего другого; он не будет бояться ничего другого, если будет одного этого бояться, как должно бояться, и напротив, кто не боится этого, тот испытает много страшного. "Надеющиеся на силу свою и множеством богатства своего хвляющиеся»".

Также враг внушает скорбные мысли в случае потери имущества или убытка, и отцы раскрывают и эту хитрость.

Варсануфий Великий (Вопрос 682): «Вопрос: когда я терплю убыток и не скорблю о том сердцем, то помысл говорит мне: «это нечувствительность; ты должен скорбеть, но вместе и благодарить». Справедливо ли говорит мне помысл? Ответ: Отнюдь не должно скорбеть о вещах мира сего, но только – об одном грехе».

Поэтому, если будут нас посещать подобные мысли-страхования, то будем молиться Господу от избавления от лукавого и помнить, что Господь наш – Отец, заботящийся о детях Своих.

Ефрем Сирин (Добротолюбие, т.2,129): «Не говори: "чем буду питаться, если состарюсь?" Ибо нам не позволено заботиться и об утреннем дне, а ты заботишься уже о старости. Будем искать Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся нам (Мф.6,33). Если же не будем искать этого прежде всего, то явно будет, что и не заботимся о том. Итак «возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает» (Пс. 54, 23)».

Есть еще одно выражение страха быть бедным – скупость, о котором будет сказано в разделе «О скупости».

Страх за свое имущество

Итак, есть страх быть бедным в будущем, но в том, кто в настоящем пристрастно владеет чем-либо, существует еще и другой вид страха – постоянный страх за свое имущество и за потерю привычного достатка.

Старец Паисий Святогорец (Слова, ч.2, гл.3): «Неблагодарность и ненасытность – великое зло. Человек, поработенный чем-то материальным, всегда поработен волнением и душевной тревогой, потому что он то дрожит, боясь, как бы у него не отняли его богатство, то испытывает страх за свою жизнь».

Иоанн Златоуст (Творения, т.4): «...Умножение богатства ничего больше не приносит нам, кроме умножения забот, беспокойств и бессонницы».

Василий Великий (ч.4, беседа 26): «Приучающие себя к довольству избегают волнений богатства: ибо богатый всего боится, - боится дней, как удобных воров, боится ночей, как мучений от забот, боится утреннего времени, как доступа к нему льстецов, боится не только времени, но и места. Его приводят в ужас нападения разбойников, злоумышления воров, клеветы притеснителей, расхищения сильных, злодеяния домашних, любопытство доносчиков, нечувствительность допрашивающих взыскания, рассуждения соседей, гнилость стен, падение домов, нашествия варваров, коварство сограждан, приговоры судей, потеря того, что имеет, отнятие того, чем владел. О человек, если такова зима обладания, то где же весна наслаждения? «Есть снискание велие благочестие с довольством». Оно не заключается вместе с настоящей жизнью, говорит Апостол. Это - стяжание бессмертное; с растратою богатства оно не утрачивается».

Вражья прелесть через помыслы собирать деньги и имущество для нищих

Некоторым из нас знакома мечта-желание: иметь много денег, чтобы построить храм, раздать неимущим и т.п. На первый взгляд, такая мысль кажется благой и может быть только от Бога или праведного расположения человека, но святые говорят, что это мечтание внушает бесребролюбия.

Евагрий (Добротолюбие, т.1): «Не пожелай иметь богатство для раздаяния бедным. Ибо и это есть лесь лукавого, часто приходящего в видах тщеславия и ввергающая ум в дела многомятежные (многоделочные).

Нил Синайский (О различении лукавых помыслах, гл.22): «...весьма разнообразным и изобретательным на обольщения кажется мне демонребролюбия. Он нередко, стесняясь строгим отречением от мира, вдруг притворяется домостроительным и нищелюбивым, радушно принимает неприбывших еще странников, отправляет на служение к другим нуждающимся, посещает темницы в городе, выкупает продаваемых, присоединяется к богатым женщинам, указывает, кому должны сделать добро...».

Такого рода прельщение является искажением заповеди о помощи бедным и раздаче своего имущества. И, как правило, те, кто принимают такие помыслы, начинают все более и более мечтать об этом, тем самым укореняя в сердце желание иметь богатство. Следует сказать, что зачастую это - мечта выиграть деньги или получить богатое наследство, и даже в молитвах человек может произносить: «Ты, Господи, подай мне выигрыш, а я построю храм или сделаю на эти деньги доброе дело...» Тем самым человек откладывает подаяние милостыни и пожертвования на будущее время и не желает исполнить добродетель из того, что у него есть на сегодняшний день. В минуты таких мечтаний человек забывает, что не большая сумма пожертвований угодна Богу (тем более, если мы надеемся, что Господь пошлет нам, например, выигрыш или крупную сделку, с которой мы часть выделим Богу), а Богу угодно расположение нашего сердца.

Иоанн Лествичник (Лествица, сл.16): «Не говори, что собираешь деньги ради нищих; ибо и две лепты вдовицы купили Царство Небесное».

Поэтому давайте осторожно относиться к таким желаниям, и если действительно возникает пожертвовать или помочь кому-то ради Господа, то будем делать это из того имущества и денег, которые у нас уже есть, а не ставить Богу условия: «Ты, Господи, дай мне, а я отдам Тебе».

А если Господь подает человеку достаток, то страстьребролюбия всячески будет искушать человека различными доводами оставить деньги себе, т.к. самому необходимо то-то и то-то, а также возбуждает ненависть к тому, кому человек хотел помочь в своих мечтаниях.

Иоанн Лествичник (Лествица, сл.16): «Сребролюбие начинается под видом раздаяния милостыни, а оканчивается ненавистию к бедным. Сребролюбец бывает милостив, пока собирает деньги; а как скоро накопил их, так и сжал руки».

Также приведем поучение из Пролога: как можно раздать то, что Господь подал, но, впад в тщеславие и осудив ближнего, стать неугодным Богу.

Пролог в поучениях (О дивном столпнике): «Близ города Едесса в пустыне спасался один старец. Он стоял бессходно на столпе сорок девять лет. К столпнику пришел святитель Феодор, епископ Едесский, и в беседе о спасении души спросил: «Что заставило тебя, человеце Божий, взойти на столп и столько лет на нем подвизаться?». Столпник рассказал следующее: «Вместе со старшим братом мы ушли от мира еще в юности. Сначала три года мы провели в монастыре, а затем удалились в пустыню и, нашедши тут две пещеры, поселились: я в одной, брат в другой. Время мы проводили здесь в безмолвии, посте и молитве и сходились друг с другом только в дни воскресные. Такая жизнь в пустыне для меня продолжалась, однако, недолго. Раз, когда мы оба вышли из своих пещер для собирания злаков и кореньев в пищу и находились на некотором расстоянии друг от друга, вдруг я заметил, что брат мой внезапно остановился на одном месте, как будто чего-то испугавшись, а потом стремглав побежал и скрылся в пещере. Недоумевая, что бы это значило, я пошел к месту его внезапной остановки, чтобы посмотреть, что там такое — и что же? Вижу громадное количество рассыпанного золота. Недолго думая, я снял с себя мантию, собрал в нее неожиданно найденное сокровище и с большим трудом принес в свою келию. После сего, не сказавши брату ни слова, я ушел в город, купил там большой дом, устроил в нем странноприимницу и вольницу и при них основал монастырь, поместивши в нем сорок иноков. Все устроенное я поручил опытному игумену, дал ему на нужды тысячу златниц, другую тысячу раздал нищим и затем снова, оставив мир, возвратился в пустыню к своему брату. На пути я начал высокоумствовать о себе и осуждать брата за то, что он не хотел сделать добра на найденное им золото, и, когда подходил к пещере брата, то помыслы высокоумия и самомнения уже совершенно овладели мною. Но в это самое время является мне Ангел Божий с грозным видом и говорит: «Знай, что все, что ты сделал, не стоит скачка, сделанного твоим братом через золото, и он несравненно выше и достойнее тебя перед Богом. Ты даже не стоишь и того, чтобы видеть его, и это будет до тех пор, пока покаанием и слезами не очистишь себя от своего греха». После сих слов Ангел стал невидим, а; я пошел к пещере своего брата и, действительно, к своему ужасу, не мог увидеть его! Много тут пролил я слез, и даже от горя и плача пришел в изнеможение... Наконец, Господь сжалился надо мною: я услышал голос, повелевающий мне идти вот на это место, где я теперь стою на столпе пятидесятый год. Лишь недавно я получил здесь откровение через Ангела о полном прощении греха самомнения и гордости и о том, что я увижусь с братом в обителях Небесных».

Прежде, чем продолжить беседы о страсти сребролюбии, хотелось бы еще раз сказать, что некоторые новоначальные или нерадивые христиане могут подумать, что эти беседы для монахов и подвижников. И это – вражье прельщение. Для того, чтобы удостоверить их в этом, приведем примеры из подвижнических и монашеских правил, которые намного отличаются от учений для мирян.

Петр (Екатериновский) (О монашестве. Гл.5): «На стяжание иноком даже малых вещей св. отцы смотрели, как на дело преступное и достойное наказания. По словам Василия Великого и малая стяжательность есть воровство, и стяжающий за малые куски (вероятно - когда кто тайно берет себе в келию хлеб из трапезы без нужды) продает свое спасение (Подвиж.прав.С.474 на об.475). ...По свидетельству прп. Кассиана, египетские подвижники за большой порок почитали даже и называть что-нибудь своим или говорить: «мое, твое», и за произнесение таких слов налагалась у них епитимия (Постан. монаш. Кн.4.Гл.13). А за удержание собственности св. отцы полагали строгое наказание. Так, рассказывает блж. Иероним: один нитрийский монах скрывал у себя 30 сольдов (золотых монет). Когда нитрийские отцы нашли их у него по смерти, то за эту вину приказали

закопать его, а вместе с ним и деньги, вне монастыря в навозе - со словами: «сребро твое да будет с тобою в погибель» (Деян.8:20)».

Поэтому не слушайте врага, который внушает вам такие малодушные мысли о строгости этих бесед и говорит, что исполнять все заповеди и творить добродетели в наше время невозможно. Да избавит вас Господь от лукавого!

И для большего убеждения в том, что эта тема - для мирян и им - под силу, приведем учения о двух высших святых степенях нестяжания, которые покажут, как мы далеки от истинных подвижников и монахов.

Глава 5: О степенях нестяжания

Отцы определяют следующие основные степени нестяжательности.

Нил Синайский (...Слово о нестяжательности, гл.13): «Поведение наше относительно стяжаний тройко: нестяжательность высшая, средняя и овеществившаяся, и многостяжательная...».

Нил Синайский (из Добротолюбия): «одни довольствовались скромным стяжанием, при потовом труде в уповании на Бога;

другие, углубившись в упование на Бога, совсем отреклись от всякого стяжания (ревнуя восстановить райскую нестяжательность) и были питаемы Богом;

третьи, углубившись во всякого рода труд, на нем основали свою надежду иметь нужное, обеспечение же своей жизни основали на многоимении. Бог забыт - богом для них стало любоимание. Вот три сказанные вида отношения нашего к стяжаниям».

Беседуя о степенях нестяжания, мы скажем, кому соответствуют эти степени, и каким образом Господь обеспечивает необходимым различных людей. Сразу отметим, что первые две степени являются степенями святых подвижников, а третья – многих христиан и мирских людей.

Раздел: О святой высшей нестяжательности

Филарет (Дроздов) (Пространный Православный Катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. О восьмой заповеди): «592. Есть еще высшая добродетель, противоположная грехам против восьмой заповеди. Такая добродетель, предлагаемая Евангелием не как обязанность для всех, но как совет ревнующим о подвигах благочестия, есть «совершенное нестяжание», или отречение (отказ) от всякой собственности. «Аще хочети совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаши (и будешь иметь) сокровище на Небеси» (Мф.19,21)».

Нил Синайский (...Слово о нестяжательности, гл.18): «(Высшая нестяжательность) преимущественно приличеству(ет) разумному существу, именно: проводить время в служении Богу, и должное получить из сокровищницы Божия Промысла; надеяться на Божию попечительность и землю иметь данницею; искренно служить Создавшему, и на нужды произвольною данию облагать тварь; здесь быть странником, а жилищем почитать то, которое уготовано на небе. Сию жизнь предписал Создатель в начале, - и сею жизнью, повинуюсь Ему, жили все Святые. Не было у них даже и малой какой-либо меры земли, приобретенной в собственность, и со всей земли собирали они дань, как владыки, получая от нее все необходимое, где что случалось найти. Не были они знамениты у людей по богатству и владениям, но достоинством добродетели и у зверей вынуждали к себе уважение. Не было у них рабов для прислуги, истощающей все искусство - как изнежить

тело, но в необходимой нужде услуживали им целые части творения. Не было у них в услужении выючных животных для перенесения движимого имущества, но переносили сие вороны, еще скорее выполняя потребности их».

По термину «святое нестяжание» хорошо понятно, что эта степень, когда человек, посвятивший себя Богу, не имел практически ничего, а иногда и самого необходимого, например, воды и еды. При этом человек не мог заработать посредством собственного труда, т.к. не имел реальной физической возможности или располагающих обстоятельств. Но как же тогда человек мог выжить? Его обеспечивал Господь чудесным образом или через других людей.

Нил Синайский (там же, гл.3): «Но никто из нынешних или не достигает пока, или не достигал добродетели древних святых, которые, по описанию, вели жизнь бездомную, бесприютную, не имели на себе одеяния, скитались всегда с места на место, с приятностью питались снедию, какая случалась, находили себе ложе, где ни есть и какое случилось, и имели против себя многих наветников и гонителей, не как в настоящее время имеют многих почитателей и последователей. Их-то описывает Павел, когда говорит: «Были пробиваемые камнями, перепиливаемые, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостаток, скорби, озлобления; те которых весь мир не был достоин» (Евр.11:37-38). Если бы кто-либо из нынешних возмечтал о равночестии с ними, думая, может быть, что соревнует им и в намерении, и в делах, то в служении добродетели, для которой древние подвергали себя опасностям, будет иметь тот недостаток, что утешением в трудах имеет он сопровождающую его славу, которой совершенно лишены были сии блаженные, напутие к похвале находя для себя поводом к гонениям и тяжким смертям. Не было у них ни крова, ни закрома, ни ложа, ни трапезы, одеждою служили овечьи кожи и волосы, на настоящий день наскоро уготовлялась пища, о дне же завтрашнем не было и попечения, потому что по любомудрию, какое предположили себе, предпочли Господний совет, в котором сказано: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф.6:26); и еще: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут» (Мф.6:28). Они знали, что необходимое для потребности тела само собою последует, когда будешь благоугождать подающему сие Богу и преимущественно позаботишься о приобретении Небесного Царствия».

Поэтому рассмотрим, каковы действия Божии в отношении людей, которые отказались от всего ради Господа.

О питании Господом чудесным образом подвижников - отшельников

К такой степени относятся те случаи, когда Бог питал Своих святых через чудеса и служение зверей и птиц, т.к. у них не было возможности приобрести посредством своего труда и малое пропитание. Подвижники-отшельники уходили жить, например, в пустыни или горы. Такие примеры можно узнать из жития известных и неизвестных нам святых. Как будет видно из нижеприведенного рассказа, человек уходил от мира ради по причине скорбных обстоятельств ради соблюдения заповедей Божиих или по стремлению всего себя посвятить Богу. При этом, сознавая, что у него не будет возможности приобретать даже необходимое, человек имел святую надежду на Бога и великую силу духа.

Пролог в поучениях и рассказах (Две находки): (Один путник вел беседу) с игуменом и братией монастырскою, сидя в саду под плодовыми деревьями. Во время разговора он заметил, что несколько птиц прилетали, садились на деревья, сламывали веточки с плодами и не клевали их здесь, но уносили прочь за монастырскую ограду. «Почему птицы не едят на месте созванных плодов, а отлетают с ними?», - спросил путник. «Это меня немало удивляет». — «Этому удивляемся и мы, — отвечал игумен. —

И сие замечательное и удивительное явление мы наблюдаем вот уже десять лет и не можем его себе никак объяснить». Движимый как бы предчувствие путник отвечал: «Пророку Илие вороны приносили в пустыню пищу; поэтому можно думать, что и у вас здесь поблизости где-нибудь: в горах живет святой человек, которому эти птицы носят плоды по повелению Божию...». В это время прилетевший ворон сломил веточку с плодом и улетел. Путник сказал игумену и братии: «Меня это очень интересует, Пойдемте, будем следить, куда полетит с веточкой ворон». Игумен и некоторые из братии были весьма заинтересованы необычными действиями птиц, согласились, и тот час же пошли вместе с путником в том направлении, куда полетел ворон, не спуская с него глаз. Но вот скоро увидели, что ворон, прилетев на один из холмов, сначала сел на нем, а затем спустился в расщелину и, оставив там ветку с плодом, вылетел оттуда. Наблюдавшие за вороном подошли к расщелине и бросили в нее камень. Вдруг оттуда повышался голос: «Если вы христиане, не убивайте нас. Пришедшие спросили: «Кто вы?». Из расщелины последовал ответ: «Мы женщины, нас три. Если хотите нас видеть, бросьте нам три одежды, так как мы наги, и, сойдя к подножию горы, пройдите тесною тропинкой, которая приведет к нам». Пришедшие бросили три мантии в расщелину и стали осторожно спускаться по обнаруженной потайной тропинке. Скоро они достигли дна расщелины и нашли там трех жен. «Кто вы и как попали сюда?»,— спросил их игумен. Одна из них отвечала: «Я из Царьграда, жена царского сановника. Оставшись после смерти мужа бездетною вдовой, я была понуждаема к греху одним вельможей, но, желая сохранить себя в чистоте, решила оставить мир и, поручив раздать имение мое нищим, села ночью с этими рабынями моими в корабль, с которого и высадились мы на это место; и вот уже одиннадцатый год, как мы не видели лица человеческого». Игумен спросил: «Откуда же вы, госпожа моя, имели здесь пищу себе?». «Господь, питавший народ в пустыне в продолжение сорока лет, посылал и нам пищу, — отвечала жена. — Птицы приносили нам всякие плоды, и Господь всегда покрывал и согревал нас, так что мы ни зимою не боялись стужи, ни летом зноя солнечного. Жили мы здесь, как в раю, непрестанно прославляя Пресвятую Троицу». «Не желаешь ли, — сказал игумен, — разделить с нами трапезу?» «Если хочешь сделать так, — отвечала отшельница, — прикажи, пусть сначала придет пресвитер и совершит Божественную службу, да причастимся Святых Христовых Тайн; ибо с тех пор, как мы оставили Царьград, мы не сподобились Святого Причащения». Желание отшельницы было исполнено: на другой день пришел пресвитер и завершил на месте подвигов благочестивых жен Божественную литургию, на которой удостоил их Святого Причащения. В тот же день бывшая госпожа после усердной молитвы отошла к Господу, другой день скончалась и одна из подвижниц ее, а на третий — мирно почил и последняя из отшельниц».

Какой удивительный рассказ, и как не умилиться и не возблагодарить Господа за Его милости и попечительство?! Такие примеры должны укреплять нашу веру и надежду на любящего нас Бога.

К примерам святого нестяжания также относятся те случаи, когда Господь чудесным образом утешал и помогал истинным подвижникам, которые осознанно уходили в уединение, чтобы достичь высшей степени этой добродетели, и поэтому находились вдали от людей.

Лавсаик (О Посидонии): «Однажды (Посидоний) мне рассказал из своей жизни следующее: Прожив один год в месте, называемом Порфирит, я во весь этот год не встречал ни одного человека, не слышал человеческого голоса и не вкушал хлеба, а питался или небольшими финиками, или дикими травами, если где-нибудь находил их. Как-то, когда у меня не стало пищи, вышел я из пещеры с намерением идти в места населенные. Пробыв целый день в пути, я едва отошел от пещеры на две мили, и когда оглянулся кругом, то увидел всадника в воинской одежде, с шлемом в виде венцов на голове. Предполагая, что это воин, я возвратился опять к пещере и, войдя в нее. Нашел

корзину с виноградом и недавно сорванными фигами. Я с радостью взял их и прожил в пещере два месяца, питаюсь этой приятной пищей».

Лавсаик (О некоем жившем со мною брате): «Мне известно, что он три раза, имея нужду в пище, получал ее из рук святых Ангелов: находясь однажды в самой дальней пустыне и не имея с собой совершенно никакой пищи, нашел он три теплых хлеба в милоти, в другой раз – ячменные хлеба, а третий – вино и хлебы».

Жития Святых (Дмитрий Ростовский, кн.5): Когда святой (Павел Фивейский) рассказывал (о том, как он оставил все и убежал в пустыню), вдруг прилетел ворон, держа в клюве хлеб; тихо положив пред ним хлеб, он улетел и скрылся в воздухе. Видя изумление блаженного Антония, святой Павел сказал: «Это Господь многомилостивый и человеколюбивый послал обед нам, Своим рабам. Вот уже шестьдесят лет я получаю полхлеба. Но по случаю твоего прихода Христос Господь удвоил Дар и послал Своим воинам целый хлеб».

В данном вопросе хотелось бы отметить важный момент. Следует знать, что нельзя искушать Господа, стремясь к такой степени нестяжания, пробуя прожить таким же образом, как и святые. Ведь они уходили по обстоятельствам и святым желаниям, и все это - ради Господа и праведной жизни, а не затем, чтобы проверить, как Господь будет печься о них, или потому, что они не хотели работать, или по неразумному рвению.

Пролог в поучениях и рассказах (Ревность не по разуму): «Бл. Иоанн Колов еще в юности оставил мир и вместе с братом своим Даниилом ушел из скитов, и там оба усердно подвизались в молитвах и посте. Прошло несколько времени. Иоанну стало казаться, что те подвиги, которые он совершает с братом, ничтожны и недостаточны для него, вообразившего себя великим подвижником, достигшим такой святости, что он может жить, подобно Ангелам, совершенно не заботясь ни о пище, ни об одежде, ни о жилище. Вот и говорит он своему брату: «Брат, зачем я буду заботиться о пище и об одежде? Это для святых не нужно. Отныне я хочу жить без пищи и одежды и уйду от тебя в пустыню. С этими словами он сбросил с себя одежду и остался наг. Брат его стал увещевать, говоря: «Оставь свое самообольщение, не бери на себя не посильного бремени». Но Иоанн не слушал благоразумного совета брата и, покинув келлию, нагой направился в пустыню. В первую же ночь Иоанн убедился, что поступил не по разуму. Ночь была холодная. Нагой Иоанн недолго терпел стужу и начал искать убежища в звериных логовищах. Но и там холод донимал его. Наконец, терпение у Иоанна все истощилось, и он побежал к келлии своего брата. Стал стучать в двери. «Кто стучит?» — спросил Даниил. «Отопри, брат, погибаю от холода», — сказал Иоанн, дрожа всем телом. «С чего ты взял соблазнять меня, демон, — отвечал Даниил, — разве ты не знаешь, что брат мой сделался Ангелом: стужи не боится и пищи не вкушает? Не искушай меня!» Иоанн со стоном продолжал умолять брата: «Да нет, не диавол я и не соблазнитель, и не Ангел во плоти, а твой несчастный и самообольщенный брат Иоанн. Впусти меня в келлию, не дай погибнуть от стужи. Я прошу у тебя прощения и раскаиваюсь». Тогда Даниил открыл двери и впустил замерзающего нагого брата, который, поняв свой необдуманный поступок, действительно раскаялся и еще некоторое время прожил с братом. Потом ушел к величайшему из подвижников того времени Павлу Фивейскому, где и оставался долгое время. Впоследствии, восходя, по слову апостола Павла, от силы в силу, Иоанн достиг высокого совершенства и спасся».

О питании Господом чудесным образом для исполнения Евангельских заповедей

Но не только отдельных подвижников Господь питал чудесным образом. Такие случаи происходили и в монастырях для утешения и подаяния милостыни.

Жития Святых (Дмитрий Ростовский, кн.5): «Однажды в Палестине был голод, и множество нищих и убогих собралось отовсюду к воротам монастыря в неделю цветоносную, чтобы получить обычную милостыню. Ученики (Феодосия Великого) опечалились, что не имеют столько пищи, чтобы подать столь многочисленным просителям, и сказали об этом блаженному (Феодосию). Он же, с гневом взглянув на них, укорил их за неверие и сказал: «Скорее отворите ворота, чтобы вошли все!» Нищие и убогие войдя, сели рядом. Преподобный приказал ученикам дать им хлеба; ученики пошли к хлебопекарне со скорбью, не надеясь найти ничего, но открыв пекарню, увидели, что она полна хлебов, ибо рука Промыслителя всех Бога наполнила ее, ради веры раба Своего. Братия восхвалили Бога за такое чудо и подивились великому упованию на Бога своего аввы.

Когда в другой раз, в праздник Успения Пречистой Богородицы, пришло в монастырь много народу, пищи же было мало, чтобы предложить ее столь великому множеству, преподобный Феодосий, возрев на Небо и благословив несколько небольших хлебов, велел предложить их, и народ насытился, так как Бог умножал эти хлебы, как некогда – пять хлебов (Матф.14,21); так что и на дорогу каждый взял себе сколько было нужно. Братия, собрав оставшиеся укрухи, наполнили ими много корзин и, высушив на солнце, питались в продолжении немалого времени. И много раз в обители собиралось несметное множество народа, так что, казалось, и колодцев было недостаточно для напоения столь великого количества людей; однако неоскудевающие руки Питателя всех – Бога вполне всех насыщали».

Древний Патерик (гл.6): «Рассказывали об авве Моисее Скитском: однажды возымел он намерение сходить в Петру. Утомившись на пути к ней, говорил сам с собою: где достать там воды? И был к нему голос говорящий: иди, и не заботься ни о чем. Авва пошел к Петру. Там пришли к нему некоторые отцы, а у него была одна только кружка воды, и та вся вышла, когда сварил он немного чечевицы. Старец скорбел. Он входя и исходя молился Богу. И вот дождь из облака сошел на Петру, и таким образом наполнил все сосуды его. После сего спросили у него старцы: скажи нам, для чего ты входил и выходил? - Старец отвечал им: я имел прю с Богом говоря: Ты привел меня сюда, - и вот у меня нет воды, чтобы напились рабы Твои! - Потому я входил и выходил, призывая Бога, доколе Он не послал нам дождя».

Итак, в Писании и учениях отцов можно встретить много примеров того, как Господь питал чудесным образом праведников.

Нил Синайский (О нестяжательности, гл.16, 17): «(Господь подает) как возложившим упование на Промысл, откуда угодно Ему, чудно устрояет Он готовую трапезу, иногда подавая из невозделанных облаков несеяный хлеб - манну в пустыне, иногда же изводя от моря перепелов и в другой раз из сухого камня источая жаждущим обильную воду, чтобы удовлетворить настоящей потребности в том и другом питании, и сухом и влажном, и чтобы различными снедями поддержать пожелание пищи, обыкновенно ослабляемое единообразием питания! Кто настроил воронов во время голода дважды в день приносить пищу Илии? Кто соделал, что горсти муки, умножающейся в водносе, было достаточно на столько времени? Как Елисей десятью хлебами насытил сто мужей, свидетелями насыщения употребив остатки? Или как еще варение в котле, горькое от ядовитой травы, изменил в удобоснедное, чтобы удовлетворить тем потребности имевших тогда нужду в пище? У одних не было вола, ни земли для возделывания, ни прочих земледельческих орудий: и почему же всегда без недостатка выполнялась телесная потребность?... Потому что исполнение надежды на Бога несомненно... А сим дают видеть, что посвящающие все время на служение Богу имеют готовое подаяние пищи как награду прежде награды высочайшей, прилично соответствующую пока делу и должную на служение телу. Ибо одна награда, соразмерная труду, сохраняется для души в будущем, а другая уделается в пищу животной нашей части, которая содействует самой добродетели и споспешествует в богочестии, действительно уподобляясь животному

подъяремному, несущему на себе тяжесть дела и имеющему нужду в попечении о нем, чтобы доставало у него сил на служение, пока под ярмом работает ту работу, на которую определено Создавшим».

Об обеспечении подвижников посредством неожиданной милостыни

Как мы знаем, не все праведники уходили в пещеры или пустыни, а оставались вблизи людей. Но и их Господь также не оставляет в случае, если есть сильная нужда. Это происходит через помощь других людей, которые в нужный момент помогают милостынею.

Древний Патерик (Гл.6): «Однажды авва Арсений был болен в Скиту, и при этом он имел нужду даже в рубашке. Не имея, на что купить, он принял от одного человека милостыню, и сказал: благодарю Тебя, Господи, что удостоил меня принять милостыню во имя Твое!».

Лавсаик (О некоем жившем со мною брате): «Известно мне также, что когда у него не было продовольствия, он услышал голос Ангела: «пойди, возьми у такого-то человека масла и хлеба». И он, нисколько не усомнившись, пошел к кому был послан. А этот человек, увидев его, сказал: «Ты не такой-то ли монах?». «Да, я тот самый», - отвечал он. Тот человек объявил, что хозяин дома приказал ему дать тридцать мер пшеницы и двенадцать сектариев масла».

Об образе святого обеспечения Божиего священнослужителей посредством пожертвований

Также, к этой степени святого обеспечения Божиего относятся священнослужители и проповедники, т.к. они непосредственно служат Богу и людям и питаются от того, что подаст им Господь через жертвования прихожан церкви, а не от плодов мирских трудов.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «За то же, что пастырь почти все время проводит в приобретении способов действовать на них (паству) духовно, должны со своей стороны служить ему вещественно, доставляя способы жизни и продовольствия».

Феофан Затворник (Толков. на посл. 1Кор.9,13-14): «Разве не знаете, что священнослужители питаются от святилища? Что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника?». «Весьма тщательно Апостол старается доказать, что брать содержание от поучаемых не запрещено...» (св. Златоуст). «Священнослужители» - «служащие жертвеннику». Под этим разумеет Апостол или без различия всех, служащих в храме, левитов, священников и архиереев, или под «священнослужителями» разумеет архиереев и священников, а под служащими жертвеннику – левитов (св. Злат.)...«Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования». Когда повелел Господь? Когда, посылая Апостолов на проповедь, ничего не велел брать с собою, ни одежды (запасной), ни пищи, ни денег, а где примут, там и жить на их содержание, говоря: «В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои» (Лк.10,7; Мф.10,10)... «И здесь не говорит (Апостол): питаться от людей, но, подобно как о священниках, сказал: «от святилища и жертвенника», так и здесь: «от благовествования»; и как там «ешьте», так здесь «жить», а не куплю производить или обогащаться» (св.Злат.). «Жить, тоже, что получать необходимое пропитание» (Феод.).

Когда при Себе еще Господь посылал на проповедь Апостолов, то тем, которые принимали их, и то самое, чтобы принять, внушал и то, чтобы содержать их. Равно и после, когда пошли они по вселенной, Он же как располагал слушать проповедь их, так внушал и то, чтобы не давать им умирать с голоду. Выходило, что Апостолы находились на Господнем содержании. Люди были только орудия».

По правилам Святых Апостолов и Святых Соборов священнику запрещено заниматься мирскими делами.

Аристен (Правила Святых Апостолов и Святых Соборов с толкованием): «Священник, принимающий на себя мирские попечения, лишается священства. Не дозволено епископу, или пресвитеру, или диакону принимать на себя мирские попечения для приобретения постыдной прибыли себе...».

В отношении священников мы указали на святое действие Божие, но это не дает священникам само по себе степень высшей нестяжательности. Они должны прилагать все усилия к тому, чтобы ими не завладели страсти многостяжания и любоимания, а хранить себя на ступени естественной добродетели – иметь необходимое, которое не отвлекает от служения Богу. Если же священник не выдерживает таких испытаний, то о нем, в этом смысле, можно говорить как о мирском человеке, который увлечен многостяжанием, многопопечительством и любоиманием.

О том, как человек может ответить на святое попечение Божие и исказить его суть

Итак, из вышеприведенных примеров видно, как Господь различными способами подает пропитание и необходимое, но посмотрим, как при таком великом Божием попечении, могли повести себя люди. Так, если человек находился один, то он с великим благодарением принимал дары Божии. Если к нему приходили странники, то он с великой радостью и любовью отдавал им то, что подал Господь.

Лавсаик (Об Илии): «Еще был весьма знаменитый монах, именем Илия, который жил...в пещере, вел жизнь весьма добродетельную и благочестивую, постоянно упражнялся в воздержании и молитве и радушно принимал у себя всех проходящих. Когда однажды пришло к нему много братьев (им надлежало проходить мимо него), у него не достало хлеба. Он после с клятвой говорил нам: «Едва не потерял я духа от недостатка пищи, и вот, войдя в келию в сильной печали о том, как исполнить долг любви к пришедшим ко мне, я нашел три больших свежих хлеба, которые я с радостью предложил им. Двадцать мужей ели досыта, и еще остался один хлеб; это хлеб употреблял я в течение двадцати пяти дней. Такая благодать была со странноприимным Илией, которому уготованы награды за труды у человеколюбивого Владыки!»

Но, к сожалению, есть примеры, когда подвижник мог возгордиться таким попечением Божиим.

Жизнь пустынных отцев (под ред. Руфина): «В нашей, сравнительно более уединенной, пустыне жил один инок. Долгие годы провел он в непрестанном воздержании и близился уже к старости. Все добродетели украшали его на высоте всецелого воздержания. Служил он Богу, воспевая Его немолчно в псалмах и песнопениях. И вот, как заслуженному своему воину, Бог приготовил ему воздаяние: живя еще в теле, он мог подобно ангелам нести служение бесплотных, потому что Господь удостоил его питать в пустыне ежедневно посылаемым с неба хлебом. Ведь стоял он на неусыпной страже, ожидая Царя небесного! Так благоугодно было Господу даже в этой жизни вознаградить усердный подвиг его и, в неусыпном помышлении Своем, обеспечить его ежедневной пищей. И вот лишь только он чувствовал голод, войдя в пещеру, находил на столе у себя хлеб чудесного вкуса и удивительно чистый. Подкрепившись им, он снова начинал молиться и воспевать славу Божию. Наконец Бог удостоил его особых откровений и дара

пророческого. Но, достигши столь великого совершенства, он стал тщеславиться якобы своими заслугами и дар небесной милости считать за должное себе возмездие, - и вот тотчас закралась в его душу какая-то беспечность, сперва едва заметная даже для него самого. Из этого малого зародыша выросло уже большое нерадение: не так ревностно он уже спешил к песнопению, ленивее пробуждался на молитву. И псалмы пел он уже не с прежним усердием, но, лишь немного выполнив из обычного правила, его душа уже спешила к отдыху, как бы утомленная чрезмерным трудом... Чувства его омрачились, с духовной высоты ниспала душа его, и помышления расползлись по горам и пропастям... В глубине его сердца уже зародился пока еще неясный для него самого, но нечистый и преступный помысел, хотя по внешности образ жизни его оставался без изменения, подобно тому, как течение воды силой прежнего движения увлекает еще лодку, хотя бы весла и перестали работать, так долговременный навык побуждал инока к прежним привычным занятиям. Потому и казалось, что он пребывает еще в прежнем достоинстве. Так - по обычаю после молитвы под вечер он находил пищу на столе - на том месте, где он обыкновенно подкреплял свои силы. Насытившись ею, однако он не заботился об исправлении того, что происходило в его сердце. Совсем не думая о вреде совершавшейся в нем перемены, даже презирая это, как пустяки, он не предвидел того, что вскоре грозит ему полное падение... И вот запылал в нем страшный пожар похоти и, объятый пламенем гнусной страсти, он рванулся было в мир... Однако на этот раз сдержал себя и, окончив обычное правило молитв и песнопений, вошел в пещеру, чтобы принять пищу. Он, правда, нашел у себя на столе хлеб, но уже не прежней чистоты... Подивился этой перемене и опечалился... Понял, что это знамение относится к нему... Однако, взяв пищу, насытился. Через три дня внутренняя язва его утроилась: его мыслями и воображением овладел неотвязчивый образ женщины, которая как будто была у него перед глазами и лежала вместе с ним... Ему казалось уже, что он обнимает ее... Однако и на следующий день он вышел для обычных подвигов псалмопения и молитвы, но взор его был рассеянный и сердце занято другим. Вечером он нашел на столе пищу, но уже отвратительного вида черствую и изгрызенную со всех сторон как бы мышами или собаками. Увидев это, он, вздохнув, пролил слезы, но не от сердца были эти слезы и не в таком изобилии, чтобы угасить пламя, загоревшееся в его сердце. Правда, он вкусил пищи, хотя и не утолил своего голода - не такова уже была она, как прежде... Между тем помыслы поднимались со всех сторон, подобно варварской когорте, и поражали отовсюду его стрелами... Наконец - он связан и взят в плен... Его увлекают в мир... Встав со своего ложа, он пустился ночью в путь по пустыне по направлению к городу. Но вот рассвело, а город был еще далеко. Ужаснейший зной палил его. В полном изнеможении он озирался кругом, не увидит ли где-нибудь поблизости монастыря. Увидав пещеру каких-то братьев, он устремился туда для отдохновения. Заметив его приближение, рабы Божии тотчас выбежали к нему навстречу и с почтением, как ангела Божия, приняли его. Омыв ему ноги, просили вместе с ними помолиться. Поставив стол, братья, по заповеди Господа, со всевозможным тщанием исполнили долг гостеприимства. Когда гость подкрепился и несколько отдохнул, хозяева по обычаю просили его сказать им слово назидания и совет ко спасению. Все ведь считали его глубоко образованным и опытным в духовной жизни отцом. Расспрашивали его также и о том, каким образом избегать козней диавола и как отражать не чистые помыслы, внушаемые им. Так - он по необходимости должен был дать наставление братии - разъяснить им путь жизни и коснуться в своей речи козней диавола, которые строит он рабам Божиим... Гость начал поучать их со всею обстоятельностью, но сам внутри жестоко страдал огненными укорами совести. То и дело обращаясь к себе самому, он в глубине сердца восклицал: "других учу, а сам заблуждаюсь... Как смеешь ты исправлять других, не заботясь о собственном исправлении? Ну-ка окаянный, исполни сперва сам, чему учишь других!" Поражая себя такими укоридами, он понял всю глубину своего падения. Простившись с братией, он стремительно уходит в пустыню и возвращается в свою пещеру. Бросившись на землю, он громко воскликнул: "аще не

Господь помог бы ми, в мале вселилася бы во ад душа моя!.. (Пс.93,17). Совсем погряз было я во зле и в мале не скончаша мене на земли (Пс.118,87). Воистину оправдалось на мне слово Писания: брат от брата помогаем, яко град тверд и высок. Укрепляется же, яко основанное царство! (Притч. 18,19). С тех пор он всю жизнь провел в плаче и слезах, видя, что лишился ниспосылаемой ему пищи. И начал он трудами рук своих и в поте лица своего снискивать себе пропитание... Замкнувшись в глубине своей пещеры, он лежал поверженным в прахе и пепле. Плача и рыдая, он не переставал молиться, пока не явился ему ангел Господень и сказал: "Господь принял твоё раскаяние и умилился над тобой, но берегись - не поддайся снова искушению гордости. Вот придут к тебе братия, которых ты наставлял, и благословят тебя. Не откажись принять благословение и, разделив с ними трапезу, воздай благодарность Богу твоему!».

Авва Моисей (Собеседования египетских отцов преп. Иоанна Кассиана, 2,гл.6): «Что сказать о тех двух братьях, которые обитали по ту сторону пустыни Фиваидской, где жил некогда блаженный Антоний? Они, будучи движимы необдуманною мыслию, предприняли намерение идти во внутренность обширной невозделанной пустыни, решившись не принимать пищи от человека, кроме той, какую Господь чудесно подаст им. Когда они блуждали по пустыне и изнемогли от голода, издали увидели их мазики — народ из всех диких едва ли не самый дикий и жестокий. По действию Промысла Божия они переменяли сродную себе жестокость в человеколюбие и встретили их с хлебами. Один из сказанных братии, пришедши в разум, с радостью и благодарностью принял хлебы, рассуждая, что столь дикие, жестокие и всегда жаждущие крови человеческой люди не оказали бы сострадания к изнемогшим и не принесли бы пищи, если бы Бог не побудил их к этому. Но другой, отказавшись от пищи, так как она принесена была людьми, и оставшись в безрассудном обещании, умер от голода. Хотя оба они, сначала предприняв весьма худое намерение, имели безрассудную и гибельную решимость: впрочем, один, образумившись, исправил то, что безрассудно и неосторожно предпринял; а другой, оставшись в неразумном предприятии и не имея рассудительности, сам себе причинил смерть, которую Господь хотел отвратить».

Если говорить о священниках, то для того, что бы отвратить их от греха, им даны заповеди о некорыстолюбии и несребролюбии.

Феофан Затворник (Толк. на посл. Титу 1,8): «Епископ должен быть...не скверностяжательным (не корыстолюбивым – совр. перев.)». Этим не только запрещается епископу неправедными средствами стяжание, но вообще всякое искание и желание прибыточества считается срамным в лице епископа. Сказывает Апостол, что он должен быть совершенно «нестяжателен» (Экум.), «показывать полное презрение к богатству» (св.Злат.). В епископе всякая стяжательность, даже и праведная, срамна (Феоф.) И не только срамна, но и крайне вредна для дел епископства: ибо ничто так не кривит правого течения дел, как ожидание, желание и искание прибывка. Бл. Иероним пишет: «также и желание скверноприбыточества должно быть чуждо того, кто имеет быть епископом. По Соломону, «лучше немногое с правдою, нежели множество прибывков с неправдою» (Прит.16,8); и: «доброе имя лучше большого богатства» (Прит.22,1). Епископ, желающий подражать Апостолу, имея пищу и одеяние, этим доволен должен быть (1Тим.6,8). Служащие алтарю, от алтаря пусть и живут (1Кор.9,13), живут, говорит, а не богатятся. Почему и медь при поясе для нас налагается, и одною ризою должны мы довольствоваться и не заботиться о завтрашнем дне (Матф.10; Мар.6). Желание скверностяжания и есть забота более чем о настоящем».

Феофан Затворник (Толк. на посл. 1Тим.3,3): ««Не скверностяжательным» указывает на такого, который к стяжанию не употребляет таких средств, которые не одобряются общим судом, как например – рост; а может быть и на такого, который ни за что не согласится покривить в чем скверного ради прибывка, а тем паче все служение свое обратит к этой цели». ...«Не сребролюбцу». «Не сказал Апостол: нестяжательным, потому что дает умеренные законы, но: нелюбящему денег. Ибо возможно иметь у себя деньги, но

распоряжаться ими, как должно, и не им раболепствовать, но быть господином их» (Феодорит) К тому же ему должно быть и благотворительным, для чего необходимо иметь, из чего благотворить, но иметь без привязанности к имеемому, дабы не сокращалась рука благодеющая...но под предлогом страннолюбия не должен он собирать сокровища» (Феофилакт)»

Также, к сожалению, есть примеры, когда священнослужители, не только забыв о заповедях против нестяжания, многопопечительности и корыстолюбия, еще нарушали и заповедь «не укради» и впадали в тяжкие грехи, а значит, будут лишены чина служителей Божиих.

Дмитрий Ростовский (Слово в неделю святых жен мироносцев): «Поищем Его (Христа) в чине духовном. Ведь в нем и подобало бы Христу быть, как в Своих истинных служителях, носящих образ Христов. Но и в них редко найдешь Христа, ибо и из них каждый ищет своего, себе добра желает, а не людям, себя пасет, а не Христово стадо. Что, если бы кто, посмотревши, прежде всего, на самый высокий духовный чин, спросил бы кого (но только, чтобы он ответил по правде): «С каким намерением, с каким желанием ты пришел к высоте пречестнейшего сего духовною сана? Для одной ли только славы Божией, или же ради своей чести и славы? Для приобретения ли спасения душам человеческим, или же для своего обогащения? Пасти ли овец Христовых, или же только для того, чтобы себя напитать получше?». Поистине, найдется ни один, который пришел не столько ради славы и чести Божией, сколько для своего прославления и чести, не столько для людской пользы принял сей сан, сколько из-за своей собственной корысти. Такой пришел не для того, чтобы послужить спасению душ человеческих, но чтобы его власти послужили все подначальные. Он пришел быть не отцем и пастырем, но господином и владыкой.

Простите мне, высочайшие власти духовные, говорящему сие. Я говорю не о всех, но только о некоторых, и в их числе, быть может, обретаюсь и я, грешный. Я знаю, что лица высочайшего духовного сана являются ангелами во плоти, как пишется о сем в Апокалипсисе: «Ангелу Ефесския церкви напиши... Ангелу Смирнския церкви напиши...» и прочее (Апок.2;1,8,12). Однако же между теми ангелами может находиться и человек, подверженный немощам. Ангелам беспорочным от Пастыреначальника блюдетя честь и венец, а опороченным ангелам (как и мне, грешному), подпадшим немощи человеческой, Господь говорит одному так: «Имею немного против тебя», другому сие: «знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв», иному же вот что: «Ты ни холоден ни горяч», «извергну тебя из уст Моих» (Апок.2:14; 3:1,15,16).

Посмотрим теперь на следующий духовный чин, то есть, на мирских иереев и диаконов, и поищем в них Христа, поистине обитающего здесь. Что, если бы также каждого из них отдельно спросить: «Что привело тебя к священному сану? То ли, чтобы спасти себя и других?» Что каждый ответит? «Нет, не для сего, но чтобы прокормить жену, детей и домашних». Действительно, служащие алтарю должны и питаться от алтаря, однако же, если они идут в сей сан более ради самого пропитания, чем для славы Божьей или для душ человеческих, то в них трудно сыскать Христа. Рассмотря себя всякий освященный человек! Что ты думал, когда пришел к сану духовному? Для спасения ли ты пришел, или ради корма, которым насыщаешь тело? Ты «поискал Иисуса не для Иисуса, но для хлеба куска». Иной служит не только не для созидания овец Христовых, но даже и себе не на пользу, а лишь людям на соблазн и на свою собственную погибель. Иной, взяв ключ разумения, сам не входит и входящим возбраняет; иной же даже и ключа разумения не имеет, в своем звании пребывает недействительным и не только вверенных ему овец не приводит ко спасению, но даже и сам не знает пути спасения. Здесь слепец водит слепцов, посеку вместе они и в яму упадут. Не скоро в них мы найдем Христа: «Несть zde»».

Но не только некоторые священники грешат, увлекаясь многостяжанием и многопопечительством, так же грешат и прихожане, которые отказываются содержать

священников. И хотя это тема другого раздела, мы все же по уместности ее здесь приведем следующее христианское нравоучение.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди: отказ в содержании священникам и сиротам их): «Служащие алтарю, со алтарем делятся» (1Кор.9,13). С тех пор, как установлено Богом звание священников, — положено им содержаться вознаграждениями от народа, которому они служат. Так и в Ветхом и Новом Завете. Следовательно, вознаграждения, делаемые священнику, не подарок, который можно иногда и оставить, но необходимый долг. Этот долг надобно оплачивать по совести, а не из принуждения, сполна, а не вроде скудной милостыни бедному просителю, во всякое время, а не в минуты лишь веселого расположения духа, и как при добрых, так почему-либо и не добрых, отношений к своему приходскому священнику. Священник — слуга прихожанам не тогда только, когда: исправляет для них требу, для которой еще не много требуется от него времени. Нет, он служит прихожанам — миру каждый день, то совершая литургию, к которой все желающие могут приходиться без всякой платы, то проповедуя слово Божие, которое так же все свободно могут слышать, то назидая в домах, то втайне молясь за тех, за которых особенно нужна молитва Церкви, то устроая приходской храм. Значит и вознаграждение ему нельзя измерять тем лишь, когда он выполняет по чьей-либо просьбе требу: иные как например, люди холостые или бездетные супруги, и в продолжение целого года, даже многих годов, могут не попросить его ни о какой службе. Значит требуется дать ему положительное обеспечение в жизни, и это обеспечение должно состояться своими долями не от известных только лиц, которые нуждаются в его услугах, как требоисправителя, но и от каждого православного прихожанина. Истинный священник тем свободнее будет заниматься высокими обязанностями своей службы (а обязанности-то его требуют особенного спокойствия духа и чистоты сердца), чем менее будет иметь обременяющих забот о содержании себя и своего дома (Сир.38,24). Следовательно, и в видах тем больших успехов его высокой службы прихожане должны обеспечивать его состояние, помня что если он «духовный» свет им,— «велико ли», если «телесная» пожнет от них (1Кор.9,11)? Священник мог бы быть вполне обеспечен в средствах к своей жизни и непосредственно Божиим Промыслом: но Промысл оставил его на попечение прихожан. С какою же целью? Чтобы он тем ближе стоял к ним, или тем с большим сочувствием относился бы к их духовным нуждам, когда они усердно заботятся об его внешнем благосостоянии, - что б тут была и внешняя скрепляющая связь. Священник менее нуждается в прихожанах (с материальной стороны), чем прихожане нуждаются в его службе. По своему основательному развитию, по своим способностям, по своему трудолюбию и терпеливости в нуждах жизни (известные это качества лиц духовного родопроисхождения и воспитания) он, и не принимая священства, мог бы во всяком другом звании пользоваться во много раз большим содержанием. Если же его сверстники, может быть менее его способные, богатеют или возвышаются: то и он мог бы богатеть или возвышаться в светском звании. Однако ж он не уклонился от своего трудного звания да и, проходя это звание, не завидует богатству или мирскому возвышению своих сверстников, как и вообще мирских лиц: свое пастырское служение и свою смиренную простоту жизни он не променяет ни на какие капиталы и чины, и не хочет измерять их сравнительно с другими тем или иным окладом жалованья, или доходов. Не должны ли были бы прихожане все это взвесить — оценить с добрым рассуждением и по доброй совести? Между тем многие из них совсем не сознают долгом содержать своего священника; другие наделят приходского священника наравне с какими-нибудь поздравителями в праздниках из числа служащих; большая часть считают своим произволом вознаградить или не вознаградить священника за службу, и первую местью ему за какое-либо неудовольствие от него полагают уменьшить ему плату или содержание, а также убеждают к этому и других. Некоторые ропщут на его содержание или толкуют о больших доходах его, между тем как сами никогда и ничего не жертвуют ему; многие и многие считают как-то и должным — законным оставить его на малых

средствах, намеренно принижают его на этот раз в сравнении со светскими служаками, как бы предоставляя ему очищаться нравственно чрез бедность. О, если б были признаны все эти заблуждения!—Но добрый христианин не отказывает и вдовам или сиротам священства в своем пособии деньгами, припасами, помещением, бесплатным воспитанием. Если сироты духовного звания бедны: то не от того ли, что мужья или родители их честно и бескорыстно проходили свою службу, что прихожане недостаточно в свое время вознаграждали их питателей за труды? Следовательно, эти бедные пред всеми прочими бедняками заслуживают большего сочувствия, не говоря уже о самом благородном звании их».

В учениях отцов можно встретить примеры о лукавых действиях некоторых людей, которые под предлогом служения Богу и делания молитвы прикрывали свою лень, праздность и лукавство.

Нил Синайский (О нестяжательности, гл.21): «Но, говоря, что святые непрестанно заняты Божеством, не отверзаем мы двери праздности, как Аделфий Месопотамский и Александр, недавно смутивший царственный Константинополь, мнимое пребывание всегда в молитве обратили в прикрытие лени к делу и юным детям и мужам, находящимся еще в крепости телесных сил, обязанным изнурять оную многими трудами, узаконили, оставаясь в покое, ничего не делать, чем возбуждают в них страсти и помыслу дают волю доставлять им пищу, пока мнимая молитва, не будучи тем, чем называется, вовсе не погибнет».

Нравственное Богословие (Грехи против 2-ой заповеди: грех – ложное отшельничество среди мира...): Иные (как в селах-деревнях) строят себе особые кельи, удаляются от семьи под предлогом спасения души, и вдали-то от надзора семейного легко доходят до жизни предосудительной. Другие (как из женского пола) носят в мире черное одеяние по примеру монашествующих. Третьи отращивают себе волосы и надевают на себя длинную одежду, как бы лица духовного звания. Но так показывая себя отшельниками среди мира, отделившись от мирян наружностью своею, эти люди постоянно обращаются среди мирских мужчин и женщин и живут вполне по духу и обычаям мира. Очевидно, они «ложные боготцецы» (Ин.9,31). На них 6-ой вселенский собор произносит такой суд: «которые в черных одеждах и с отращенными волосами обходят грады, обращаясь среди мирских мужей и жен... изгонять их...» (прав.42)».

А также бывает нестяжательность по своим убеждениям, но не ради исполнения заповеди Божией.

Нил Синайский (О нестяжательности, гл.39): «Да и немалое число эллинских философов показали такую нестяжательность, что, наподобие псов, жили не под кровлей и пищу принимали, когда случалось и какую только могли найти: так казалось им, что и для пустого умозрения нужно иметь чистое разумение, не тревожа себя какими-либо заботами о житейских делах. И один из них, не имевший у себя ничего, кроме чаши, из которой принимал и пищу и питье, когда увидел, что дети пастухов подносят ко рту воду горстями, бросил чашу и сказал: "Узнал я, дети, что доныне было скрыто от меня, узнал совершенство нестяжательности" - и с благодарностию признался, что детям обязан он тем, чего философия не доставила к его совершенству. Так, может быть, у него было в намерении сложить с себя и тело, если бы это было возможно, а с ним совлечься и всякого житейского попечения и жить обнаженною от всего душою без плотских нечистот, посвятив себя превозделенной и ненасытимой любви к философии».

Еще отметим, что существует искаженное и низкое состояние святого нестяжательства, которое свойственно бродягам. Они оставляют свои дома и семьи иногда по собственному желанию, а иногда и по обстоятельствам.

Нравственное Богословие (Грехи против 4-ой заповеди, грех – бродяжничество): «Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно» (2Кол.3,11). Это не просто ленивцы и тунеядцы, но люди гулящие, бросившие свои дома, семьи или только общество, службу –занятие...Бродяги – такое состояние, которого государство не

признает, которому не дает никаких прав им не покровительствует. Что же заставляет некоторых решаться на бродяжническую жизнь? Первоначально какой-нибудь проступок: стыдятся своего проступка в своем месте, боятся наказания за него, и скрываются. Затем ...бегство от семейных раздоров или притеснений...Между тем бродяжничество заманчиво и после первоначальной, часто ничтожной причины его, к нему легко привыкают. В этом состоянии человек тяжело грешит и против других и самого себя. Он слагает с себя бремя общественных или вместе с тем семейных обязанностей на других, которые может быть слабее его силами. Он окончательно отвлекает от всякого труда, и не знает даже с чего начать честный труд. Он находится иногда в нужде скрывать самое имя свое. Не может, если бы и желал, правильно исполнить христианские обязанности, например, прийти в церковь по случаю великого праздника, поговеть в пост. Таким образом он сам себя убожит».

Как мы знаем, такие люди ничего не имеют, питаются чем придется и живут где придется, но, конечно же, ни о какой святой нестяжательности речи быть не может.

Кратко подведем итог темы о степени святой нестяжательности. Такое попечение Божие может быть по отношению к подвижникам – отшельникам, монахам, живущим в монастырях при великой надобности, священникам и проповедникам. Из вышесказанного видим, что Господь дает необходимое двумя путями – непосредственно через чудо и через милостыню или через пожертвование других людей. Для нас, современных христиан, которые живут в значительном достатке, примеры таких действий Божиих и жития великих святых подвижников должны служить для восхваления Господа, для укрепления нашей веры, для покаяния, для того, чтобы увидели, как зачастую, мы, увлекшись прелестями мира, удаляемся от истинного христианства, и от каких блаженных наслаждений пребывать с Господом мы отказываемся, потонув в материальном изобилии.

Нил Синайский (Добротолубие, т.2.): «31. Древние Святые до такой степени простирали ревность о нестяжательности, что вели жизнь бездомную, безприютную, питались снедью, какую давала природа, находили себе ложе, где и какое случалось. Не было у них ни крова, ни ложа, ни трапезы, одеждою им служили овечьи кожи. Во всей точности ревновали они следовать совету Господню: «воззрите на птицы небесные...,смотрите на полевые лилии...» (Мф.6,26-28). Они искренне верили, что необходимое для потребности тела само собою последует, когда будешь благоугождать Подающему сие Богу, и преимущественно пецись о приобретении небесного царствия.

32. Нашей же жизни, окруженной полным во всем довольством, куда равняться с жизнью тех блаженных, - которых не тревожили помышления о теле и телесном, но чистое некое вожделение Божественного, непрестанно восхищая их в превыспреннее, убеждало забывать о том, что на земле почитается блистательным? Они ничего не имели на земле кроме тела, которое природа удерживала долу; но и его желали бы они иметь с собою там, где пребывали умом, созерцая небесные блага. И никогда не отрывались бы они от тамошнего наслаждения, если бы природа не возвращала их, к удовлетворению телесных потребностей, благоговением к Связавшему душу с телом понуждаемых заботиться и о теле, при всем том, что признавали крайне благопотребным отчуждение от онаго».

Раздел: О подвижнической средней степени нестяжательности

К этой степени относятся те случаи, когда люди сознательно отказываются тратить все свои силы и время на приобретение материальных благ и удовлетворение телесных

потребностей сверх меры, а трудятся только по необходимости и все остальное время и силы посвящает самопознанию, молитве и познанию Бога.

Нил Синайский (О нестяжательности, гл.29): «...много имеет полезного и средняя после (первой) нестяжательность, как сообразная с временем и нуждами тела. Ибо если и невозможно ей состязаться о первенстве и похвалиться равночестием с преимущественным образом жизни, то ей бесспорно принадлежит вторая степень чести. Первые Святые (с совершенною нестяжательностию) жили для одной души и для Создавшего ее Бога, ни во что ставя тело; но они и без попечения о нем имели все потребное, не в житницы предварительно собираемое, но от Божия благоволения, как из сокровищницы, благовременно получаемое. Последовавшие же за ними Святые (с среднею нестяжательностию), заботясь о необходимом утешении тела и промышляя о том, чтобы оставленная в небрежении животная наша часть не разрушилась против воли Сочетавшего ее с нами, в такой мере употребляли руки свои в дело, в какой по неизбежной необходимости требовалось услуживать телу; большую же часть времени проводили в попечении о душе, в молитвах, богомыслии и должных занятиях, имея в виду преспеяние в добрых делах».

К такой средней степени нестяжательности относится добровольная и постоянная решимость человека не иметь лишнего, а только необходимое для скромной жизни.

Нил Синайский (там же, гл.2): «Нестяжательностию называем мы не нищету невольную, которая, приключившись по необходимости, сокрушает дух, и как произвольная, почитается несносною, но добровольную решимость довольствоваться малым, приобретаемую самовластием помысла, однако ж требующую труда, и до того именно времени, пока упражнение, обратившись в навык, не соделает сносным того, что долгое время казалось трудным и нестерпимым. Не одна телесная красота прельщает, но и блеск богатства не менее сильно раздражает вожделение, - и в обоих случаях потребна душа мужественная, чтоб не уступить их обольстительности...».

Если же Господь посылал человеку возможность иметь больше, чем требуется на его нужды, то это отдавалась нуждающимся людям в форме милостыни.

О монашеском подвижническом нестяжании

Средняя степень нестяжания приличествует общежительным монахам, подвижникам и благочестивым людям, живущим в миру, т.к. все они добровольно отказываются от любостяжания.

Иоанн Кассиан (О постановлениях киновитян, кн.7, гл.29): «Эту добродетель нестяжательности сохранить целою и неповрежденною мы иначе не можем, как живя в монастыре, если, по Апостолу, имея пищу и одежду, сими довольны будем (1 Тим. 6, 8)».

Так, для монахов одним из строгих подвигов, направленным на нравственное преуспеяние, является подвиг нищеты или ничего неимение.

Феофан Затворник (Древние иноческие уставы, Жизнь Пр. Пахомия): «195. Нищета -ничего неимение. Поступавший в, монастырь оставлял все свое за воротами, и внутрь вступал в монастырской одежде, на чужой кошт. Затем, уже и возможности не имел он иметь что-либо особо свое и для себя одного.

196. Все, нужное ему,—одежды и орудия, выдавались по распоряжению Аввы, не в неприкосновенную собственность, а только для пользования; кроме выданного, никто ничего не мог иметь, не только денег, но и вещей (п. 81. 192),

197. Выданное было на руках у брата, но он пользовался тем, как чужим; имея долг блюсти то, и подвергаясь ответственности за небрежение, порчу или потерю (п.148. 131).

198. Даваемое удовлетворяло нужде, но было самое простое и скудное,— одежда из, холста. Лучшего и лишнего никто ничего не мог иметь, ни сам смотритель, и Авва; что

оказывалось у кого сверх положенного, тот должен был относить то в подобающее место, не медля и без поперечения (п.81.82.97.114.159.192).

199. Каждому выдавалось: два левитона и третий потертый, два кукуллия, милоть, нарамник, мантийца, пара сандалий, посох, работные орудия и еще седалище с отлогою спинкою для спанья, и рогожа для постилки на нем. Вот и все имущество; и из него не все было на руках у брата; иное хранилось в кладовой, на руках второствующего (Иерон. п. 81).

200. Казалось бы, что тем, что принесено родными, брат мог бы распоряжаться, как собственностью, но он не мог касаться того, а призывал привратника, и он брал то и относил в больницу, выдав малость брату, если можно было (п.92.113). Равно и найденной вещи никто не вносит к себе, а вешает ее при храме, и там берет ее или потерявший или кому велят (п.132).

201. Это ничего неимение, ничего у себя недержание и скудость учили смирению, располагая каждого смотреть на себя, как на нищего и держали всех в беспопечительности. Об утрешнем дне никто не заботился; заботу о всех нес Авва с помощниками; на них лежало удовлетворять нужды всех, братия же все, полагаясь на них, пребывали беспечальными... Все все имели одинаковое и поровну. Никто ничем не был обделен и лишнего не получал (п.40)».

Иноческий устав преп. Венедикта (гл.33): «Могут ли монахи иметь какую-либо собственность? Особенно надо с корнем исторгнуть из монастыря страсть любоимания, чтобы никто не смел ничего ни дать, ни взять без позволения аввы, не иметь что собственное, никакой вещи, ни книги, ни доски, ни грифеля, совершенно ничего: т.к. никто из братий не имеет уже в своей власти ни тела своего, ни воли своей. Всего необходимого всякий пусть ожидает от аввы; и никому не позволительно иметь что-нибудь кроме того, что определил авва. Все у всех да будет общее, как написано: «и никто ничего из имени своего не называл своим» (Деян.4,32). Если замечено будет, что кто-нибудь поблажает этой непотребнейшей страсти (любоимания), того по первом и втором увещании подвергать установленным мерам исправления».

Также приведем размышления о монашеском нестяжании современного монаха – подвижника.

Старец Паисий Святогорец (Слова, ч.2, гл.3): «Монах должен иметь вещи, которые ему необходимы и которые ему приличествуют. Пусть он ограничится тем, что лишь немножко облегчит его жизнь, и не стремится к большему - к мирскому. К примеру, солдатского одеяла достаточно для того, чтобы укрыться от холода, - кружевным или цветастым одеялу быть совершенно ни к чему. Таким образом приходят простота, духовная отвага. Принося монаху многие вещи, ты его губишь. Тогда как если человек освобождает себя от (лишних) вещей, это восстанавливает его силы. А если монах собирает вещи сам, то он себя губит. Когда мне присылают какие-то вещи, я чувствую тяжесть и хочу от них освободиться. Имея у себя в келье что-то лишнее, я чувствую себя так, как если бы надел рубашку, которая мне мала. И если некуда эти вещи отдать, то, по моему, лучше их выбросить. Но стоит мне только их отдать, как я чувствую облегчение, освобождение. Как-то раз ко мне пришел один знакомый и сказал: "Геронда, такой-то человек дал мне эти вещи, чтобы я передал их Вам. И еще он просил помолиться, чтобы от него ушла душевная тревога." -- "Чтобы от него ушла, а ко мне пришла? -- сказал я в ответ. -- Лучше забирай-ка ты эти вещи и уходи. Я уже старик: ходить по людям и разносить им подарки мне не по силам." (Старец Паисий раздавал вещи, которые ему приносили, другим монахам -- у которых была в том необходимость). ...Все удобства, которыми пользуются люди, не помогают монаху, а наоборот, поработают его. Монаху надо стараться сокращать свои потребности и упрощать свою жизнь, иначе он не становится свободным. Чистота -- это одно, а лишнее украшение -- совсем другое. Если для многих дел пользоваться только одной вещью, то это очень помогает сократить свои претензии. На Синае у меня была одна консервная банка -- в ней я варил и чай, и кашу. А

что, думаете, человеку много нужно для жизни? Вон раньше-то в пустыне вообще питались одними финиками. Ни огня не разжигали, ни в дровах не нуждались. Я недавно взял банку из-под сгущенного молока, обрезал ее и приделал что-то вроде ручки. В такой банке можно готовить кофе или чай лучше, чем во всех этих кофейниках! Только ставишь на спиртовку, как водичка тут же закипает. Ведь пока нагреется кофейник -- сколько спирта сгорит. А под баночку кладешь ватку со спиртом и пожалуйста: кофе готов. И лампы у меня тоже нет. Ночи я провожу только со свечой. И вообще, все простое очень помогает. Имейте вещи простые и прочные. Даже мирские люди относятся с уважением ко всему смиренному и простому. И монаху все это очень помогает. Эти вещи помогают вспомнить о нищете, о боли, о монашеской жизни».

Но за счет чего же жили и живут монахи? За счет своего труда. Он мог заключаться, например, в обработке земли и выращивании овощей для своих потребностей.

Жития Святых (Дмитрий Ростовский, кн.5): «В холодную пору преподобный (Серафим Саровский) собирал сучья и хворост и рубил своим топориком дрова для отопления своей убогой келлии. Летом он работал на своем маленьком огороде, который он сам возделывал и удобрял и овощами которого он преимущественно питался. Для удобрения земли он ходил в жаркие летние дни на болотистые места за мхом...Собрав, таким образом, мох, угодник Божий удобрял гряды, сажал семена, поливал их, полол и собирал овощи, непрестанно славословя Бога и изливая тихую, святую радость свою в пении священных песнопений, которыми освежал и назидал дух свой среди однообразия телесных занятий».

Если же подвижники изготавливали какие-либо предметы, то им необходимо было соблюдать определенные правила.

Монашеский устав св. Василия Великого (из собранного Феофаном Затворником, ст.176,178): «Заниматься подвижнику надобно работами приличными, которые свободны от всякого кормчества, долговременных развлечений и непозволительного прибытка, - которые большею частью можно нам производить, не выходя из под своей кровли, так что и дело делается, и безмолвие соблюдается. А если бы по необходимой потребности должно было произвести работу на открытом воздухе, то и это не воспрепятствует любомудрию...К работе своей каждому надлежит быть внимательным, заботиться о ней с любовью и с неслестной тщательностью, с внимательным попечением, как бы назирал за ним Сам Бог...; и не надобно перебегать от одного дела к другому; потому что природа наша неспособна вдруг успевать во многих занятиях; трудолюбиво заниматься одною работою полезнее, чем слегка касаться многих дел. Развлечение многими занятиями и переходение от одного дела к другому, кроме того, что не приводит к окончанию дел, еще или обличает в давнем непостоянстве нрава или производит оное, если не было его прежде».

Также стремление к труду и к получению его результатов не должно порождать тщеславие или приучать к сребролюбию.

Феофан Затворник (Древние иноческие уставы, Жизнь Преп. Пахомия): «Так, когда кто-то из братьев, сработав в день две рогожи, тогда как по правилу должен был сработать только одну, вынес их и положил пред дверьми своей келии, в надежде, что пр. Пахомий увидит их и похвалит его за трудолюбие; пр. Авва, увидев их и уразумев с каким духом и работа спелась и сработанное выставлено на показ, сказал случившимся тогда братьям, с коими вел беседу: „видите ли, други мои, как этот брат с раннего утра до сего часа корпел неутомимо над работою, не для чего другого, как для того, чтоб отдать весь этот труд демону тщеславия, ничего не оставляя от него для своей души; ибо у него одно было на душе, чтоб похвалили его люди, забыв о Боге, для Которого должен был все делать. Какое обольщение! истощать таким трудом тело свое, а душу оставлять без плода, несмотря на такое произвольное утомление.“— Потом позвал он того брата, и сделав ему строгое внушение, велел, чтоб, когда вся братия соберется на молитву, пришел и он, неся свои две рогожи, и обратился бы к братьям с смиренным прошением: „умоляю вас, братие мои,

помолитесь Господу о душе моей, да явит Он в ней милость Свою и простит ей грех, что она более занята была этими рогожами, нежели угождением Ему и царством небесным."— Сверх того, он положил ему, во время обеда, стоять посреди столовой с этими рогожами, пока кончится стол, и наконец, запер его в своей келии на пять месяцев, запретив, ему говорить с кем либо из братьев и заповедав непременно каждый день готовить по две рогожи, питаться же только хлебом и водою».

Для того, чтобы братья не впадали в уныние, монашеским уставом предписывается иметь небольшое дело, рукоделие.

Исаак Сирин (Сл.30): «Когда во время пребывания твоего на безмолвии обращаешься к рукоделию, не обращай отеческой заповеди в покрывало своему сребролюбию. Во избежание уныния пусть будет у тебя небольшое дело, не возмущающее ума. Если же для милостыни пожелаешь больше заняться делом, то знай, что молитва в чине своем выше милостыни. А если ради телесных потребностей, то, если ты ненасытим, к удовлетворению нужд твоих достаточно с тебя и того, чем наделяет тебя Бог. Ибо Он никогда не оставляет делателей Своих, чтобы терпели они недостаток в преходящем. Господь сказал: Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Мф.6:33), прежде прошения вашего».

Далее. После изготовления изделия продавались, и на вырученные деньги покупалось только необходимое, а если оставались лишние средства, то подвижник мог раздавать их как милостыню. При этом, продавая свое рукоделие, необходимо придерживаться определенных правил для того, чтобы не увлечься желанием иметь более необходимого.

Монашеский устав св. Василия Великого (там же, ст.189): «Как надобно производить продажу изделий? – Надобно стараться, чтобы изделия продавались не где-либо далеко, и чтобы самим для продажи не казаться народу. Ибо пребывание на одном месте гораздо приличнее и полезнее и для каждого и для общего назидания. Почему лучше отнять и убавить несколько цены, нежели для общего прироста отлучаться далеко (Пр.39)».

Древний Патерик (Гл. 6,15): «Один брат спросил авву Пистимона: что мне делать? - я непокоен бываю, когда продаю свое рукоделие. - Старец сказал в ответ: и авва Сисой и другие продавали свои рукоделья, - в этом вреда нет, но когда ты продаешь, за раз назначь цену вещи; а после в твоей воле будет, если захочешь, немного сбавить цены. Таким образом ты будешь спокоен. - брат опять спросил его: если я имею все нужное для себя, откуда бы то ни было, то велишь ли заниматься рукоделием? - старец отвечал: хотя бы ты имел все нужное, не оставляй своего рукоделия. Делай, сколько можешь, только не возмущаясь».

В монастыре торговлей изготовленных изделий и закупками необходимого занимались эконома и расходчики.

Феофан Затворник (Древние иноческие уставы, Устав Тавеннисийского общежития): «35. В каждом монастыре был эконом, заведовавший всем хозяйством монастыря, и расходчик, исправлявший хозяйственные потребности вне монастыря. Ему эконом давал деньги, и он, закупив нужное, давал во всем отчет эконому и возвращал оставшиеся деньги, не смея держать их у себя в келии и одной ночи. Вероятно, ему поручалось и продавать что-нибудь.

36. Но то и другое, если было нужно, вероятно, делалось в весьма небольших размерах. Продажа монастырских изделий и закупка всего нужного для обитателей, и на содержание и для работ, производилась одним главным экономом и расходчиком, которые заведовали хозяйством всех монастырей».

Если монах продавал монастырские изделия, то он обязан был продавать по той цене, которая была назначена настоятелем, и самовольное завышение цены на товар строго наказывалось.

Феофан Затворник (Древние иноческие уставы, Жизнь Преп. Пахомия): «Брат, заведовавший сапожным делом в монастыре, однажды вручил тому, на кому лежало продавать рукоделье, большое количество сандалий и других изделий этого мастерства, для продажи, назначив ему определенную цену за них. Когда этот продавец, прибывши в город, разложил свои товары, те, которые подходили покупать их, находили, что цена изделиям очень низка, говоря, что так продавать можно только краденый товар. Брат - продавец объяснил, что ему так приказано, не отказался однако же взять цену, какую ему давали, а она была одною третью выше назначенной. По его возвращении, брат усмарь, считая деньги, какие он ему вручил, нашел, что их целою третью больше, нежели сколько он ожидал, и сказал пр. Пахомию: «по истине, Отче, не следует этого брата употреблять но делам монастырского хозяйства; кажется, у него слишком много мирского духа, потому что он продал наши изделия одною третью больше, нежели сколько я ему назначил»; пр. Пахомий позвал брата—продавца и спросил, почему он так сделал. Тот извинял себя, разъясняя, как происходило дело, но его извинение не было принято. „Ты виноват, сказал ему св. Авва, потому что позволил себе увлечься любостыжанием. Спеши опять в город, и возврати покупателям деньги, которые взял ты с них больше назначенного; а возвратившись, понесешь эпитимию за свой грех, и потом останешься в монастыре при таком занятии, какое тебе назначат; для исполнения же прежде бывших на тебе поручений будет назначен другой.”

Многие подвижники и монастыри отдавали в виде милостыни не только то, что они заработали сверх необходимого, а поступали также и с пожертвованиями, отдавая их более нуждающимся.

Лавсаик (Об Авве Серапионе пресвитере): «Видели мы в пределах Арсинойских пресвитера по имени Серапион, настоятеля многих монастырей и игумена многого братства, числом до десяти тысяч. Он через братию собирал множество хозяйственных припасов, ибо во время жатвы все они сносили к нему свои плоды, которые получали вместо платы за уборку полей, каждый ежегодно по двенадцать артаб хлеба, что равняется сорока нашим мерам. И все это употреблял авва на вспомоществование бедным, так что никто не терпел нужды в окрестности. Хлеб отсылали бедным даже в Алескандрию. Впрочем, и вышеупомянутые отцы, жившие по всему Египту, не пренебрегали такой же распорядительностью: от трудов братии они посылают бедным в Александрию корабли, наполненные хлебом и одеждою, потому что у них редко кто терпит нужду».

Лавсаик (О Памве): «В Нитрийской же горе жил блаженный Памво... Множеством великих совершенств и доблестей украшался этот Памво. Но венцом великих совершенств его было такое презрение к золоту и серебру, какого требует слово Господне. Блаженная Мелания рассказывала мне, что она вскоре по прибытии из Рима в Александрию, услышав от блаженного пресвитера Исидора-странноприимца о добродетельном житии Памвы, в соупутствии самого Исидора отправилась к нему в пустыню. «Принесла я с собой, — говорила она, — ящичек с тремястами литр серебра и просила его принять это приношение от моих стяжаний. Он сидел и плел ветви и, не оставляя своей работы, дал мне только словесное благословение, сказав: «Бог наградит тебя». Потом сказал эконому Оригену: «Возьми это и употреби на нужды братии, живущей в Ливии и по островам: сии монастыри скуднее прочих», — а из живущих в Египте братии никому не велел давать из этих денег, потому что страна эта, говорил он, плодороднее других. «Я стояла, - говорит Мелания, — и ждала, что он почтит меня благословением или хотя слово скажет в похвалу за такое приношение, но, ничего не услышав от него, сама сказала ему: «Господин мой, да будет тебе известно, что серебра здесь триста литр». Он и при этом не показал никакого внимания и отвечал мне, даже не взглянув на ящичек: «Дочь моя! Тому, Кому ты принесла это, не нужно сказывать, сколько тут весу: Он взвесил горы и холмы поставил весом, — Тот паче знает вес твоего серебра. Если бы ты отдала его мне, то хорошо было бы сказать о его количестве, но если ты принесла его Богу, Который не

отверг и двух лепт, но еще оценил их дороже всех других приношений, то молчи и будь спокойна».

Древник Петерик (Гл.6): «Авва Даниил рассказывал об авве Арсении: однажды пришел к нему чиновник, принесший завещание одного родственника, оставившего ему очень большое наследство. Арсений, взяв завещание, хотел разорвать оное. Но чиновник пал к ногам его, и говорил: не раздирай завещания; иначе с меня снимут голову. Тогда авва Арсений сказал ему: я умер прежде сего родственника. И отослал его, не приняв ничего».

Некоторые святые монашествующие подвижники уходили в затвор и не работали, но имели обеспечение, назначенное им монастырем или Церковью, а также приобретали необходимое от пожертвований, которые употребляли в должной мере, а остальное же раздавали нуждающимся. Если подвижники занимались богословской деятельностью, то, как правило, они не пользовались прибытком, который происходил от изданий их трудов. К таким примерам относится затворническая жизнь и богословский труд Феофана Затворника (Вышенского).

Подвиг в Затворе (Жизнеописание св. Феофана Затворника): «Сочинения святителя еще при жизни его имели успех, некоторые из них выдержали по несколько изданий и могли бы доставить значительные средства, но он не получал от них ничего. За свои литературные труды автор не брал никакого вознаграждения, кроме известного количества экземпляров, предназначавшихся для безвозмездной раздачи. Он заботился лишь о том, чтобы цена его сочинений была не обременительна для покупателей и вознаграждала труды и издержки издателей. Известно, что собственниками и полными хозяевами творений преосвященного Феофана являлись иноки русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. На запрос об условиях уступки одного из своих сочинений святитель пишет: «Они (иноки) дают мне двести экземпляров, а денег хотят пришлют, хотят нет. Это не входит в мой расчет. Я уступаю им это молитв ради о моей многогрешности, а не ради прибытка».

Многие почитатели подвижника выражали желание прислать ему пожертвования вещами и деньгами, но он совершенно отказывался принять их. Редкие исключения допускались только для самых близких знакомых, дабы не огорчить и не обидеть их, но с непременно условием употребить пожертвованное на благотворительные цели. Одна тамбовская помещица - Курдюмова - по своему духовному завещанию назначила большую сумму - 25.000 р., на издание сочинений преосвященного Феофана. Последний пришел в большое смущение от подобного щедрого дара и возвратил его родственникам своей почитательницы.

Все раздав нуждающимся, святитель иногда по несколько месяцев оставался без всяких денег. Так, в июле 1875 года он пишет в Петербург одному своему близкому знакомому: «За деньги благодарствую. У меня ни полушки не было. Промотал все деньги и до Рождества (время получения пенсии) ничего не имею». Свою архиерейскую пенсию и некоторые пожертвования благотворителей на поминание их самих и их родственников в его домовую церковь преосвященный рассылал нуждающимся в разные концы России немедленно же по получении, как бы опасаясь пропустить случай сделать возможное добро и задержать у себя хотя малое время то, что не считал принадлежащим себе. «Я никогда не задерживаю у себя денег, - пишет святитель, - и все разматываю. Что их держать, когда случились». Перед великими христианскими праздниками Пасхи и Рождества Христова особенно много делалось благотворения. Денежных конвертов по 10 и более приходилось сдавать тогда на почту от его имени вдовам, сиротам и другим несчастным, особенно нуждающимся в помощи и утешении во дни праздника. И характер этой благотворительности был истинно евангельский, по заповеди Спасителя, шуйца не знала того, что творила десница. Преосвященный Феофан никогда не расспрашивал нуждающихся и не проверял, что их заставило обратиться к нему и куда пойдут его средства, не знал даже совсем многих из них, а подавал ради Бога».

Как видим, мы, современные христиане, настолько далеки от подвижнического нестяжательного обеспечения себя, что становится очень стыдно пред Богом. Но надемся, что примеры святых подвижников послужат нам уроком и подвигнут нас к ведению Богоугодной жизни.

Исходя из вышесказанного, понятно, что такое нестяжание и какие степени его бывают. Кто же может считать себя нелюбостяжательным? Вот, как отвечают на этот вопрос святые отцы.

Максим Исповедник (Сотн.2-ая,88): «Нелюбостяжателен тот, кто отрекся от всякой собственности, и на земле совсем не имеет ничего кроме тела, и к нему отторгнув всякое расположение, Богу и благочестивым людям вверил все о себе попечение».

О невольной нищете, принимаемой со смирением

Также к средней степени нестяжания может относиться и невольная нищета, когда мирской человек смиряется с тем, что уготовал ему Господь. И при этом он никогда не ропщет, а благодарит Его и доволен малым.

Антоний Великий (Добротолюбие, т.1): «Нищета есть не что иное, как умеренность во всем, или такое состояние, в котором довольствуются малым».

Такие примеры приличествуют мирянам.

Пролог в поучениях и рассказах (Епископ и нищий): «Некогда в Кипрской стране великое бездождье. Епископ той страны с клиром стал усердно просить Господа, чтобы послал на землю дождь. Во время молитвы был с Неба: «Завтра после утрени выйди к городским воротам и кого увидишь первого входящего в оные, попроси помолиться о дожде, и когда тот помолится, дождь будет». Епископ исполнил повеленное и, вышедши с своим клиром из дома, сел у городских ворот. И вот первым вошел в ворота нищий, несший на себе вязанку дров. Епископ остановил его. Старец опустил вязанку на землю и принял от епископа благословение. Епископ в свою очередь поклонился нищему и сказал: «Отче, прошу тебя, помолись, чтобы Господь послал дождь на землю». Старец отвечал: «Что ты, святитель Божий, просишь меня, последнего и грешнейшего раба, молиться? Я сам ищу молитвенников о бесчисленных грехах моих». Епископ стал еще усерднее просить и настаивать. Тогда нищий сказал: «Только из послушания тебе, святой отче, помолюсь вместе, с тобою». И с этими словами преклонил колена и стал молиться. И, о чудо! Вскоре, к общему изумлению, пошел сильный дождь, который обильно напоил жаждущую землю. Тогда епископ сказал нищему: «Отче, сотвори любовь и, ради общей пользы, расскажи нам твою жизнь, чтобы и мы стали подражать ей». Нищий отвечал: «Прости меня, господин мой! Я человек грешный и не знаю за собой ни одного доброго дела, которым бы мог утешиться; в суете я провел дни свои! И жизнь моя теперь проходит лишь в том, что я каждый день выхожу из города и, собравши бремя дров, продаю их; на вырученные деньги я покупаю себе хлеба на дневное пропитание, а затем иду к церкви, при которой провожу ночь. Утром же опять принимаюсь за собиранье дров. Если же когда, день или два погода мешает мне собирать дрова, то в это время терплю голод, прославляя Бога. А затем, когда наступает ведро, опять иду на свое дело».

Древний Патерик (гл.6): «Некоторые из Греков пришли однажды в город Острацины раздать милостыню. Они взяли с собою приставников, дабы показывали им, кто особенно имеет нужду в подавании. Приставники привели их к одному изувеченному и предлагали ему подавание. Сей не захотел принять, говоря: вот я тружусь, плету сии молодые прутья, и ем хлеб от трудов своих. Потом привели их к хижине одной вдовы с семейством. Когда они постучались в двери, откликнулась изнутри дочь ее, бывшая нагою. А мать уходила в это время на работу, - она была портмоя. Они предлагали дочери

одежду и деньги; но сия не хотела принять, говоря: когда пошла мать моя, то сказала мне: будь покойна, - Бог восхотел, и я нашла ныне работу; теперь мы имеем пищу свою. Когда пришла мать, они стали и ее просить - принять подаяние, но и она не приняла и сказала: я имею Покровителя моего, Бога, - и вы теперь хотите отнять Его у меня! - Услышав веру ее, они прославили Бога».

Итак, если малоимущий человек со смирением переносит скорби от бедности, не стремится к обогащению, а благодарит Бога за то, что Он ему посылает, то такой человек уже считается как добровольно живущий в бедности и тем угоден Богу.

Григорий Палама (Омилия 4): «Услышьте и возвеселитесь, вы, бедные и убогие! - ибо по причине сего, вы - братья Богу; и хотя бы не независимо от вашей воли вы были бедны и убоги, но тем, что будете терпеть и благодарить (Бога), вы сделаете себе это благо добровольным».

Иоанн Златоуст (т.3): «...Если ты мужественно переносишь (бедность), благодаря Господа, то этот предмет послужил для тебя поводом и случаем к получению венцов...».

О вольной бедности

Есть бедность, происходящая не по собственной воле, а есть добровольная бедность, которая намного выше первой.

Иоанн Златоуст (Творения, т.9): «...Нет никого сильнее того, кто становится нищим ради Господа...».

Этот подвиг приличествует Апостолам и святым подвижникам.

Феофан Затворник (Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия, нед.14): «Господь, посылая на проповедь святых апостолов, повелел им ничего не иметь при себе. Одна одежда на плечах, сандалии на ногах, посох в руках, -и все тут. И попечения ни о чем не иметь, вступая в этот труд, словно они были полностью обеспечены. И действительно, апостолы были вполне обеспечены без всякого внешнего обеспечения. Как же это устроилось? Совершенною преданностью их в волю Божию; потому-то Господь так и устраивал, чтобы они не имели ни в чем нужды. Подвигал сердца слушавших проповедь, и те питали и покоили проповедников. Но апостолы не имели этого в виду и не ожидали ничего, а все предавали Господу. Оттого терпеливо сносили и если что встречалось неприятное. Одна у них была забота -проповедовать и одна печаль-если не слушали проповеди. Отсюда чистота, независимость и многоплодность проповедания. И ныне бы так надо, но наша немощь требует внешнего обеспечения, без которого мы и шагу не сделаем. Это, однако, не укор нынешним нашим апостолам. Вначале они точно опираются на это обеспечение, но потом оно исчезает из памяти, и они самым своим трудом возводятся в состояние преданности Богу; с этого момента, надо полагать, и начинается настоящая плодоносность проповеди. Преданность Богу есть высшая степень нравственного совершенства, а до него доходят не вдруг, как только познают цену его. Оно само приходит после многих трудов».

К вольной нищете не относятся те случаи отречения от богатства, например философов и ученых.

Климент Александрийский (Кто из богатых спасется, гл.11,12): «И это не новое что-либо, от богатства отречься и оное нищим или бедным раздавать; многие это делали и до пришествия Спасителя. Одни из-за того, чтобы досужнее было заниматься науками и мертвой мудростью, другие из-за хвастовства и тщеславия, как например Анаксагор, Демокрит, Кратес. Те из древних, которые пренебрегали внешними вещами, хотя и отказывались от своих имен и даже уничтожали оные (Кратес и Анаксагор), но душевные страсти, полагаю я, при этом они расширяли, потому что они впадали в

гордость, в тщеславии и суетности, начинали презирать прочих людей, о себе самих думая, что они сделали нечто превыше естественное».

О вольной бедности мы еще скажем в разделе «О богатых и бедных людях». А сейчас приведем рассказ – поучение на эту тему, и увидим: во-первых, пример святого нестяжания. Во-вторых, есть разные степени отречения от мира: одни добровольно отрываются от хорошо обеспеченной жизни и живут подвижнической жизнью; другие, живущие всегда в бедности, по сути, не отрываются от богатства, т.к. не имеют его, и им легче перенести тяготы подвижнического подвига. В третьих, одни оставляют все ради Господа, а другие - от тягот мирской жизни.

Пролог (Не суди по себе): «У римского императора был один приближенный к нему вельможа. Он достиг такого христианского настроения, что решил оставить все: и богатство, и почет, и веселие, и роскошь царскую и поселиться в пустыне, чтобы служить одному Господу, следуя Евангельскому учению: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лук.9,23). И вот этот вельможа, отпустив всех своих рабов на свободу и раздав свое имение нищим, отправился лишь с одним из верных рабов, которого считал своим другом, в Египетскую пустыню и там поселился в одном заброшенном скиту. Здесь он вел подвижническую жизнь, добывая себе пропитание тяжелым трудом. Таким образом он прожил в пустыне с другом своим двадцать пять лет. О его благочестии знали все отцы египетские и за это относились к нему с глубоким уважением.

Но вот один из отшельников, живших в пустыне, наслышавшись о святости жизни бывшего вельможи, пожелал лично убедиться в этом и пришел в скит к старцу. Идя в скит, он думал так: «Вот я много лет подвигаюсь в пустыне, держу самые строгие уставы пустынножительства, а славою не пользуюсь; об этом же старце очень много говорят хорошего. Пойду, посмотрю и послушаю старца и, может быть, кое-чему научусь от него». Но каково же было удивление пришедшего отца, когда он, придя в скит бывшего вельможи, увидел совсем не такую обстановку жизни старца, какую себе представлял в уме, слушая рассказы своих братьев о святости жизни отшельника. Подходя к келлии, пришелец встретил благообразного старца, одетого в мягкую одежду и обутого. «Скажи, отче, — обратился он к сему старцу, — где можно видеть дивно подвижника, живущего в сем скиту?». «В этом скиту живут два человека - отвечал старец, — я да мой слуга; о дивном же подвижнике мы ничего не слышали. Как имя этого подвижника?». Пришелец назвал имя. «Это мое имя, — продолжал старец в мягкой одежде, — но ты, отче, верно, ошибся, пришел не в тот скит» «Нет, я не ошибся: мне именно нужно было видеть хозяина сего скита». «А если так, то я очень рад гостю: прошу пожаловать в келлию». Пришедший вошел в келлию. Но здесь он был еще больше поражен, когда увидел постель, покрытую кожей и с изголовьем. «Какой же это подвижник, — думал гость, — если у него почти все, как у мирян: и одежда мягкая, и сапоги на ногах, и постель имеется, да еще кожаная?» И гость сильно соблазнился. К обеду подана была горячая пища и вино. Тут гость уже окончательно смутился и даже не стал скрывать своего смущения. Старец это заметил и, как прозорливый, все понял. Когда смущенный гость, простившись оставил скит и был уже на некотором расстоянии от него, пустынный -вельможа воротил своего гостя, усадил его снова в келлии за столом и говорит: «Разве ты приходил ко мне за тем, чтобы поесть моей мирской пищи и отведать соблазнительного вина?» «Нет», — отвечал тот, несколько удивленный. «Так зачем же?» «Я пришел к тебе, чтобы посмотреть твои подвиги и поучиться твоей мудрости...» «И уходишь разочарованный и смущенный?» «Да, признаюсь...». «О, горе мне, соблазнителью! — воскликнул старец. — Так давай же, побеседуем. Откуда ты родом, отче честный?» «Из Египта», — отвечал гость. «Из какого рода?». «Да я простой поселянин и жил деревне». «А на чем ты спал и какую постель имел в миру?» «Спал на земле, а постели по бедности не имел». «А какую пищу вкушал и пил ли когда-нибудь вино?» — продолжал допрашивать старец. «Ел один сухой хлеб, а пил только воду». «А в бане мылся ли когда-нибудь?» «Кроме реки, никакой бани не знал».

«Легко ли тебе было жить в такой скудости?» «Ох, трудно, отче! Я только и успокоился с тех пор, как удалился в пустыню...» «Тебя я выслушал, теперь послушай и меня. Родом я из Рима и был царю близкий советник...» Гость слушал с большим вниманием. Старец продолжал: «И вот, ради Бога оставил я мир, богатство и славу и пришел в эту пустыню. В Риме я занимал великолепный Дворец, имел огромное богатство, а теперь, как видишь, живу в убогой хижине. Кровать у меня была из золота и покрыта драгоценными тканями, с мягкими перинами и подушками, а теперь имею одно это бедное ложе и грубую кожу на нем. Носил драгоценные одежды, а ныне у меня только одна эта худая риза. На обедах у меня подавались всевозможные яства, а в настоящее время одну эту бедную зелень вкушаю и ради недуга пью иногда эту малую чашу вина. Было у меня в Риме и множество рабов, а теперь лишь этот, по милости Божией оставшийся при мне старец живет со мною. И музыку я постоянно слушал, и услаждали мой слух трубы, тимпаны и гусли; а теперь только пою двенадцать псалмов. Итак, отче, не соблазняйся о мне».

Тогда гость воскликнул: «Горе мне за мое осуждение! Я от великой скорби прежней моей жизни пришел в покой и почитаю себя подвижником..., а ты от великого покоя и роскоши пришел в скорбь, смирение и нищету, и не почитаешь себя подвижником. Прости же меня, святой отец, и помяни в молитвах своих!». При этих словах гость поклонился старцу до земли и отошел с миром восвосяи, получив большое назидание».

В этом поучении есть и несколько иных глубоких смыслов: во-первых, мы видим, что некоторые люди подвизаются, надеясь на славу человеческую, и поэтому склонны осуждать других и выносить категоричные суждения о чужой жизни. Во-вторых, поучительно то, как зачастую мы в своем воображении составляем представление о человеке и если оно не совпадает с тем, что есть на самом деле, то удивляемся, возмущаемся и осуждаем.

Каковы невидимые для всех плоды вольной нищеты? Святые подвижники испытали на себе то, что, во-первых, она позволяет не увлекаться многими соблазнами мира, и это позволяет человеку исполнять заповеди.

Нил Синайский (Творения, ч.2): «Не порицай нищеты, потому что она соделывает подвижника неразвлекаемым в исполнении закона».

Например, если у человека нет денег и лишнего имущества, то он не будет любить их иметь идолов, а значит, не нарушит первых трех заповедей. Более подробно об этом будет еще сказано ниже.

Во-вторых, не имея богатства и попечений о нем, человек приобретает истинные сокровища – добродетели - смирение, терпение, мужество, надежду на Бога и т.д.

Нил Синайский (Творения, ч.2): «Смотрю на нищету, скачу и радуюсь, истинным богатством признавая добродетель».

Авва Исаия (Духовно-нравственные слова): «Знай, что скудость в вещах приближает тебя к Богу».

В третьих, непопечение об имуществе и делах мира приносят свободу и покой сердцу и уму, т.к. никакие заботы и воспоминания не тревожат душу, и это позволяет истинно молиться Богу.

Василий Великий (Творения, ч.1): «Мы, бедные, отличаемся от богатых – свободой от забот: наслаждаясь сном, смеемся над их бессонными ночами, не зная беспокойств и будучи свободными, смеемся над тем, что они всегда связаны и озабочены».

Исаак Сириянин (Слова подвижнические): «Возлюби с терпением нищету, чтобы собрать тебе воедино ум свой от парений».

Исаак Сириянин (Слова подвижнические): «...Ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета».

Итак, добровольная бедность делает человека наследниками и братьями Христу, и поэтому все святые призывают:

Григорий Палама (Омилия 4): «Услышьте, вы, богатые! - и возлюбите блаженнейшую бедность, дабы вам стать наследниками и братьями Христу, и то - более родными, чем по неволе бедствующие: ибо и Он добровольно ради нас бедствовал».

О том, как могут поступать вышеуказанные христиане в отношении средней степени нестяжания

Рассмотрев вопрос о том, кто и как ведет средний нестяжательный подвиг, скажем о том, как, к сожалению и к радости, могут поступать те, которые призваны и выбрали такую малопопечительную жизнь.

Начнем с примеров, которые говорят о подвиге нестяжания сопряженными с подвигом милостыни. Примечательно то, что если подвижники занимались рукоделием и тем добывали себе пропитание, то, как правило, не хотели принимать милостыни.

Древний Патерик (Гл.6): «Некто просил старца принять деньги на свои нужды. Он не захотел принять, довольствуясь своим рукоделием. Когда же тот не переставал упрашивать старца принять деньги хотя для нужд бедных, то он отвечал: здесь будет двойкий стыд, - я принимаю без нужды и тщеславлюсь чужим даянием.

...Один знатный человек из какой-то страны пришел в Скит, принес с собою много золота, и просил пресвитера скитского раздать его братии. - Пресвитер сказал ему: братия не имеют нужды. Но так как он сильно убеждал пресвитера, то сей положил корзину при дверях церковных и сказал: кто имеет нужду, пусть берет, но никто не подошел к ней, а другие вовсе не обратили внимания. Тогда пресвитер говорит ему: Бог принял твою милостыню; иди и раздай ее нищим. - Он ушел, получив большую пользу.

...Принес некто старцу денег и сказал: возьми на свои нужды, - ты состарился, и находишься в болезни; ибо он был изувеченный. Старец отвечал: ты пришел отнять Питателя моего в продолжении 60 лет! Вот я столько лет нахожусь в болезни, - и ни в чем не имел нужды, когда Бог вспомоществует мне и питает меня, - и не решился принять деньги».

Если же у них не было возможности заработать, то только тогда подвижники брали милостыню.

Древний Патерик (гл.6): «Авва Силуан говорил: я раб, - и Господь мой сказал мне: ты делай Мое дело, - и Я буду кормить тебя; а откуда возьму пищу, об этом не спрашивай; ты только делай, а Я буду кормить тебя. - Итак, если я тружусь, то кормлюсь от мзды моей; если не тружусь, то питаюсь милостынею».

Ради нестяжательности некоторые подвижники продавали даже душевнополезные книги, т.к. и они могут вызывать пристрастие.

Древний Патерик (Гл. 6): «Авва Феодор Фермейский приобрел себе три хорошие книги. Пришел он к авве Макарию и говорит ему: у меня есть три хорошие книги, - я получаю и сам от них пользу, и братия употребляют их, и получают назидание, скажи мне, что я должен с ними сделать? - Старец сказал в ответ: хороши такие дела, но нестяжательность всего лучше. - Услышав это, авва Феодор пошел и продал книги, а вырученные деньги раздал нищим».

Приводя эти примеры, отметим, что не всегда и всем необходимо поступать, четко следуя примеру того, как поступали некоторые подвижники. У каждого своя мера и свои обстоятельства, от нас же требуется благоразумие и смиренное стремление исполнять заповеди о нестяжании. Так, если кто-либо последует примеру о продаже духовных книг, но сам их не читал и не получил от них пользы, то можно ли это назвать благоразумием. Или, например, продав поучения отцов, оставит у себя художественную литературу.

Но были и случаи, когда монахи или подвижники, увлекшись прелестью вражией, впадали в мнопопечительные труды, за которыми следовали другие грехи, и оставляли

Богоугодный образ жизни. Но если человек раскаивался, то Господь и в таких случаях не оставлял человека.

Древний Патерик (Гл.20): «(Некий отшельник) же сказал: "я был в киновии Фиваидской и было у меня занятие ткача. Пришел же мне помысл: выдь и живи сам по себе, и можно тебе будет безмолствовать, и принимать странных, и получить больше награды, чем за труды рук твоих. Когда я согласился на помысл, тотчас и выполнил его на деле, и когда выстроил монастырь, то были заказывающие мне работу; когда же много собиралось у меня излишнего, я старался раздавать то бедным и странным. Враг же наш диавол, позавидовавши, как и всегда, имеющему быть мне воздаянию, уловил меня тем самым, что тщился я делать против него. Ибо, видя некоторую девицу, раз уже заказывавшую работу, которую я исполнил и отослал ей, внушил ей сделать мне другой заказ, а потом образовалась привычка и излишняя доверенность, напоследок осязания рук, и смех, и сожителство, зачавши родили грех. Когда же я провел в нем месяцев шесть, помыслил в себе: ныне ли, завтра ли, или чрез много лет, подвергшись смерти, я вечное получу наказание. Ибо растливший жену мужнюю по закону подвергается наказанию и мучению вечному. Каких же мук заслуживает растливший невесту Христову? Таким образом, убежал я в пустыню сию, нашел пещеру и сей источник, и это финиковое дерево, на котором плод приносят мне двенадцать ветвей, и в каждый месяц плод приносит одна ветвь, чего достаточно мне на тридцать дней, а после сего созревает другая. По некотором же времени выросли волосы мои, и когда изнашивались одежды мои, ими я прикрываю нижние части тела". Когда же опять спросил я его: не было ли трудно ему в начале? он сказал: "сначала я весьма страдал, так что на земле лежал я от боли печени, и не мог стоя совершать молитвословие, но лежа на земле взывал к Всевышнему. Когда же был я в пещере в скорби великой и болезни, так что не мог выйти из нее, вижу - вошел ко мне муж и стал вблизи меня и говорит мне: чем страдаешь ты? Я показал ему место. Он же пальцы руки своей соединив прямо, рассек место как бы мечем и вынув печень, показал мне раны, и рукой соскоболов их, положил в платок, и опять замазал место, и сказал мне: вот, стал ты здоров, работай Владыке Христу, как следует. И с того времени я стал здоров, и без труда живу здесь". Много же просил я его, чтобы жить мне в прежней его пещере, и сказал он мне: "не можешь ты вынести нападений бесовских". Тогда убедившись в сем, просил я с молитвою отпустить меня. И помолившись, он отпустил меня. Сие рассказал я вам на пользу».

Что касается общежительного монашества, то, к сожалению, некоторые монастыри имеют прагматические интересы, что не способствует взойти на среднюю степень нестяжательности - питаться только от труда рук своих или пожертвований и все остальное время посвящать Богу.

Поучения старцев (под ред. Дионисия Тациса): «Какой монастырь идеален? Старец Паисий с выразительностью подчеркивал следующее: "Очень помогает монаху, когда монастырь удален от мира, археологических достопримечательностей и мирского шума. Кроме того, часто паломничества по монастырям имеют и прагматические интересы, ибо многие приезжают туда работать. Поэтому и некоторые Владыки хотели бы, и очень справедливо, чтобы трудились сами монахи, которые возлюбили бы тогда нестяжательность, хранить которую они поклялись Богу. Но, к сожалению, они не ограничиваются самым необходимым и простым, как для самих себя, так и вообще для монастыря, дабы не принимать ничего от верующих и побуждать их помогать нашим страдающим нищим братьям. Но что же они делают? Собирают даже пот нищих и наполняют им кучу лампад и колоколов, думая, что так они прославляют Бога. Но такое благочестие похоже на благочестие многих русских клириков, которые, сами того не желая, стали причиной того, что лампы, паникадила и колокола стали орудиями, бившими по самой Церкви Христовой».

Приведем поучение о состоянии настоящего монашества нашего современника – монаха подвижника.

Старец Паисий Святогорец (Слова, ч.1, гл.3): «К несчастью, мирской дух проник из мира и во многие монастыри. Причина этого в том, что в нашу эпоху некоторые духовные наставники направляют течение монашества по мирскому руслу, и к благодатному святоотеческому духу души иноков не текут. Я вижу, что сегодня в монастырях господствует дух, противоположный святоотеческому. Доброго, святоотеческого монахи не принимают. То есть они не живут духовно. Действуя во имя послушания и отсечения своей воли, они уравнивают духовные высоты с землей и занимаются мирским своеволием. Живя так, они не преуспевают, потому что вместе с ними в монастыре "подвизается" искуситель, мирской дух. Мы не имеем права истолковывать заповеди Божий, как нам выгодно. Мы не имеем права изображать монашество таким, каким нам хочется. Признавать свои немощи и смиренно просить милости Божией - дело совсем другое. Величайшее зло, по-моему, в том, что некоторые считают этот мирской дух прогрессом. Следовало бы осознать этот дух падением и излевать его из себя, чтобы духовно очиститься. И тогда сразу же придет Дух Святой, который освящает, извещает и утверждает души. А есть и такие монахи, которые говорят: "Мы должны проявить нашу культуру." Какую культуру? Мирскую? Было бы естественно, если бы мы, как монахи, проявляли нашу духовную культуру, духовное развитие. Какое духовное развитие? А вот какое: не стараться опередить людей мирских в развитии мирском, ведь это мирское развитие мучает даже их, не говоря уже о монахах. Наша духовная скорость должна быть такой высокой, чтобы и люди мира сего увлекались вслед за нами. Если мы, монахи, делаем то же самое, что какой-нибудь высокодуховный мирянин, то людям мирским это опять-таки не на пользу, потому что пример высокодуховного мирянина у них есть и без нас. Наша жизнь должна быть более высокой, чем жизнь духовных мирян. Монах не должен ставить перед собой цели показать другим какое-то мирское развитие. Это наносит монашеству оскорбление. Монах, мыслящий по-мирски, показывает, что он сбился с пути - он вышел в него ради Христа, но его душа стремится в мир. Путем мирского развития, которое считается прогрессом, монашество приходит к духовному разложению. Из монашества исчезает очень многое, подобно тому, как из мира исчезают честь, уважение и их называют отжившими свой век. Поэтому мне больно до того, что хоть криком кричи. Мне хочется уйти куда-нибудь подальше (чтобы не видеть всего этого). Тот, кто не пережил ничего высшего, не очень-то переживает за свою духовную жизнь, в которой он устраивает всё по своему типикону. Однако знаете, какая мука жить по такому типикону человеку, который вкусил чего-то высшего? Если бы Христос удостоил меня жить так, как я хочу, - по-монашески и - умереть молодым, то я считал бы это смертью в бою, на передовой. Сейчас такое время, что умереть, пойти на исповедничество, совершить жертву стоит и только ради того, чтобы не были хулимы Святые Отцы. Мы всё читаем и читаем о преподобных отцах, но даже немножко не задумываемся о том, где и как они жили. Господь сказал: "Лисицы имеют норы,... а Сын Человеческий не имеет где преклонить голову" (Мф.8:20 и Лк.9:58). Это потрясает. Преподобные отцы старались жить в пещерах и быть похожими на Христа. Они ощущали радость Христову, потому что подражали Ему во всем. Их интересовало только это. Святые Отцы превратили пустыню в духовный град, а мы сегодня превращаем ее в мирской город. Церковь Христова убегает в пустыню, чтобы спастись (Апок.12:6), а мы превращаем пустыню в мирской город. А люди соблазняются этим, останутся без помощи и после им будет не за что ухватиться. Вот эту-то великую опасность я вижу в переживаемые нами трудные годы. При том, что сегодня нам следовало бы жить более по-монашески, чтобы иметь божественные силы, мы, к несчастью, попадаем под влияние мирского духа, он изменяет нас в худшую сторону, и мы становимся бессильными. То есть мы сами изгоняем из себя наш дух и становимся мертвым телом. Монахи, которые живут в монашестве внешне, сегодня есть. Они не курят, не совершают плотских грехов, читают Добротолюбие, сыплют цитатами из святых отцов. В миру те из детей, кто не врал, осенял себя крестным знамением, ходил в Церковь, а когда становился постарше,

был несколько внимателен в нравственном отношении, считали, что этого достаточно. Точно такой же жизнью живут в некоторых монастырях, и это привлекает туда мирян. Но, познакомившись с такими монахами поближе, миряне видят, что они ничем не отличаются от людей мира сего, потому что весь мирской дух они сохраняют. А если бы они курили, читали газеты, разговаривали о политике, то миряне, по крайней мере, избегали бы их, как людей мира сего, и монашество не повреждалось бы. Чем духовно ослабленный монах может тронуть сердце мирского человека? Если оставить спирт в открытой бутылке, то он выдохнется, потеряет всю свою крепость, не сможет ни убивать микробов, ни гореть. А если заправить таким выдохшимся спиртом спиртовку, то он вдобавок испортит и фитиль. Так и монах: будучи невнимательным, он отгоняет от себя божественную Благодать и после этого имеет лишь схиму - вид монаха. Он подобен выдохшемуся спирту и не может "прижечь" дьявола. Ведь "свет монахов суть ангелы, а свет человек монахи!" Но "выдохшиеся" монахи перестают быть светом. Знаете, насколько разрушительно мирское мудрование! Если из монашества уходит его духовная сила, то в нем уже ничего не остается. Ведь "если соль обуяет," то она не годится даже на удобрение. Помои, мусор становятся перегноем, но не соль. Если "удобрить" солью растение, то она его сожжет. В ту эпоху, которую мы сейчас переживаем, монашеству следует ярко сиять. Всей этой гнили и разложению требуется соль. Если в монастырях не будет мирского мудрования, если их состояние будет духовным, то это станет их величайшим приношением обществу. Им не нужно будет ни говорить, ни делать что-то еще, потому что они будут говорить своей жизнью. Сегодня мир нуждается именно в этом».

Это положение некоторых монастырей и монахов соответствуют откровениям святых ранних времен.

Нифонт Цареградский (из книги «Руководство к духовной жизни преподобных Варсануфия Великого и Иоанна»): «4. Вопрос. ... Занимающие престолы священства во всем мире будут вовсе неискусны и не будут знать художества добродетели. Таковы же будут и предстоятели монашествующих, ибо все будут низложены чревоугодием и тщеславием, и будут служить для людей более соблазном, чем образцом, посему добродетель будет в пренебрежении еще более; сребролюбие же будет царствовать тогда, и горе монахам, богатеющим златом, ибо таковые будут поношением для Господа Бога и не узрят лица Бога Живаго».

Если говорить об отдельных монахах, то отцы иногда говорят о тех, которые отреклись от мира, но оставили часть своего имущества для собственного пользования.

Древний Патерик (Гл. 6): «Один брат, отрекшись от мира и раздав свое имение нищим, оставив между тем несколько для собственного употребления, пришел к авве Антонию. Узнав об этом, старец говорит ему: если ты хочешь быть монахом, то ступай в такое-то село, купи мяса, обложи им нагое тело свое, и в таком виде иди сюда. - Когда брат это сделал, то собаки и птицы терзали тело его. При встрече его с старцем, последний спросил его: исполнено ли то, что он советовал ему? И когда брат показал израненное тело свое, то авва Антоний сказал: так демоны нападают и терзают тех, которые, отрекшись от мира, хотят удержать имение».

Древний Патерик (Гл. 6): «Авва Кассиан сказал: один сенатор, отрекшись от мира, и раздав свое имение бедным, удержал некоторую часть для собственного употребления, не желая от совершенной нестяжательности воспринять смиренномудрие и надлежащее подчинение правилу общежития. К нему св. Василий изрек такое слово: ты и сенатором перестал быть, и монахом не сделался».

Также некоторые монахи переносят трудности с ропотом и печалью.

Феодор Студит (Добротолубие, т.4, 43): «Зима настала, а обиталищ у нас немного, и те плохи и тесны. Но не падайте духом; ибо не смотря на то, вы просторны в добродетели и в этом отношении досточудны, ни во что вменяя прискорбное, хотя и прискорбно, и об одном том заботясь, чтобы всегда делать угодное Богу. К тому же, если вспомним

древних св. отцов, или даже и ныне подвизающихся, то найдем, что живем в палатах. Не видите ли, что и ныне рабы Божии одни живут на открытом воздухе, другие затворяются в пещерах и гробницах, иные носят вериги и едят очень мало, довольствуясь одним хлебом, а то и от него воздерживаясь, и удовлетворяя потребность эту древесными плодами через день?».

Дмитрий Ростовский (Слово в неделю святых жен мироносцев): «Пошли мы, было искать Христа в монастыри, но и в них все ныне испортилось; ничего нет, и порядка нет, едва и Христос остался; теперь только хлопоты да ропот, печаль и вздохи. В крайней нищете и скудости, пожалуй, и нашелся бы Христос, если бы только сия нищета и скудость переносились с благодарностью».

А некоторыми монахами овладевает страсть любостяжания.

Древний Патерик (гл.6): «Авва Исаак говорил братьям: отцы наши и авва Памво носили ветхую, со многими заплатами, и также пальмовую одежду; а вы теперь носите одежду дорогую. Пойдите отсюда, - от вас запустели здешние места. Когда они собирались на жатву, говорил им: я уже не даю вам заповедей; ибо вы не храните их. Он же сказал еще: авва Памво говорил, что монах должен носить такую одежду, которую никто не взял бы, если выбросит ее из кельи».

Монашеский Устав Преп. Иоанна Кассиана (из собранного Феофаном Затворником, кн.4, гл.15): «Обличение западных иноков в несоблюдении заповеди нестяжательности, или ничегонеимения. Что скажем на это мы, бедные, которые, живя в киновиях и состоя на попечении и заботах аввы, держим особые ключи и, поправ всякое уважения к своему званию и всякий стыд, не стыдимся явно носить на пальцах даже перстни (с печатью), чтобы ими запечатывать всякие спрятанные вещи, которым не только шкатулок или сундуков, но даже и шкафов и комодов недостаточно для упрятания того, что успели собрать, или что принесли с собою, выходя из мира; и (мы), которые кипятимся из-за пустых и ничтожнейших вещей, и против того, кто посмеет хоть пальцем коснуться до чего-нибудь из вещей, которые мы присваиваем себе, как собственность, исполняясь таким гневом, что движения сердца своего не можем не обнаружить и устами и состоянием всего тела. Но оставим такие пороки свои, и все другое, о чем и поминать недостойно, предав молчанию по слову Пророка: «да не возглаголют уста моя дел человеческих» (Пс.16,4)...».

Отцы четко описывают, каким образом у монаха развивается страсть стяжания и любоимания.

Иоанн Кассиан (О постановлениях киновитян, кн.7,гл.7): «Эта страсть, если улучит власть над малодушною и холодною душою монаха, то сначала побуждает его к малому стяжанию, во впечатлительных картинах описывая ему некоторые, будто справедливые и разумные причины, по коим ему необходимо, или уберечь для себя несколько денег при отречении от мира, или приобрести после того. Того, жалуется она, что дается в монастыре, недостаточно, и едва сносно для здорового и крепкого тела. Что будешь делать, если приключится телесная болезнь, а у тебя не будет припрятано что-нибудь на случай, чем бы пособить себе в немощи? Содержание монастырское прескудно, небрежение же о больных превеликое. Если ничего собственного не будет у тебя, что можно бы употребить на поправление телесного здоровья, то придется тебе умереть жалким образом. - Да и самая одежда, доставляемая монастырем, недостаточна, если не промыслишь иметь нечто, на что мог бы достать себе другую. Наконец нельзя бывает все время прожить в одном и том же монастыре; а в таком случае, если не приготовишь себе денег на путевые расходы и переправу чрез море, то не сможешь, когда захочешь, переселиться оттуда, и таким образом будучи стеснен крайнею бедностью, постоянно будешь влачить жизнь работническую и жалкую без всякого успеха. - Когда такими помыслами опутает ум свой монах, тогда начинает придумывать, как бы приобрести хоть один динарий; и с этою целью приискивает какую либо частную работу, которую и исполняет со всею заботливостью, без ведома Аввы своего. Продав ее потом тайно и

получив желанную монету, в страхе за нее суетится он и хлопочет, где бы ее положить, или чьему бы хранению ее вверить; а между тем уже начала точить его еще острейшая забота, как бы удвоить эту монету, - и он напряженно строит важные планы, чтобы такое купить на нее, и какой бы с нею употребить для сего оборот. Когда же и это удастся ему, по его желанию, когда у него возникает жаднейшая алчба золота, которая затем все тем сильнее и сильнее разгорается, чем большее количество прибыли получается: ибо с умножением денег увеличивается и неистовство отрасти к ним. В поджожку ей приходят далее и другие заботливые помышления: обещается долгая жизнь, преклонная старость, немощи разные и продолжительные которых в старости и перенести не будет возможности, если в ранние лета не заготовишь побольше денег. - Так несчастная душа, связана будучи узами сей змеи (сребролюбия), все далее и далее влечется, в желании с непотребною заботою умножать не добре начатое собрание имущества, сама в себе порождая заразу, которая все жестче и жестче пожирает ее, подобно пламени. Будучи вся поглощена корыстолюбным помыслом, она ни на что не обращает сердечного воззрения, кроме того, откуда могла бы достать денег, чтоб с ними поскорее улететь из-под ига монастырской строгости. Коль скоро блеснет ей какая либо надежда на получение денег, - тут она ничем уже не дорожит: из-за нее она не погнушается ни ложью, ни клятвопреступлением, ни воровством, ни нарушением верности. Словом, - золото и чаяние корысти во всем бывает для нее богом, как для иных чрево. Почему блаж. Апостол, провидя пагубный яд сей болезни, назвал ее не только корнем всех зол, но и идолослужением, говоря: и любостяжание (-умертвите), еже есть идолослужение (Кол. 3,5)».

В творениях святых отцов можно встретить множество поучений о монахе стяжательном и нестяжательном, например:

Нил Синайский (Добротолубие): «3. Многостяжательный монах - чрезмерно нагруженный корабль, легко потопляемый в воздымающихся от бури волнах.

4. Монах нестяжательный - легкий путник, на всяком месте находящий себе пристанище.

5. Монах нестяжательный - высокопарящий орел, тогда только спускающийся вниз, когда вынуждает к тому потребность пищи.

6. Таковой выше всякого искушения, посмеивается над всем настоящим и, воспаря горе, удаляется от всего земного и сожительствует с горними; потому что легки крылья у него, не обремененного заботами.

7. Пришла скорбь и без печали оставляет он место; настала смерть, - благодушно отходит отселе, потому что никакими земными узами не связал душу.

8. А многостяжательный опутан попечениями, и как пес привязан цепью; если принужден переселиться, то скорбное воспоминание об имуществе несет с собою, как тяжелое и бесполезное бремя.

9. Если пришла смерть, с жалостию оставляет он настоящее; отдает душу, а глаз не спускает с того, что имеет у себя, - и его влекут насильно, как беглого раба; разлучается с телом, но не разлучается с именем, потому что сильнее влекущих удерживает его страсть.

13. Нестяжательный монах - неуловимый борец и легкий течец, скоро достигающий к почести вышнего звания (Фил.3, 14).

14. Монах многостяжательный радуется многим доходам, а нестяжательный - венцам за преспеяние.

15. Монах любостяжательный усиленно работает, а нестяжательный проводит время в молитвах и чтении.

16. Монах сребролюбивый наполняет сокровищницы серебром, а нестяжательный собирает сокровище на небе».

Ефрем Сирин (Добротолюбие, т.2.): «122. Бедный монах, который в смиренномудрии безмолвствует, лучше богатого монаха, который исполнен гордости и надмения.

126. Кто в келлии своей скрывает золото, тот копит в себе страсти высокоумия и неподчинения. А кто собирает в свою сокровищницу молитвы и милостыни, тот богатеет в Бога. Другие копят себе деньги, а ты, монах, копи себе молитвы и милостыни.

128. Монах, ищущий наследства от плотских родителей, впадает в искушения, а взыскующий Господа спасется.

130. Монах любостыжательный - бесплодная пальма, а нестыжательный - тоже, что подстриженная пальма, растущая в высоту.

131. Монах, привязанный к вещественному, подобен ястребу, летящему с ремнями на ногах; где ни сядет он, тотчас запутается. А не привязанный к вещественному тоже, что путник, всегда готовый в дорогу».

Старец Паисий Святогорец (Слова, ч.2, гл.3): «Начиная жить духовно, человек никогда не насыщается. Подобно этому, человек никогда не насыщается, если начинает гнаться за красивым. Знаешь, как нам надо жить сейчас? Надо оставить заботы о красивых постройках, ограничиться необходимым и отдать себя несчастью людей -- помогая им молитвой, если тебе нечего дать, и милостыней, если у тебя есть возможность помочь им материально. Займитесь же молитвой, а из работ -- только самым необходимым. У всего, что мы делаем здесь, -недолгий век. И стоит ли отдавать всему этому свою жизнь, зная, что другие едва сводят концы с концами и умирают с голоду? Простые постройки и смиренные вещи мысленно переносят монахов в пещеры и неприхотливые аскитирии (уединенное монашеское жилище, место аскетических подвигов) святых отцов, от этого монахи получают духовную пользу. Тогда как все мирское напоминает монахам о мире и делает их мирскими в душе. Недавно (1986 г.) в Нитрии (гора и прилегающая к ней пустыня) были сделаны раскопки и найдены первые монашеские кельи -- по-настоящему аскетические. Затем были найдены монашеские кельи более поздней эпохи -- их вид был уже немного мирской. Наконец, были найдены самые поздние монашеские жилища, похожие на салоны богатых людей того времени -- на стенах были разные картины в рамочках, узоры и прочее. Все это навело на монахов гнев Божий, и их обиталища были разграблены и разрушены злодеями. Христос родился в яслях. Если мирское доставляет нам утешение, то Христос, Который никого не отвергает, легко нас отвергнет. Он скажет: "У меня не было ничего. Разве Евангелие где-нибудь говорит обо всех этих (мирских вещах)? Разве вы видели что-нибудь подобное у Меня? Вы и не мирские, и не монахи. Что же Мне с вами делать, куда вас поместить?».

Далее приведем примеры, как падали миряне, жившие по заповеди о нестяжании.

Пролог в поучениях (Золото): «Один старец пришел на рынок некоего города, чтобы продать свое рукоделие. Здесь встретился ему рабочий человек, возвращающийся домой с работы, окруженный нищими и убогими. Старцу это показалось странным, он пристал к этим людям и вместе с ними вошел в убогое жилище простого рабочего. Хозяин омыл всем ноги, всех накормил, напоил и упокоил. Когда на другой день утром вслед за хозяином стали уходить на дневной промысел нищие, старец спросил у одного из них: «Кто этот нищелюбец?». «А разве ты не знаешь его? — с удивлением сказал нищий. — Это каменосечец Евлогий. Этому благодетеля все нищие и убогие знают и любят, как отца своего родного». «Где же он берет средства для прокормления нищих?». «Он сам бедный человек: часто испытывает нужду в насущном куске хлеба; во всем себе отказывает, но весь свой дневной заработок непременно отдает для нищих и убогих. Про него справедливо говорят, что он живет и питается одним нищелюбием».

Старец, слушая рассказ нищего о Евлогии, подумал: «Что если бы этот человек стал богат, сколько бы он сделал добра!». И после сего эта мысль не оставляла старца. И он стал постоянно молиться Богу о даровании Евлогию богатства. Молитва старца, наконец, была услышана. Господь сказал ему: «Евлогию лучше оставаться так, как теперь; но, если

хочешь, Я дам ему богатство, только поручишься ли ты за него?». Старец отвечал: «Ей, Господи: от рук моих взыщи душу его!»

На другой день после этого Евлогий по обыкновению вышел на свою работу и тотчас же, помолившись, принялся своею мотыгой рассекать каменную глыбу. Вдруг видит он, что в том месте, где он ударял мотыгой, образовалось отверстие, ведущее в небольшую пещеру, высеченную внутри скалы. Когда он пробил большое отверстие, то увидел в пещере много золота. Изумился Евлогий такой неожиданной находке и задумался: «Как мне поступить с этим золотом: объявить ли о нем хозяину или тайно взять себе?...». Но недолго колебался каменосечец, глядя на золото: он решил воспользоваться богатством и начал тайно переносить его к себе. Он носил золото несколько дней. А чтобы никто об этом не знал, он перестал принимать у себя нищих и убогих. Спрятав у себя золото, Евлогий перестал выходить на работу, затворился со своим богатством от людей и начал обдумывать, как распорядиться им. «Употребить золото на облегчение жизни нищих — это уже надоело: все нищим да нищим, — рассуждал сам с собой Евлогий, — нищих всех не убоготишь, чем больше о них заботишься тем все больше и больше становится нищих и нуждающихся. Довольно я уже них поработал; пора и мне иметь покой пожить хотя бы немного в свое удовольствие...».

С таким решением Евлогий отправился в Византию, купил и построил там несколько дворцов, сделался вельможею и зажил новою роскошною и греховною жизнью. Призреваемые же им нищие и убогие лишившись своего благодетеля, горевали и плакали.

Прошло два-три года. Вот снится старцу, умолившему Бога дать Евлогию богатство, сон: Ангелы изгоняют Евлогия от лица Божия за нечестие, овладевшее Евлогием через найденное им золото. Проснувшись, заскорбел отшельник и пошел в тот город, где он впервые встретил каменосечеца Евлогия. Долго искал его, но напрасно. Наконец, он обратился к нищим, которых так любил Евлогий, и стал их спрашивать об их благодетеле. Одна старица отвечала: «Увы, был у нас один благодетель, каменосечец Евлогий, но теперь он ушел от нас, так как нашел много золота сделался вельможею при царе». «Что я сделал, — воскликнул старец, — ведь я убийца!». Он тотчас отправился на пристань, сел на первый отходивший в Византию корабль и поплыл разыскивать бывшего каменосечеца Евлогия.

Но вельможу Евлогия не нужно было долго искать, так как его все в городе хорошо знали из-за его гордости и жестокости по отношению к простому народу и особенно нищим. Пришедши к дому Евлогия, старец сел у ворот и стал дожидаться выхода хозяина. Ждать пришлось долго. Вот, наконец, выходит надменный вельможа, в богатых одеждах, окруженный рабами и подчиненными. Старец пал перед ним и воскликнул: «Помилуй, я нечто хочу сказать тебе». Евлогий ничего не отвечал, а лишь сделал знак рабам своим, те схватили старца и стали бить его. Старец не остановился на этом и на другой день, дождавшись Евлогия у ворот, опять получил вместо ответа побои от рабов. Оправившись от ран, старец в третий раз встретил вельможу и стал умолять выслушать его, так как дело касается участи их обоих. Евлогий на этот раз приказал бить старца еще с большею жестокостью. Старец после этого пришел в отчаяние, задумал вернуться домой, сел на корабль и здесь, весь избитый, в изнеможении, лишился чувств. Находясь в забытьи, он видит снова Господа с гневным лицом, окруженного Ангелами. И вот раздается грозный голос Божий: «Измите, Ангелы, старца сего от лица Моего, как виновника в гибели Евлогия, бывшего нищелюбца и верного слуги Моего!». Но тут явилась Божия Матерь и стала умолять Господа о прощении. Тогда Господь сказал старцу: «Вперед не проси того, чего не должно. Я возвращаю Евлогия в прежнее его положение».

Счастлив и радостен проснулся старец и сердечно молился, благодаря Господа и Его Пречистую Матерь за явленные ему в откровении милости и щедроты Свои. Вскоре после этого умер в Царьграде любивший Евлогия царь Иустин, новый царь приказал отобрать у Евлогия все имущество, а самого его убить. Евлогий, случайно проведавший о своей неминуемой гибели, тайно бежал в одежде нищего. Придя же в то место, где прежде

служил каменосечцем и добывал себе и нищим пропитание этим тяжелым трудом и где имел покой душевный и благоволение от Господа, — снова вселился здесь. Все нищие и убогие той местности опять торжествовали и прославляли Господа, ибо к ним вернулся прежний их благодетель, каменосечец Евлогий, который после пережитого им сделался еще добрее и преданнее нищим и убогим».

Этот пример также показывает, что Господь подает человеку то, что будет полезно для него, и поэтому мы должны с благодарением и упованием принимать любой промысел Божий о нас, будь то бедность или богатство. Но об этом мы еще скажем в других разделах.

Далее. Как и в отношении святой нестяжательности, так и в отношении средней степени нестяжательства существует искаженное состояние, которое называется нищенством по лености, и, конечно же, это не та святая нестяжательность о которой говорилось выше. О нем мы уже говорили в главе о лихоимстве, но по соответствию данной теме добавим еще.

Нравственное Богословие (Грехи против 4-ой заповеди, грех - Нищенство по лености или же для нетрезвости): «Не проводи нищенской жизни» (Сир.40,29). Нищие, впрочем, всегда были и будут (Мф.26,11) ...Между тем, сколько же таких нищих, которые могли бы еще работать, и не работают; могли бы еще служить или быть в услужении, особенно женский пол и особенно в летнюю пору, или во время летних сельских работ, когда и дорог человек для того только, чтобы остаться дома с малыми детьми,—могли бы еще нести подобный труд, и—отказываются от него! Вместо работы же и труда собирают на бедность по домам, на площадях и у дверей церковных. Мало этого; целыми артелями разъезжают для сбора подаяний по ярмаркам и к праздникам на собственных лошадях и экипажах, нехудо одетые и обутые. Или вместо должности и ремесла ходят по домам с просительными письмами и умоляют о пособии. Сколько таких, которые собирают себе на прихоти и для удовольствия, к которым при довольстве своей жизни привыкли, но в которых за скудостью средств должны бы отказать себе! Особенно как много обращающих собранную милостыню в вино, и не для вида уже, но по действительной нужде остающихся в самой изношенной и грязной одежде! (А есть - как в столицах - и такие, которые составляют себе от подаяний капитал). Вся эта ложная нищета привыкает к лицемерию, чтоб скрыть свои физические силы и прикрыть свои пороки,— к наглой напрасливости, и к мелким кражам вследствие той же праздности своей. А что сказать о детях, собирающих милостыню с посторонними для них и искусными в своем промысле нищими? Эти с малых лет привыкают к лености и вообще к нищенским порокам, так что иные из них прямо готовят из себя преступников и злодеев. О, как далеко уклонились такого рода нищие с истинного пути жизни! как они позорят имя Христово, выманивая себе им ненужные подаяния! какое зло они составляют в обществе! В слове Божиим сказано: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес.3,10), т.е. кто не трудится, имея силы трудиться, то и не стоит хлеба, и если ест хлеб, то без всякого права, по своей навязчивости или по милости других. «Работая ..., если свой хлеб» (2Фес.3,12), т.е. пусть-де каждый от своих трудов содержится; пусть пропитывается своим трудовым хлебом, который слаще и почтеннее, а чужой должен же жечь его внутренность, как огонь (2Сир.40,32). «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян.20,35), т.е. лучше подавать, чем принимать. Посему-то подвижники и святые Божии и при видимой нищете своей отказывались от подаяний, пропитываясь плетением каких-либо прутьев или другим рукоделием. И у многих из наших нищих стали ли бы двигаться руки и ноги, если бы они захотели хоть частью содержать самих себя. Говорят иные из них к своему оправданию: «наш труд состоит в том, что мы молимся за подающих нам милостыню». Но они не священники чтоб брать на себя труд молитвы за других и больше ничем не заниматься, между тем как имеют еще силы для занятий:—при молитве можно иметь и ручную работу;—молитва сильна при трезвенной и доброй жизни;—а главное—это только слова: и за себя-то нищие помолиться не могут и не хотят, потому что разленились,—потому что

не входят внутрь церкви, когда начнется богослужение, а остаются на паперти и там заводят между собой спор и шум из-за подаваний;—или еще хуже—с паперти церковной прямо уходить в подвальное и подобное тому невидное помещение с продажей спиртного.— О, ложная нищета! о, напрасное попрошайство! зачем же вы так глубоко пали? О, злоупотребители Христовых подаваний, зачем вы отказываетесь от царства небесного, на путях которого уже стоите, подобно Лазарю нищему? Умоляем вас любовью Христовою: обратитесь от тунеядства к посильному труду или же, не имея сил трудиться, не посрамляйте свою ежедневную нетрезвость, которая уже и выступила на лица ваши и говорить сама о себе каждому,—не посрамляйте, не унижай такого же, думается вам?— самого Христа...! потому что вед сам Христос невидимо стоять за плечами вашими, когда ради Его вы просите себе подавания, а добрые христиане ради Его-то подают вам!»).

Итак, мы кратко раскрыли две степени святого нестяжания, и, конечно, не все христиане могут жить такой святой жизнью, и у каждого свой путь, уготованный ему Богом. Есть путь богатого человека, который мы видим в Ветхом Завете.

Петр Дамаскин (Творения, кн.1): «Многие из древних святых, хотя имели много богатства, как Авраам, Иов, Давид и многие другие, но не было в них пристрастия; они имели вещи, как Божии, и чрез них оказались наиболее угодившими Богу».

Есть путь Новозаветный – подражание Господу высочайшими добродетелями.

Петр Дамаскин (Творения, кн.1): «Господь же пресвершенный и единая Самопремудрость и корень сего пристрастия отсек. Ибо последующим Ему подражанием высочайшей добродетели не только не повелел иметь денег и имений, но и души своей, то есть воли и разумения. Зная это, отцы убегали мира, как препятствующего совершенству, – и не только мира, но и хотений своих; ибо никто из отцов не исполнял никогда своей воли. Но некоторые из них пребывали в повиновении телесном, имея вместо Христа отца духовного для всякого разумения. Некоторые в пустыне и совершенном удалении от людей Самого Бога имели учителем, за Которого, по произволению, желали потерпеть и смерть. Некоторые же держались царского пути, то есть пребывания в безмолвии с одним или двумя, имели друг друга благими советниками, для благоугождения Богу. Некоторые же после повиновения, повелением отца, будучи поставлены начальствовать над другими братьями, жили как бы в повиновении, сохраняя предания тех же отцов, и всякое начинание (прохождение подвига) было хорошо».

Таким путем следовало мало людей и они есть «малое стадо».

Феофилакт Болгарский (Толкование на Ев. от Луки, гл.12): «Господь желающих быть учениками Его называет “малым стадом” или потому, что в мире сем святых весьма мало по причине требуемой произвольной нищеты и нестяжательности, или потому, что их меньше, чем ангелов, которых сонмы не имеют числа и несравненно превышают число нас».

Но, несмотря на это, все христиане должны знать об этих степенях, т.к. они укрепляют нашу надежду на Бога, а также обличают нас, многопопечительных, любостыжательных и склонных к хищениям, и приводят к покаянию и изменению нашего образа жизни.

Каким путем нам идти? Отцы говорят, что мы по своему маловерию и нерадению, по своим пристрастиям и страстям не хотим идти святыми путями. Направи нас, Господи, на тот малый путь, который указывают Твои святые:

Петр Дамаскин (Творения, кн.1): «А теперь, так как мы, и в повиновении находящиеся и начальствующие, не желаем оставить своих хотений; потому никто и не приходит в преуспеяние. Однако осталось и есть еще удаление от людей и от дел житейских, для того, чтобы идти царским путем, и, пребывая в безмолвии, с одним или с двумя, и поучаться заповедям Христовым и всякому Святому Писанию день и ночь, чтобы хотя (таким образом) человек, обличаемый совестью и Святым Писанием, чрез

внимательное чтение и молитву, мог достигнуть первой заповеди, то есть страха Божия, происходящего от веры и поучения в Божественных Писаниях».

О степени многостяжания большинства современных христиан

Что же касается третьего поведения людей относительно стяжания, которое заключается в том, что:

Нил Синайский (Добротолубие, т.2,35): «третьи, углубившись во всякого рода труд, на нем основали свою надежду иметь нужное, обеспечение же своей жизни основали на многоимении. Бог забыт: богом для них стало любоимание»,

И мы посвящаем этому всю эту тему о сребролюбии, т.к. большинство из нас, современных христиан, как мы уже убедились, относится именно к этому типу людей, который далек от истинного христианина, а тем более от тех, у кого были святые степени нестяжания.

Нил Синайский (О нестяжательности, гл.4): «А у нас и пища готовится на долгое время, и одежда сообразна с временами года, и дом защищает от стужи и от жара, а равно от всякой непогоды, не оставляется также в небрежении приобретение денег, имущества и всякого излишнего вещества. И как же нашей жизни равняться с жизнью тех, которых не тревожили даже помышления о представлении телесного, но чистое некое вожделение Божественного, непрестанно восхищая их в превыспреннее, убеждало забывать о том, что на земле почитается блистательным? Они ничего не имели на земле, кроме тела, которое природа удерживала долу, как обыкновенно тяжелое и неудобоподвижное к горнему шествию, потому что и его желали бы иметь с собою там, где пребывали умом, размышляя о Небесных благах и никогда не отвлекаясь от тамошнего наслаждения и тамошней пользы, если бы природа не возвращала их опять к телесной потребности, благоговением к Связавшему душу с телом понуждаемых заботиться и о теле, отчуждение от которого по опыту признавали и полезным, и должным».

Нил Синайский (там же, гл.30): «(те кто) совершенно став плотию, всецело посвятили себя на служение земному кумиру: возделывают землю, откармливают скот, занимаются торговлею, упражняются во всяком промышленном искусстве, желая иметь уже не только достаточное для плотской жизни, но и то, что показывало бы их не меньшими пред отличающимися изобилием...».

Также хотим отметить следующее: очень многие люди не знают, что ими владеет страсть сребролюбия, а значит, находятся в неведении себя и своих душевных болезней.

Исидор Пелусиот (письма, ч.2, п.324): «Не огорчайся, наилучший, если я изостряю язык против сребролюбцев, ибо скажу нечто ясное, простое, не требующее доказательства. Болезнь так овладела ими, что они и не почитают ее болезнью. Как эти небожители, разумею монахов, обитающих на горах, не знают, что такое любостяжательность, так не знают сего и они, но не в том же смысл, а в противоположном. Те не знают болезни, потому что далеки от страстей, а эти и болезни не почитают болезнью. Порок так далеко изгнал добродетель, так самоуправствует и все ставит вверх дном, что даже не почитается пороком».

Судя по тому, что существует разные степени святого нестяжания, хорошо понятно, что и у христиан, живущих в миру также есть различные степени как нестяжания, так и многостяжания.

Нил Синайский (там же, гл.31): «Одни апостольски оставляют все, что приобрели, как бы ни было оно мало, - другие приобретают то, чего и не имели. Одни пребывают на безмолвии, внутренне прилагая попечение о скромности и честности, - другие ведут все

роды борьбы, сражаясь за деньги и имущество. Одни законно препираются с духами злобы за Небесные блага - другие за блага земные нападают на других владеющих ими, а равно и сами терпят от них нападения. У одних все время тратится на попечение о спасении души - у других целой жизни, употребляемой на многообразные заботы о теле, едва бывает на то достаточно. Одни, живя беззаботно, и взирающих на них располагают к благодарению, а другие делаются для них виновниками хулы, не делая ничего такого, что было бы достойно обета».

И именно потому что у христиан различные духовные состояния и отношения к материальному миру, мы подробно разбираем эту многоликую страсть, и надеемся, что многим людям она послужила началом или продолжением познания себя. И слава Господу нашему, открывающему все греховные болезни наши, и будем смиренно и с надеждою просить исцеления душ наших у Спасителя Всемилоостивого!

Глава 6: О богатых и бедных людях

О самообмане христиан, поработенных духом мира и сребролюбием

Многие святые говорили о том, что внутреннее и внешнее состояние их современников далеко от состояния первых христиан по причине увлеченности миром.

Авва Афанасий (Отечник Игнатия Брянчанинова): «Отцы наши хранили воздержание и нестяжание, а мы расширили наше чрево и наши кладовые».

Тихон Задонский (Сокровище духовное, Пьянство, о том же): «Видим в Отечестве нашем эту всепагубную язву, которая заразилась не тела, а души христианские. Если посмотреть на роскошь людей, то уже и подлое благородство, и купцы, которые прежде как люди простые ходили и жили, все князьями и вельможами сделались. Не хотят уже жить иначе, как только в богатых и красивых домах. Хотят сидеть только за богатой и полной различной снедью трапезой, хотят вкушать только избранное и дорогое вино, хотят ходить только в шелковых и красивых одеждах, в лисьих, куньих и собольих шубах, хотят проезжаться только в английской карете. И так суета, гордость и пышность этого мира вошла в христиан и день ото дня умножается, что если бы предки наши восстали из мертвых, то не узнали бы своего Отечества. «Предки-де наши не знали, как на свете жить, не умели они добро употреблять».

Осмотришься, друг, к кому это слово больше относится — к вам или предкам вашим? Предки ваши жили в простоте и смирении, и потому по-христиански и разумно жили. Вы в гордости и пышности живете, и потому далеко от христианской жизни отстоите. У предков ваших было меньше роскоши, а больше благочестия. И было меньше нищих и убогих людей, так как меньше они брали с людей и больше давали убогим и нищим. У вас умножилась роскошь — так умножились нищие и убогие, плачущие и кровавые слезы проливающие. Вы начали в богатых домах жить — так много находится таких, которые хижин не имеют, где голову приклонить. Вы начали богатую трапезу поставлять и дорогие вина пить — так многие не имеют дневного пропитания. Вы стали в богатом одеянии ходить — так видим, что многие в рубищах, многие полунагими ходят. Вы вздумали и захотели в каретах и на конях ездить богатых — так многие плачут и жалуется, что не имеют чем землю пахать, и прочее. Сами рассудите: вы разумнее или предки ваши?».

Многие из христиан знают, что материальное богатство не приносит истинного духовного счастья и блаженства, и что временные удовольствия приносят скорбь и мучения. Но это знание остается лишь пассивным знанием, а на деле мы поглощены обустройством этой земной жизни, приобретением и сохранением материальных благ.

Иоанн Златоуст (Толкование на кн. Бытия, бес 22): «...(необходимо) знать, что это временное удовольствие обыкновенно рождает непрестанную скорбь и нескончаемое мучение, а не обманывать самих себя и не думать, будто настоящею жизнью оканчивается наше существование. Правда, большая часть людей не выражают этого словами, напротив даже говорят, что они веруют учению о воскресении и будущему воздаянию; но я обращаю внимание не на слова, а на то, что каждый день делается. Если в самом деле ты ожидаешь воскресения и воздаяния, то для чего так заботишься о житейской славе? Для чего, скажи мне, мучишь себя каждый день, собирая денег больше, чем песку, покупая села, и дома, и бани, часто приобретая это даже грабежом и лихоимством и исполняя на себе пророческое слово: «горе совокупляющим дом к дому, и село к селу приближающим, да ближнему отымут что» (Ис.5,8)? Не это ли видим мы каждый день?».

Поэтому не стоит верить обеспеченному человеку, говорящему типа: «мне все равно в каком доме я живу», но при этом он имеет двухэтажный особняк и занимается его благоустройством; «мне безразлично, на какой машине ездить», но имеет дорогой автомобиль, и при этом меняет его каждый год-два; «у меня нет пристрастия к одежде, но я одеваюсь в дорогие вещи (или имею такую машину), потому что мои партнеры воспринимают состояние моей фирмы по моему внешнему благополучию» и т.п. Говоря так, человек, возможно, и не подозревает о своем заблуждении, и еще не прочувствовал то, что если человек поистине презирает все это, то у него не будет стремления иметь и обустроить большой дом, ему хорошо и в маленькой квартире или домике; если нет пристрастия к машинам и одежам, то никакое мнение партнеров не повлияет на ход его бизнеса, т.к. человек истинно верит, что дела на его фирме идут хорошо, потому что Господь охраняет и помогает ему, а не мнение партнеров. Такие заблуждения говорят о непознании себя, а значит и о том, что в сердце живет любовь к миру и гордость.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, ст.2, гл.1): «Одеваешься в платье, пристойное рангу твоему — безгрешно делаешь. Украшаешь себя одеянием, чтобы пышность показать и почтение от незнающих получить — миролюбец ты и гордое сердце имеешь».

Именно поэтому не стоит верить ни себе, ни тому, кто говорит, что пренебрегает всем тем, что у него есть, а на деле же все более стяжает или пристрастен к своей собственности.

Видя все это, святые отцы обличали таких христиан, указывая их пороки.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, ч.2, § 192): «Кто не старается воли Божией творить, а свою исполняет — тот самолюбец и миролюбец.

Если уклоняешься от зла не ради Бога, а ради стыда, или суда гражданского, или иной какой временной корысти, то ты политик и миролюбец, а не христианин.

Если ищешь чести, славы, богатства в мире этом, хочешь, чтобы тебя хвалили, почитали, прославляли, миру служишь сердцем твоим.

Попал ли в какую напасть и прибегаешь к серебру или золоту, к защитникам своим, чтобы избавиться, — на мир надеешься, а не на Бога; к миру прилепился ты, а от Бога отступил.

Расширяешь дом и строения богатые, украшаешь слуг, коней, кареты, одеваешься в одежды шелковые и разноцветные ради приобретения тщетной славы — похоти плотской, похоти очей, и гордости житейской служишь.

Собираешь столы богатые с дорогими винами и в том увеселение полагаешь — ты чреву раб, твой бог — чрево, а не Господь (Флп.3:19).

Делаешь какое добро, то есть или милостыню даешь, или в церковь ходишь, или постишься, или храмы Божий строишь и украшаешь, или что иное, чтобы явиться пред людьми (Мф. 6:18), — миру угождаешь, а не Богу.

Когда лишаешься отца, или матери, или жены, или детей, или братьев, или друзей, или богатства, или славы, или чести и прочего, и более скорбишь, нежели когда перед Богом согрешишь, и так через грех Бога лишаешься — более любишь мир, плоть свою и

кровь, нежели Христа. Ибо чем более кого любим, тем более скорбим, когда его лишаемся.

Слышишь поносное слово от ближнего своего и гневаешься на него — еще мир имеет место свое в сердце твоём.

Ищешь, как бы зло за зло воздать, отомстить за обиду — единое мыслишь с миром, который не делает ничего, кроме зла.

Боишься бесчестия, изгнания, темницы, ссылки, смерти, и поэтому правды не свидетельствуешь — мира боишься, а не Бога; миру угождаешь, а не Богу.

Ищешь чести и ранга, и поэтому князьям и вельможам угождаешь, ласкаешь и поклоняешься — у мира в подножии лежишь, и миру, как образу тому златому, Навуходносором поставленному (см. Дан 3:1—7), бесстыдно поклоняешься.

Дома богатые, увеселительные пруды, сады, галереи и прочие забавы строишь, дочери приданое или сыну наследство богатое приготавливаешь, а ради имени Христова нагого одеть, или не имеющему, где главы приклонить, хижины построить, или сидящего в темнице за долг освободить, или пленного выкупить, или не могущего прокормиться питать, или в долгах увязшего освободить не хочешь — знай, что плоть и кровь свою и мирскую суету любишь только, а ко Христу никакой любви не имеешь. А когда с людей сдираешь богатство свое, которое для такой непотребной забавы употребляешь, — то не только не любишь Христа, но и гонишь Его бесстыдно со злым миром.

От этих примечаний, любезный христианин, можешь и о прочих пристрастиях к миру рассуждать и верою с помощью Божией от мирской суеты себя отлучать».

Иоанн Златоуст (Толкование на посл. Евр., бес.23): «Гордится, надмевается и радуется теперь диавол; ангелы же, которым мы вверены, стыдятся и скорбят. Нет никого, кто бы исправился; все труды наши напрасны, и вам кажется, что мы говорим вздор. Благовременно и ныне воззвать к небу и, так как никто не слушает, призвать во свидетели стихии: "Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит" (Ис.1:2). Вы, ещё не падшие, подайте помощь, протяните руку падшим от опьянения, крепкие - немощным, здравые умом - неистовствующим, твердо стоящие - колеблющимся; пусть никто, увещеваю вас, не ставит приятность выше спасения ближнего; и укоризны, и внушения пусть клонятся к одному - к его пользе. Когда горячка овладевает господами, тогда и слуги управляют ими; когда душа господина находится в жару и расслаблении, тогда из толпы слуг, окружающих его, ни один не исполняет повелений господина ко вреду его. Образумимся, прошу вас; вокруг нас ежедневные войны, потопления, безчисленные несчастья, и гнев Божий со всех сторон окружает нас. А мы остаемся так спокойными, как будто мы делаем угодное (Богу); все мы простираем руки на любостяжание, и никто - на вспомоществование (ближним); все - на хищение, и никто - на помощь; каждый старается, как бы увеличить своё состояние, и никто - как бы помочь нуждающемуся; каждый всячески заботится, как бы собрать более денег, и никто - как бы спасти свою душу; все боятся одного, как бы не сделаться бедными, а как бы не попасть в геенну, о том никто не беспокоится и не трепещет. Всё это достойно слёз, укоризн и осуждения. Не хотел бы я говорить об этом, но скорбь вынуждает меня; простите: скорбь заставляет меня говорить многое такое, чего бы и не хотел. Я вижу рану тяжкую, несчастье неутешное, постигшие нас бедствия, превышающие всякое утешение, - мы погибли! "О, кто даст голове моей воду и глазам моим - источник слез! я плакал бы день и ночь..." (Иер.9:1)? Будем плакать, возлюбленные, плакать и рыдать».

Иоанн Златоуст (Творения, т.7): «Мы всеми силами стараемся приобрести землю и за несколько десятин земли и домов не только не жалеем денег, но даже проливаем кровь, а для приобретения неба не хотим пожертвовать и самыми избытками, между тем как могли бы купить его за малую цену и, купивши (его), обладать им вечно. Потому-то мы и подвергнемся крайнему наказанию, если придем туда наги и нищи, и не за свою только бедность (в милостыне) будем терпеть несносные мучения, но и за то особенно, что и других вовлекли в подобное состояние. В самом деле, если язычники увидят, что и мы,

сподобившись великих таинств, привязаны к земному, то тем более сами будут прилепляться к нему. Чрез это мы сами собираем сильнейший огонь на главу нашу. Нам надлежало бы учить их презирать все видимое, а мы вместо того больше возбуждаем в них пристрастие к нему. Как же мы можем спастись, когда должны будем подвергнуться истязанию за погибель других?».

Далее. Мы уже говорили, что страсть сребролюбия сравнивается со страстью пьянства. И считается, что если богатый или небогатый человек, живя без Бога, упивался похотями мира в своей мере, то тот, кто пришел к вере отрезвляется от этого опьянения. Но, к сожалению, не все христиане, не зависимо от своего благосостояния, протрезвились, а продолжают служить мамоне и упиваться мирскими «наслаждениями».

Тихон Задонский (Сокровище духовное, Пьянство, о том же): «Пьяный от вина, пока пьет, не чувствует, сколь вредно пьянство. Так и упившийся похотями мира сего не знает, как вредны эти похоти, пока в них пребывает. Ибо как у него, так и у другого ум помрачен. Упившийся вином, как начнет протрезвляться, узнает, как вредно пьянство. Так и упившийся похотью мира, когда начнет в чувство приходиться, узнает, как вредны похоти этого мира. Протрезвляющийся от пьянства чувствует в теле немалую слабость. Так и от прихотей этого мира отстающий познает души расслабление. Как пьянство от вина тело, так и прихоти мира сего душу расслабляют.

Человек, протрезвившись от пьянства, жалеет и стыдится, что без меры вино употреблял, в бесчувствии был и бесчинно поступал, и так сам себе вредил и людям смех был. Так и христианин, пришедший в чувство, жалеет и стыдится, кается и сокрушается, что за прихотями этого мира гонялся и оставлял истинное добро, и все прежние дни, как погибшие, оплакивает. Тогда он познает, в какой суете и прелести жил.

Так Соломон, придя в чувство и познав дела свои суетные, признался, говоря: Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произрастающих деревья; приобрел себе рабов и рабынь, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц, и услаждения сынов человеческих, виночерпиев и виночерпиц. И сделался я великим и приобрел мудрость больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребыла со мною. И все, чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих, и это было моею долею от всех трудов моих. И оглянулся я на все дела мои, которые сотворили руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, все — суета (Еккл 2:4—11).

Так и ты, христианин, когда протрезвишься от этого душевредного пьянства, то воистину познаешь, что все, что ты ни делал, ни думал, ни замышлял и ни начинал, — суета и прелесть. И что тебе казалось красивым, то в себе безобразно; и что виделось тебе хорошим, то внутри зло. И признаешь сам, что все — суета. Ибо о прелести всегда кажется, будто это нечто, но как рассмотришь ее, то увидишь, что внутри себя она — ничто, и кажется нечто сладким, а внутри горькое. Напившись вином, обычно надо много воды пить, чтобы водой удобнее выгнать горячность, прибывшую от вина. Ты, христианин, возьми в рассуждение последние четыре: рассуждай почаще о смерти, при которой все прихоти свои оставишь, о Страшном Суде Христовом, перед которым надобно и тебе явиться, как и всем, о блаженной вечности, в которую пойдут боголюбцы, и о несчастливой и мучительной, которой не избежат любящие мир сей и все грешники. Таким рассуждением гаши, как водою, пьянство, в сердце твоём кроющееся».

Как видим, мы зачастую остаемся опьяненными, а значит, находимся в ветхом состоянии и являемся христианами, живущими по законам и похотям мира. Поэтому когда далее мы будем рассматривать отдельно вопрос о бедных и богатых христианах, то

пусть каждый из нас сам определит то, по каким законам он живет – мира или Христа, и чьи мы сыны – века или света.

Феофилакт Болгарский (Лк.16,1-3): «“Сынами века” сего называет тех, кои придумывают все, что на земле полезно для них, а “сынами света” тех, кои из любви к Богу должны преподавать другим духовное богатство. Итак, здесь говорится, что люди, поставляемые в управители человеческим именем, всячески стараются о том, чтобы после отставки от управления иметь утешение, а сыны света, поставляемые, то есть получающие в доверие управление духовным именем, нисколько не думают о том, чтобы после сего получить себе пользу. Итак, сыны века сего суть те, коим вверено управление человеческими делами и кои “в своем роде”, то есть в жизни сей, умно ведут свои дела, а сыны света те, кои приняли имя с тем, чтобы управлять им боголюбезно. Оказывается, что, управляя человеческим именем, мы умно ведем свои дела и стараемся, чтоб иметь какое-нибудь убежище жизни и тогда, когда будем отставлены от сего управления. А когда управляем именем, коим должно распоряжаться по воле Божией, мы, кажется, не заботимся о том, чтоб нам по преставлении из здешней жизни не подпасть ответственности за управление и не остаться без всякого утешения. Потому мы и называемся неразумными, что не думаем о том, что будет полезно для нас после сего».

Сынами века сего руководит мирской дух и поэтому мы кратко напомним, что это означает.

Феофан Затворник (Созерцания и размышления, Дух жизни): «Противоположный духу Христову есть дух мира, по велению которого в богозабвении действуют неумолимо, гонясь за пустыми, мечтательными целями, никогда их не достигая и никогда не услаждаясь покоем достижения. Иначе именуется он «духом лестчим» (1Тим.4:1), который под разными благовидностями увлекает многих, преобразуясь в ангела света. Например, нельзя не приобретать; но кто с забвением Бога и святого Его закона предаётся любоиманию, тот воодушевлен духом недобрым; приобретай, но только в Боге и для Бога. Нельзя не иметь приятностей в жизни - иначе жизнь не в жизнь; но кто поставляет целью себе одни утехы и удовольствия, тот уклонился не на добрый путь. Надо стараться иметь доброе имя; но кто хлопочет только о том, чтобы слышать одни добрые отзывы о себе или шум лстящей молвы, тот преследует мечтательную цель. Все это духи неправые, из которых каждый разрастается во многие отрасли и виды и которых нет возможности исчислить. Общее всем им одно - отклонять от Бога и, погружая в богозабвение, погашать ревность о спасении».

Феофан Затворник (Созерцания и размышления, Хитрость лукавого): «В наш век дух мира силится взять преобладание над духом Христовым, но смотрите, чем хочет он достигнуть этого? Гонений не воздвигает, а что делает? Хочет отбить у нас орудия нашего воинствования - молитву, пост и милостыню. И вот вы и в печати, и в речах, и в шутку, и серьезно, всюду встречаете у миролюбцев нападки то на чины церковные и милостынеподавание, то на пост, на всякое подвижничество и строгость к себе. Знает, хитрец, что если он успеет отбить нас от этих орудий жизни христианской, то победа и без особой усиленной брани будет на его стороне, потому что без них мы, как безоружный и обнаженный воин, непременно падём и попадём в плен. Да, впрочем, отступление от них и само есть уже падение и плен».

Ст. Паисий Святогорец (Слова, ч.1,гл.3): «...величайший враг нашей души, враг больший, чем даже диавол, это мирской дух. Он сладко увлекает нас и навеки оставляет нас с горечью. Тогда как если бы мы увидели самого диавола, то нас охватил бы ужас, мы были бы вынуждены прибегнуть к Богу и без сомнения шли бы в рай. В нашу эпоху в мир вошло много мирского, много духа мира сего. Это "мирское" разрушит мир. Приняв в себя мир сей, (став изнутри "мирскими"), люди изгнали из себя Христа».

Сынами Божиими руководит дух Божий, который побуждает человека отречься от духа мира.

Симеон Новый Богослов (Слово 21): «Все те, которые соделываются сынами Божиими по благодати чрез святое Крещение, всеконечно суть последние и беднейшие в мире сем, ибо ничего не хотят от мира сего. Познавши чувством души своей, что соделались сынами Божиими, они терпеть уже не могут никакого богатства привременного, ни украшаться какими-либо уборами тленными и маловременными, яко облекшиеся во Христа и имеющие сокровище на небесах. Да и какой человек, скажи мне, будучи одет в царское одеяние, согласится надеть поверх его какую-нибудь другую одежду, ветхую, изорванную и испачканную? Но и те, которые не познали, что сделались сынами Богу, и обнажились от царского оногo одеяния, а потом покаялись, взяли за подвиги, начали делать всякие добрые дела и таким образом возвратили себе благодать Крещения, - и они являются облеченными во Христа, и они делаются сынами Богу, как бывает и чрез святое Крещение. Которые же не делают ни того, ни другого (то есть не облачаются во Христа ни чрез Крещение, ни потом чрез покаяние), те, хотя бы всех голых в мире одели, что полезного для себя сделали бы, когда себя самих оставляют обнаженными от Божественной благодати?».

Далее. В теме «О прелести» уже говорилось, что против православных христиан враг воюет страстями и тем отдаляет их от Бога.

Симеон Новый Богослов (Слово 44): «...диавол сделался многоискусен в воевании с людьми и воюет с ними пятью кознями: еллинством, иудейством, ересями, противоправославным образом жизни и (неразумными) подвигами добрых деланий. ... Православных удаляет от Бога худыми делами и жизнью противною православию, именно: сребролюбием, сластолюбием, славолубием...».

Также многие из нас знают некоторые пророчества святых о том, что люди будут поражены сребролюбием, и будут стремиться все более и более увеличивать свое состояние, т.е. давать его в лихву.

Нифонт Цареградский (из книги «Руководство к духовной жизни преподобных Варсануфия Великого и Иоанна»): «...сребролюбие же будет царствовать тогда, и горе монахам, богатеющим златом, ибо таковые будут поношением для Господа Бога и не узрят лица Бога Живаго. Монах или мирянин, которые дают в лихву злато свое, если не отступит от такого лихоимства, будет погружен в глубоком тартаре, потому что не пожелал принести (злата своего) в жертву Богу через благотворение нищим».

Но всё это, к сожалению, не увещевает нас и не останавливает. Сейчас будет приведено толкование на третье видение Ерма (Пастырь), которое было о строении башни из камней, изображающей Церковь. Вот как в нем говорится о различных камнях, которые являются образом христиан.

Ерм (Пастырь): «Камни квадратные и белые, хорошо приходящиеся один к другому своими соединениями, это суть апостолы, епископы, учителя и дьяконы, которые ходили в святом учении Божиим, надзирали и свято и непорочно служили избранникам Божиим, - как почившие, так и живущие еще доселе, - которые всегда пребывали в мире и согласии и слушали взаимно друг друга: потому-то они и в здании башни хорошо примыкают один к другому. А камни, извлекаемые из глубины и закладываемые в здание и соприкасающиеся с прочими камнями, вошедшими в здание, это суть те, которые уже умерли и пострадали за имя Господа.

...Те, которые неотделанными кладутся в основание башни, означают людей, которых Бог одобрил за то, что они жили праведно пред Господом и исполняли Его заповеди. А которые приносятся и кладутся в само здание башни, это суть новообращенные к вере и верные. Ангелами призываются они к совершению добра, и потому не нашлось в них зла. «А те камни, которые откладываются в сторону возле башни?» Она ответила: - Это те, которые согрешили и желают покаяться; потому они брошены невдалеке от башни, что будут пригодны, если покаются. Посему желающие покаяться будут тверды в вере, если только принесут покаяние теперь, пока строится башня. Ибо когда строительство окончится, то им уже не найдется места в самом здании,

и они, отверженные, только останутся лежать при башне. Желаете знать, кто те камни, которые раскалывают и отбрасывают далеко от башни? ...- Это суть сыны беззакония, которые уверовали притворно и от которых не отступила неправда всякого рода; потому они не имеют спасения, что не годны в здание по несправедности своей, - они расколоты и отброшены далеко по гневу Господа за то, что оскорбили Его. А значение прошлых камней, которые во множестве видел ты сложенными и не использованными в строительстве, таково. Шероховатые суть те, которые познали истину, но не остались в ней и не находятся в общении со святыми, потому они и не годны. Камни с трещинами - это суть те, которые держат в сердцах вражду друг к другу; будучи вместе, они миролюбивы, но, разойдясь, обретают в сердцах злобу. И эта злоба - трещины в камнях. Камни меньшего размера - это те люди, которые, хоть и уверовали, но имеют еще много неправды, поэтому они коротки». «Кто же, госпожа, белые и круглые камни, что тоже не идут в здание башни?» Она отвечала мне: «Доколе ты будешь глуп и неразумен? Ты обо всем спрашиваешь и ничего не понимаешь. Белые и круглые камни - это те, которые имеют веру, но имеют и богатства века сего; и когда придет гонение, то ради богатств своих и попечений они отрекутся от Господа». «Когда же будут они угодны Господу?» «Когда отсечены будут богатства их, которые их утешают, тогда они будут полезны Господу для здания. Ибо как круглый камень, пока не будет обесечен и не лишится некоторых своих частей, не сможет стать квадратным, так и богатые в нынешнем веке, если не лишатся своих богатств, не смогут быть угодными Господу. Прежде всего ты должен знать это по себе самому: когда ты был богат, был бесполезен; а теперь ты полезен и годен для жизни; ты и сам был из числа тех камней. Прочие же камни, которые ты видел, были отброшены далеко от башни, катились по дороге и с дороги скатывались в места пустынные, означают тех, которые, хотя уверовали, но, по сомнению своему, оставили истинный путь, думая, что они могут найти лучший. Но они обольщаются и бедствуют, ходя по путям пустынным. Камни, упавшие в огонь и горевшие, означают тех, которые навсегда отказались от живого Бога и которым, по причине преступных похотей, ими творимых, уже не приходит мысль покаяться».

Давайте посмотрим, каким камнем каждый из нас является и находится ли он в истинной Церкви Христовой?!

Кратко скажем о том, что можно условно назвать три способа жизни в миру: первый способ – живя в миру, отречься от его нравов и законов; вести уединенную и нестяжательную жизнь; входить в отношения с миром только по действительным потребностям, а все основное время посвящать Богу. Это пример Марии, сидящей у ног Иисуса. И это способ жизни «живущего в миру, как не живущего». Второй способ – пример Марфы, которая печется о необходимом, но и делает это ради Господа и людей, подавая милостыню и помогая другим материально. Третий способ – порочный – погрязнуть в делах мира, жить по его законам и нравам, и только обманчиво утешать себя званием «христианина» и «верой в Бога в душе» (но о нем мы не будем говорить). Поэтому приведем толкование Святого Евангелия от Луки 10, 38-42 о Марфе и Марии для того, чтобы еще раз вспомнить, какой образ христианской жизни угоден Богу.

Авва Моисей (Собеседования Иоанна Кассиана, 1,8): «Итак, главное старание у нас, постоянно желаемое, неизменное назначение (цель) сердца должно состоять в том, чтобы дух всегда прилеплялся к божественным предметам и к Богу, а все прочее, не имеющее отношения к этому, хотя бы и казалось великим, надобно считать вторым или низшим или даже вредным. Дело это прекрасно изображается в Евангелии в лице Марфы и Марии (см.: Лк.10,38-42). Марфа хотя и святым делом занималась, так как услуживала Самому Господу и Его ученикам, а Мария, внимая только духовному учению, сидела при ногах Иисуса, целуя их, мазала маслом доброго исповедания; однако ж Господь предпочитает последнюю первой, потому что она избрала лучшую долю, и притом такую, которая никогда не может быть отнята у нее. Ибо когда Марфа, занятая благочестивою работою и распоряжением, трудилась, и, видя, что она одна не может успеть в таком служении,

просила у Господа помощи сестры, говоря: «Господи, не брежеш ли, яко сестра моя едину мя остави служити? рцы убо ей, да ми поможет» (Лк.10,40). Хотя она не к маловажному делу, а к похвальному служению приглашала ее, однако ж что слышит от Господа? «Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе, а немногое или даже едино же есть на потребу. Мария же благую часть избра, яже не отыметя от нея» (Лк.10, 41-42). Итак, видите, главное благо Господь поставляет в одном Божественном созерцании (познании). Посему хотя прочие добродетели мы называем полезными и необходимыми, однако ж утверждаем, что надобно считать их на второй степени (по достоинству); потому что все они совершаются для этого одного (созерцания). Ибо Господь, говоря: «печешися и молвиши о мнозе», а нужно немногое или даже только одно, поставляет высшее благо не в деятельном, хотя и похвальном труде, изобилующем многими плодами, но в созерцании Бога, которое просто и одно есть, — утверждает, что немногое нужно для совершенного блаженства, то есть то созерцание, которое прежде соблюдается в рассматривании немногих святых (предметов), от созерцания (познание) коих состоящий на пути преспеяния, восходя, приходит и к тому, что называется единым, то есть видению одного Бога, при помощи Его, чтобы, с превосходством совершив дела и дивные служения святых, наслаждался знанием и велелепием уже одного Бога. Следовательно, Мария избрала благую часть, которая не отнимется от нее. Это надобно рассмотреть внимательнее. Когда Господь сказал: «Мария избрала благую часть», хотя о Марфе умолчал и по-видимому никак не укорил ее; однако ж, похваляя Марию, Он тем показал, что Марфу считает ниже ее. Опять словами: «яже не отыметя от нея», — Он показывает, что от Марфы доля ее может быть отнята. Ибо телесное услуживание не может постоянно пребывать с человеком; а служение Марии никогда не может вовсе кончиться».

Платон, Митр. Московский (т.5., Слово на день Владимирской Богородицы): «Марфа угощала Спасителя: и хотя угощение то происходило от доброго сердца: но как оно состояло в одном угощении телесном: то ничего в себе не содержало, кроме тления: Мария сестра ее таковых услуг не представляла небесному Учителю: а напротив сама от него сладчайшею слова Божия пищею была угощаема: однако сие самое вменил Он за наилучшее угощение свое. Марфа означает человека о житейских выгодах заботящегося: Мария есть образом всех о душевном спасении более прилежащих. Одно другого превосходнее: однако и то и другое в своем роде есть нужно. Нельзя опорочить людей о пропитании своем промысляющих; но нельзя похвалить, когда они о сем единственно думают. Марфа не похвалена, не для того, чтоб ее старание было порочно: но что излишнею и не благовременною занимала себя заботою: «Марфа Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом» (Лк.10,41) то есть, суетишься, и заботишься с излишеством. А Мария похвалена не за то, чтоб ей все житейское оставить попечение: но что умела избирать время, то есть, когда небесный Проповедник открыл источник своего учения, она не за приуготовлением пищи побежала: но, взяв почерпало веры, оным из источника жизни поила свою жаждущую душу. «Мария же избрала благую часть» (Лк.10, 42). Рассуждение Спасителево было и есть, что и то и другое оставлять не надобно: однако одно другому должно предпочитать».

О богатых и бедных христианах

Мы – все христиане, но среди нас есть бедные, обеспеченные в различной степени и богатые люди, поэтому теперь поговорим о христианах с этой точки зрения.

В мире есть явно выраженное разделение на богатых и бедных. Оно вошло через страсть любоимания.

Симеон Новый Богослов (Слово 21): «Все вещи, сущие в мире сем, создал Бог обще для всех людей, как-то: солнце, от коего получаем свет, воздух, коим дышим, пастбища для скотов в лугах и на горах и другое, все обще всем, чтоб каждый пользовался

тем на свою потребу, а не завладевал, как господин. Но привзошло в жизнь нашу, как тиран какой, любоимание, и то, что Господь Бог дал обще для всех, разделило одним рабам своим, состоящим в его власти, иным таким способом, другим - другим, обгородив участки оградами и башнями, с вратами и запорами, а прочих всех лишило пользования благами, кои Бог дал обще всем. И говорит еще оно, развращенное: я госпожа всего и всем владею, все мое, а не обще, и спорит, будто оно никого не неоправдывает. А слуги и угодники этой тиранки, то есть любоимания, бывают обыкновенно не господами и владыками тех вещей и денег, а их рабами и стражами».

Любоимание видимо разделило людей, но в Церкви Христовой такое разделение в корне отличается от того, которое есть в мире. По промыслу Божию в Его храмах стоит рядом бедный и богатый, участвуя в Таинствах, и Господь принимает молитвы и того и другого. Если же происходили случаи разделения, то они строго воспрещались.

Иоанн Златоуст (Толков. на Пс.48): «У вас (богатых и бедных) общая природа, общее рождение, общая собственность: для чего же ты делаешь внешнюю принадлежность поводом к разделению? Я не терплю этого, и потому призываю тебя вместе с бедным: "богатый вместе с убогим". В других местах не увидишь вместе богатого и бедного, ни в судилищах, ни в царских чертогах, ни на торжищах, ни на пиршествах; там один в чести, другой в презрении, тот с дерзновением, этот со стыдом: "мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают" (Еккл.9:16); "заговорил богатый, – и все замолчали и превознесли речь его до облаков; подвергся несчастью бедняк, и еще бранят его; сказал разумно, и его не слушают" (Сир.13:27,28). А здесь не так. В церкви я не терплю такого преимущества и такого безумия, но предлагаю всем общее учение».

Вышеуказанное разделение на бедных и богатых свойственно христианам при ведении их мирских и домашних дел. В такие моменты мы склонны разделять людей по их материальному достатку, и, как правило, осуждать и даже завидовать богатым людям, при этом забывая, что они такие же христиане. Поэтому кратко укажем на основные вопросы, связанные с понятиями «бедный» и «богатый».

Во-первых, в учениях отцов можно часто встретить сравнительный анализ внешней жизни богатых и бедных людей.

Нил Синайский (К монаху Агафию, гл.7): «Но в жизни нашей никакого нет единообразия. Одни не довольствуются заботами о богатстве, от великой попечительности об имуществе не имеют времени для сна, по слову сказавшего: «Насытившегося богатством земли не оставляет оно уснути» (ср.: Еккл.5,11): всячески высчитывает он доходы, расчисляет месячный рост, все продолжение ночи употребляет на то, чтобы, опустив что из памяти, не утратить и малой какой выгоды. Другие не имеют в достатке и необходимого, пребывая без пищи, с пренебрежением к этому предаются сну, и великое для них приобретение продлить беспробудность сна, оставаться нечувствительными к своей скудости. У одних позлащенные огромные дома стоят пустыми, без людей, служа обширным обиталищем воронов и сов, а может быть, и губительных демонов, а у других для укрытия нет и в три локтя помещения. У одних служит даже на бесчестные потребности серебро, перекованное в тяжеловесные сосуды, назначаемые для принятия в себя мочи и нечистот чрева, а у других нет и глиняного черепка, в котором бы в жажде поднести воду к устам. У одних по варварскому безумию гниет дорогая одежда, а у других для прикрытия срама нет и рубища из лоскутков. У одних тесно на столе от снедей всякого рода, и земных, и воздушных, и водяных, ибо нет ничего такого, чего не вкушало бы сластолюбие, всюду распростершее всеуловляющие сети, в которые вовлекает обитающих в глубинах и близ самого эфира и уготовляет из них обильное наслаждение сластолюбцам, между тем как жалкое чрево отчаивается в возможности насыщения, оказывается уже недостаточным к тому, чтобы служить ненасытности неудовлетворимого пожелания, которого в неудержимом стремлении не останавливает наполнение внутренних сосудов, потому что пределом потребности

почитает не удовлетворение оной, но одно то, чтобы не оставить ничего приготовленного. Почему как приемлющие сосуды при сем расторгаются и не выносят тяжести пресыщения, то сластолюбие при всем обилии остается неудовлетворенным, мучаясь жадностью при виде оставленного и жалуясь на малый объем чрева, не способного вмещать в такой мере, в какой оно желает, и всего того, что оно в неудержимом стремлении зияет жадно поглотить. А у других пожелание ограничивается одним куском, и отчасти удовлетворить потребности почитают они роскошью, потому что пресыщение заставляет примышлять многие новые одно за другим изобретенные удовольствия, даже и ненадолго не пользуясь удовольствиями привычными, если в том, что услаждает, не будет частых и непрерывных перемен, которые, поражая необычайностию, привлекают к себе ни на чем не останавливающееся пожелание и услаждают вкус то тем, то другим качеством; напротив того, скудость убеждает одно полезное признавать любимым, повелевая наполнять пустоту, а не услаждать вожделение».

Такое сравнение дается при указании нечестивого богатого и благочестивого бедного. Но, к сожалению, как мы уже разобрали, не все бедные благочестивы, и, к радости, не все богатые нечестивы. Из этого выходит второй вопрос, встречающийся в учениях отцов о бедном и богатом.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, гл.8): «§110. Сребролюбие, как и всякая страсть, в сердце у человека имеет свое место и сердцем обладает. Следовательно: сребролюбец не только тот, который самым делом всячески богатство собирает и хранит у себя, не уделяя требующим; но и тот, кто хотя и не собирает и не имеет, но ненасытно желает его. ...Нищий, который хотя бы и ничего у себя не имел, но имеет к богатству любовь, есть истинный сребролюбец. И потому не тот, кто много имеет, но кто много желает, и не тот, кто богат, но кто к богатству сердцем прилепляется, порочится».

Феофан Затворник (Толкование на 1Тим.6,9): «А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу». Укор не вообще богатство имеющим, но пристрастным к нему, жаждущим его, гоняющимся за ним и употребляющим его только в свое собственное удовольствие и удовлетворение своих пожеланий и страстей. Возможно и обладание богатством безукоризненное, и пользование им похвальное, — относительно чего ниже и дает Апостол уроки, — ст.17 и д. Почему сказал: «желающие» — обладаемые желанием, непрестанно им влекомые и снедаемые. «Не сказал просто: богатящиеся (обладающие богатством), но: «желающие обогащаться»... «Не тех, которые, имея стяжания, хорошо распоряжаются ими, не пристращаясь к ним и раздавая их бедным, обличает Апостол, а тех, которые жаждут приобретения" (св. Злат.)».

Исходя из этого ясно, что «не все богатые будут осуждены на мучения; также и не все убогие и нищие будут посланы в рай» и не все бедные лишены страсти сребролюбия.

Дмитрий Ростовский (Поучение в неделю 22-ю по Святом Духе): «Пусть будет известно и то, что не все богатые будут осуждены на мучения; также и не все убогие и нищие будут посланы в рай. Много и богатых окажется в царстве небесном, много и нищих будет в геенне огненной. Те богатые, которые приобретают себе богатство от безгрешных промыслов, от своих собственных трудов, от справедливых сборов, которые, кроме того, милосердны и благоподатливы, - такие...покупают себе великое спасение. Не слышим ли мы, что многие, бывшие в жизни сей богатыми, ныне находятся в царстве небесном? Богат был царь Давид, не нищие были и святые праотцы Авраам, Исаак и Иаков, а все они спасены. Также и в новой благодати много царей, вельмож, богатых и славных, о которых мы знаем, что они спасены, и некоторые из них даже в святцах считаются между святыми. Нищие же, убогие, которые ленятся работать и трудиться, а питаются воровством, крадут или на разбой идут, или другое что-либо делают худое, или ищут пропитания только от милостыни, от подаяния людского, и лезут в глаза людям, точно смола, хотя другие могли бы и трудиться, и зарабатывать себе хлеб, - такие не только не получают себе в будущей жизни милости Божией и царства небесного, но будут

посланы даже и в муку вечную и будут мучиться с бесами во веки. Таким образом, богачи праведные и добродетельные и в сей жизни богаты, и в будущей жизни наследуют богатство небесное. Нищие же воры, лежни и тунеядцы и здесь нищи, и там будут нищи, а сверх того они будут осуждены и на муку вечную, от чего да избавит нас Христос Бог Своим милосердием. Аминь».

В-третьих, сравнивая положение бедных и богатых в этой жизни и в будущей, отцы однозначно говорят о превосходстве пути благочестивого бедного над путем богатого человека.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «Смотри на богатого и нищего: богатый проживет дни свои, и нищий проживет. Богатый живет в богатых покаях, богатым столом насыщается, в богатую одежду одевается, нищий — в хижине, хлебом с водой питается, в рубищах ходит, но также дни проводит, как и богатый. У богатого и нищего вчерашний день прошел, то же и впредь будет. Богатый имеет сокровище, но с сокровищем имеет и попечение, страх и боязнь, как бы его не лишиться; нищий не имеет сокровища, но не имеет и страха. Богатый боится воров и разбойников; нищий от этого свободен. Богатый вместе с богатством часто и жизни от злодеев лишается; нищий этого не боится, ибо на нищего не нападает разбойник. Богатому многие завидуют, как самое дело показывает; а кому завидуют многие, тому много и козней бывает, ибо зависть без того не бывает; нищий того не опасается, ибо кто нищете позавидует? Богатый осуждению и злословию подлежит из-за скупости и немилосердия; нищий того не знает, ибо кто чего не имеет, того и не дает. Богатый должен расходовать богатство по воли Божией, иначе перед судом Божиим будет виноват; нищий от того свободен.

С богатством почти всегда неразлучна гордость, начало всякого греха; нищета учит смирению. Богатство или скупостью связывает, или роскошью и сластолюбием расслабляет сердца богатых; в нищете того нет, ибо что нищему давать, когда ничего сам не имеет? Или на что роскошно жить, когда терпит недостаток? Богатому следует ответ дать перед Богом о расходе богатства; нищий о том не думает. Богатый перед смертью рассуждает, кому и как оставить богатство, нищий о том не заботится. Богатый, умирая, оставляет богатство, нищий как не имел, так и не оставляет. Богатому и при смерти не допускает богатство заботиться о душе своей, а нищий об одной душе своей подвизается.

О богатых говорит Христос: Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в царство небесное (Мф 19:23). О нищих — не то; но что? Послушайте, — говорит апостол, — братья мои возлюбленные: не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками царствия, которое Он обещал любящим Его (Иак 2:5)? Да не помыслит кто, что богатство само собой губит и нищета сама собой спасает! Но как неверие с плодами своими к погибели приводит, так вера, действующая любовью (Гал 5:6), дверь к вечной жизни открывает. Всем Бог хочет спастись — богатым и нищим; но по большей части нищие этой спасительной Божией воли повинуются; а богатые, прилепившись к суете мира сего, отрекаются от нее. Отсюда слышим, что званые на вечерю великую начали все извиняться, все житейскими попечениями запутанные. Один сказал: Я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня. Другой сказал: Я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня. И третий сказал: Я женился и потому не могу прийти (Лк 14:16—20). Это означает не что иное, как пристрастие к земным и тленным вещам, презрение Слова Божия и преслушание воли Божией, которая хочет, чтобы все спаслись (1 Тим 2:4). Напротив, нищие, хотя их и отводят от спасительного пути общие враги — дьявол, плоть и мир, но много им нищета против них помогает, как выше сказано. Видишь, сколь блаженнее нищета по сравнению с богатством, хотя люди за этим гоняются, а той избегают!»

Но если говорить об отречении от мира, то отречение богатого достойнее отречения бедного. В разделе «О вольной бедности» был приведен рассказ из Пролога о двух подвижниках, которые по-разному отреклись от стяжания. До того, как начать вести

подвижнический образ жизни, один был нищий, и ему не отчего было отказываться, а другой был очень богат и отказался от всего.

В четвертых, среди некоторых людей принято считать, что бедные нуждаются в богатых, и это так. Но и богатые не менее, а иногда и более, нуждаются в том человеке, который питается от трудов своих.

Ерм (Пастырь, подобие 2-ое): «Однажды, когда я, прогуливаясь по полю, увидел вяз и виноградное дерево и размышлял о плодах их - пастырь явился мне и спросил:

- Что ты думаешь об этом виноградном дереве и вязе?

- Думаю, что они пригодны друг для друга. И сказал он мне:

- Эти два дерева являют рабам Божиим глубокий смысл.

- Желал бы я познать, господин, этот смысл.

- Смотрите же, - сказал он, - это виноградное дерево имеет плод, а вяз - дерево бесплодное; но виноградное дерево не может приносить обильных плодов, если не будет опираться на вяз. Ибо, лежа на земле, оно дает гнилой плод; но если виноградная лоза будет висеть на вязе, то дает плод и за себя, и за вяз. Итак, видишь, что вяз дает плод не меньший, а гораздо больший, нежели виноградная лоза, потому что виноградная лоза, поддерживаемая вязом, дает плод и обильный и хороший, но, лежа на земле, дает плод плохой и малый. Этот пример служит притчею рабов Божиих, для бедного и богатого.

- Каким образом, объясни мне.

- Слушай, - говорит он, - богатый имеет много сокровищ, но беден перед Господом. Занятый своими богатствами, он очень мало молится Господу и если имеет какую молитву, то скудную и не имеющую силы. Но когда богатый подает бедному то, в чем он нуждается, тогда бедный молит Господа за богатого, и Бог подает богатому все блага, потому что бедный богат в молитве и молитва его имеет великую силу пред Господом. Богатый подает бедному, веруя, что ему внимает Господь, и охотно и без сомнения подает ему все, заботясь, чтобы у него не было в чем-нибудь недостатка. Бедный благодарит Бога за богатого, дающего ему. Так люди, думая, что вяз не дает плода, не понимают того, что во время засухи вяз, имея в себе влагу, питает виноградную лозу, и виноградная лоза благодаря этому дает двойной плод - и за себя, и за вяз. Так и бедные, моля Господа за богатых, бывают услышаны и умножают богатства их, а богатые, помогая бедным, ободряют их души. Те и другие участвуют в добром деле. Итак, кто поступает таким образом, не будет оставлен Господом, но будет вписан в книгу жизни. Блаженны те, которые, имея богатство, сознают, что они обогащаются от Господа, ибо кто почувствует это, тот может совершать добро».

Иоанн Златоуст (т.12, Сл.11): «Богом премудро установлена такая необходимость для нас пользоваться взаимными услугами, что, хотя бы кто-нибудь был богаче всех людей, он и в таком случае не может обойтись без этого взаимообщения и не нуждаться в меньшем. Не только ведь бедные нуждаются в богатых, но и богатые в бедных, и последние нуждаются даже больше в первых, чем первые - в последних. И чтобы тебе видеть это яснее, создадим, если угодно, два города, один - только одних богатых, другой - бедных, и пусть ни в городе богатых не будет ни одного бедняка, ни в городе бедных - ни одного богача, и посмотрим, который из них более может быть сам для себя довлеющим. Итак, в первом городе, городе богатых, не будет ни одного ни ремесленника, ни зодчего, ни плотника, ни башмачника, ни хлебопека, ни земледельца, ни кузнеца, ни веревочника, ни чего-либо другого подобного. Кто, в самом деле, из богатых захочет когда-нибудь приняться за такие дела, если и сами те, которые занимаются ими, когда становятся богатыми, не выносят тяжести этих трудов? Как же будет существовать у нас этот город? Богатые, скажешь, давши серебро, купят это у бедных. Но как же они построят дома? Или и это купят? Но это по самому существу дела невозможно. Необходимо, следовательно, призвать туда мастеров; и, таким образом, нарушить закон, который мы установили вначале, созидая город. Посмотрим теперь на город бедных, будет ли и он точно так же терпеть недостаток, будучи лишен богатых. Предварительно

точно определим при этом богатство, разумея под ним именно золото, серебро, драгоценные камни, шелковые, пурпуровые и золототканые одежды. Что же? Если мы все это удалим из города бедных, станет ли он, скажи мне, вследствие этого недостаточным? Ни в коем случае. В самом деле, надо ли построить дом, или сковать железо, или соткать одежду, для этого нужны не золото, или серебро, или жемчуг, а искусство и руки. Равным образом, если нужно пахать или копать землю, богатые или бедные требуются для этого? Для всякого очевидно, что бедные. Где же, наконец, нам нужны будут богатые, как в том разве лишь случае, если нужно будет разорить этот город?».

Во избежание взаимной неприязни или зависти между христианами с различным материальным достатком, в учениях некоторых св. отцов говорится об обязанностях богатых и бедных. Приведем одно из них.

Тихон Задонский (т.5,57): «О должности богатых и убогих. Богатых: 1) Богатство есть Божие добро, людям данное, ибо Господня земля и все, что наполняет ее (Пс. 23,1). Дается оно тебе, христианин, не ради тебя одного, но и ради убогих, довольствуйся же им умеренно, и Бога благодари, и недостатки убогих восполняй. Это правильное употребление богатства. Помни, что ты распорядитель, а не хозяин богатства, и за все будешь отвечать. Святое Божие Слово хвалит и ублажает тех, которые милостивы и щедры к убогим: Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут (Мф.5,7). Блажен помышляющий о нищем и убогом (Пс.40,1). Дела милости пред всем миром превозносятся праведным Судией Христом и в других местах Святого Писания (Мф.25:33-36). Христианин! Если хочешь быть участником вечного блаженства, будь милостив и щедр к убогим. Много имеешь, много и давай. Мало имеешь, мало и давай, но давай от усердия. Милостыня судится не по величине отданного, но по усердию дающего, ибо доброхотно дающего любит Бог (2 Кор.9:7). Даешь ныне в руки нищих и убогих, но от рук Христовых сторицей примешь. Итак, подавай милостыню. Не бойся, не погибнет то, что ты отдал, ибо верен Обещавший. Многие христиане, несмотря на то, что милостыня такое великое получает вознаграждение, или, как сторожа, имение свое хранят, или расточают его на прихоти и роскошь. Имение, которое хранили, останется чуждым, а часто и врагам в руки попадает. Имение, расточаемое на прихоти и роскоши, погибает, как сам видишь, человек. Но и хранители и расточители таковые не только лишаются блаженства, но и истязаны будут Господом, как злые рабы. Берегись этого, христианин. Богатство человеку или вредит, или пользу подает. Польза от него бывает, если по воле Божией его расходуешь, а вред, если не так, как надлежит, его употребляешь. Будь же верным распорядителем имения Господня, человек, и истинно богатым будешь.

О должности убогих: Убогие, которые принимают милостыню, должны быть благодарны и Богу, являющему им Свою милость через человека, и человеку, дающему и в нуждах им помогающему, и его как своего благодетеля любить, почитать и в молитвах своих поминать. Обязанность богатого — подавать, нищего — благодарно принимать и усердно молиться за дающего. Однако, даже если принимающие милостыню и не молятся за дающего, милостыня, поданная от доброго сердца, сама по себе, больше всех людей молится, и непрестанно ходатайствует к Богу, и милости у Него дающему беззвучно просит».

Этот вопрос достаточно ясен, и поэтому перейдем к другому очень важному вопросу: какими мы являемся христианами, будучи богатыми или бедными людьми.

Кратко хотелось бы отметить, что независимо от того, какое христианин имеет материальное положение – богат он или беден, он прежде всего христианин. Если человек будет это осознавать и всегда помнить, то никакое материальное благополучие не завладеет им. Так, богатый будет понимать, что это Господь дал ему богатство для того, чтобы он помогал своим братьям и сестрам во Христе. От такого правого расположения сердца сможет ли христианин жалеть то, что ему не принадлежит, а вверено ему Богом. Если же у нас не будет таких мыслей и чувств, то мы не являемся Богоугодными христианами, т.к. не исполняем то, чему Он нас научил.

Нил Синайский (Добротолубие, т.2,28): «(Превышение меры, т.е. излишество) подвергается великому порицанию тех, которые в состоянии исследовать природу вещей».

Как видим, истинные христиане, осознающие о том, что все их заботы направлены на увеличение достатка, а не на служение Богу и удовлетворение потребностей, будут подвержены «великому порицанию», как идолопоклонники. Поэтому с великой помощью Божией будем «исследовать природу вещей», и, познав ее, будем делателями, а не праздными слушателями духовных учений.

О настоящих нищих и бедных

О бедности и нищете мы уже сказали в разделе «О подвижнической средней степени нестяжательности», но кратко еще раз остановимся на этой теме.

Св. отцы говорят, что бедность не является добром и злом.

Иоанн Златоуст (Творения, т.3): «...Бедность – не добро, но доброе пользование бедностью – добро».

Иоанн Златоуст (Творения, т.6): «Если бы бедность была злом, то все бедные должны бы быть злыми; если же многие из бедных достигли небес. То, следовательно, бедность – не зло».

Иоанн Златоуст (Творения, т.6): «Бедность для многих кажется злом, но на самом деле она не такова, если кто внимателен и любомудр, она служит даже к истреблению зла».

Как происходит, что бедность истребляет зло? Когда человек перестает увлекаться и соблазняться вещами мира, приобретать несправедливое богатство, раздает все свое имущество, или дает щедрые пожертвования и милостыню, оставляя себе только на самое необходимое, то его страсти – любостяжание, самолюбие, маловерие, ненадеяние на Бога и т.д. – теряют свою силу и человек постепенно очищается от них.

Иоанн Златоуст (Творения, т.12): «Добрый христианин обнаруживается более в бедности, нежели в богатстве. Почему? Потому что в бедности он становится негорделивее, целомудреннее, честнее, смиреннее, благоразумнее, а в богатстве встречает множество к тому препятствий».

Кто относится к действительно бедным людям?

Журнал «Христианское чтение» (Нравы первых христиан, Труд и ремесла): «Церковь пеклась о бедных всякого возраста и пола. Но бедными не считались те, кто мог трудиться, поскольку они в состоянии были не только содержать самих себя, но и другим бедным подавать пособие. Да и закон гражданский возбранял между нищими находиться здоровым. Поэтому, если то были вольные люди, им давали казенные земли для обработки; если рабы, их отпускали на волю. Подобным образом поступали с подкинутыми детьми: их отдавали в дом общественного призрения. Таким образом, почти не было других нищих, кроме престарелых невольников, которых при полной неспособности к службе бесчеловечные господа не отпускали на волю, кроме лишенных зрения, безногих и других увечных».

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 264: ...только те имеют в виду нищие, которые подлинно нищенствуют по Божиюму, все нам на пользу строящему Промыслу; или которые расточают имения и дают убогим, и так самопроизвольно изволят ради имени Христова нищету терпеть и в след Христа, обнищавшего ради нас, ходить».

Нравственное Богословие (Грехи против 4-ой заповеди, грех - Нищенство по лености или же для нетрезвости): «Не проводи нищенской жизни» (Сир.40,29). Нищие, впрочем, всегда были и будут (Мф.26,11). Господь Бог оставляет их между людьми, как

для них самих, чтобы они между прочим нищетою выстрадались для будущей жизни, так и для пользы других; например, чтобы богатые и состоятельные люди могли оказывать к ним свое милосердное, а милосердием развивали бы в себе вообще любовь к ближнему и заслуживали бы царства небесного. Самый наружный вид нищего наводит на мысли, способные научить: дряхлый и калека, которые просят милостыню у церкви, своим видом напоминают людям молодым и красивым, что и этим изменят их молодость и красота; одетый же в рубище и имеющий через плечо суму, между тем как прежде может быть занимался торговлей или занимал хорошую должность,— напоминает богатым или должностным, что «никто не должен отречься от сумы, как и от тюрьмы». Но как «бедность, по пословице, не порок», так и вынужденная нищета не составляет порока. Истинному нищему и приятно сделать подаяние».

Такие нищие находятся под особым попечительством и утешением Божиим.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 263. Поскольку нищета немалую скорбь приносит, особенно тем, которые с женами и детьми в нищете живут, и подушные подати и оброки платят, то должны они в этом бедствии не чем иным, как терпением себя укрепить, на волю Божию отдаться и так милости Его ожидать. Однако да внимают следующему предложению: утешение нищим может быть от сравнения богатого с нищим. Хотя сыны века сего и полагают блаженство в богатстве, но если на состояние богатого и нищего посмотрим, то увидим, что этот блаженнее того. Ибо блаженство состоит не во многом стяжании, но в покое душевном; не в том, чтобы много иметь, но в том, чтобы тем довольствоваться, что имеем. ...Утешение нищие в нищете своей получают от имени Христова, которое, хотя многие богатые, скупостью плененные, презирают, однако многие с радостью и усердием в слух и сердце принимают, и так отворяют двери милосердия просящим ради Него. Это имя для них более всякого сокровища мира сего, это имя их питает, одеваает, напавляет и успокаивает; с этим именем везде им дом, трапеза, одежда, утешение, где только ни имеются христоролюбивые сердца. Богатый часто приходит в скудость; но нищий с именем Христовым всегда равен, доволен и богат. На это драгоценнейшее сокровище надеяться, им утешаться должны нищие. Хотя Бог, как Щедрый и Милостивый, обо всех промышляет, но о нищих, как беспомощных, особенно. Ибо называется Отцом сирых и Судией вдовиц (Пс.67:6; Ин. 14:18). И еще сказано: Сироту и вдову примет (Пс.145:9). Почему во многих местах Писания читаем, что о них нам заботиться, им помогать, им, просящим, подавать повелевает и вменяет то Себе, что нищим добродетельно подается. Милующий нищего взаимы дает Богу (Притч.19:17). И Христос говорит: Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне (Мф.25:40). Христос, Сын Божий, будучи богат, обнищал, дабы мы обогатились Его нищетою (2Кор.8:9). От этого великое утешение нищим проистекает, что Христос, у Которого весь мир в руке, Царь неба и земли, волею обнищал, так что Сын Человеческий, как Сам о Себе сказал, не имел, где приклонить голову (Мф.8:20). Ибо они нищетою своей Ему сообразуются, когда ее с благодарением терпят. Как богатые, так и нищие не случайно бывают, но как богатство, так и нищета — от Господа (Сир 11:14). Итак, что от Бога, не может быть зло, но добро. Как всякое бедствие, так и нищету может Бог Своим человеколюбием или прекратить, или облегчить, — что и на самом деле бывает, когда с земли поднимает нищего и от гноища возвышает убогого, чтобы посадить его с князьями, с князьями народа Своего (Пс.112:7-8). Так воздвиг Иосифа из темницы и посадил выше князей египетских. Так избрал Давида, раба Своего, и взял его от стада овец (Пс.77:70). Наконец, как всякое бедствие, так и нищета смертью оканчивается. Всему концу — смерти: богатству и нищете; и богатых утешение, и нищих терпение смертью заключается».

Как видим, бедный человек не всегда относится к тем действительным нищим, а является несостоятельным, но могущим заработать себе на пропитание и нужды.

Какие правила были у первых христиан, относительно небогатых людей?

Журнал «Христианское чтение» (Нравы первых христиан, Труд и ремесла): «Прочие же христиане (не состоятельные) занимались ремеслами, чтобы иметь средства на прожитие, для погашения долгов и раздачи милостыни, но их ремесла были самыми невинными и совершенно отвечающими христианскому стремлению к уединению и кротости (“Постановления апостолов”»).

Также следует отметить, что в учениях святых отцов бедность рассматривается, как добродетель, и, в основном, отцы утешают бедных и призывают не скорбеть и не отчаиваться.

Иоанн Златоуст (Творения, т.7): «Не будем унывать по причине бедности, но будем искать того богатства, которое состоит в добрых делах...».

Иоанн Златоуст (Творения, т.12): «О том ли ты скорбишь, что стоишь на пути, ведущем к добродетели? Разве ты не знаешь, что бедность доставляет нам великое дерзновение?».

Иоанн Златоуст (Творения, т.12): «Когда ты окажешься в бедности, вспомни о случившемся с (Иовом), и ты тотчас воспрянешь и бросишь всякую мысль об унынии»,

Симеон Новый Богослов (Слово 21): «Бог соделался для нас бедным человеком; должен и ты, верующий в Него, быть подобным Ему, бедным».

Далее. Уже не раз отмечалось, что бедность необходимо переносить смиренно и с благодарением.

Иоанн Златоуст (Творения, т.3): «Бедный, почивающий в недрах Авраама, удостоился похвалы не за то, что был беден, но за то, что с благодарением переносил бедность».

Но многие из нас, как правило, недовольны своим материальным положением, даже когда оно не является действительной бедностью, а это - временные материальные трудности.

Василий Великий (Творения, ч.4): «Укоризненно - не нищим быть, а не иметь мужества в перенесении нищеты».

Важен тот факт, что зачастую человек сам неправильно действует при ведении своих дел и тем сам создает ситуации, ведущие к материальным трудностям. Например, неразумно вкладывает деньги в товар, желая большего обогащения. При этом берет в долг, самонадеянно уверяя себя в том, что быстро все вернет, т.к. считает, что его сделка это удачное предприятие. В этом случае, необходимо увидеть все свои ошибки, покаяться, исправить их и не повторять.

Если же материальные потери зависят не от наших неразумных и алчных желаний, то необходимо смиренно принять их и верить, что все это во благо. Но вместо этого мы ропщем и обижаемся на Бога, а значит то добро, которое Господь уготовил нам, превращаем во зло.

Иоанн Златоуст (т.3): «...а если ты за (бедность) хулишь Создателя и осуждаешь Промысл Его, то ты употребил ее (бедность) во зло».

Приведем поучение Тихона Задонского в утешение бедным христианам, и пусть эти слова войдут в наше сердце и разгонят наши печали и ропот.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, ч.2, §426): «Те христиане, которые терпят нищету и от той унывают, следующими рассуждениями могут себя утешать. Как прочее бедствие, как выше сказано, так и нищета от Господа попускается нам. Доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство — от Господа (Сир.11:14) и для доброй цели посылаются нам, как ниже увидишь. Нищетой человек от всех тех зол, которыми богатство окружается, удобно может освободиться. Гордость, скупость, роскошь и прочее тому подобное зло в нищете почти не имеют себе места. Нищета смиряет всякого, и расточительным и роскошным быть нищему не от чего. При богатых сии христианские язвы находятся, и тех сердца поражают. От попечения о хранении богатства, которое за богатым неотлучно ходит и содержит сердце его, нищий свободен; нищий не боится воров и хищников, которым богатство подвержено; ржавчина нищеты не истребляет, моль не

растлевают; от зависти, которая на богатство неприятно смотрит, удалена нищета; нищий ответа не готовит за расточение богатства, за что богатые истязаны будут. Нищета в праздности и лени жить не попускает, как обычай есть богатым, но понуждает работать. «Нищета, — говорит св. Златоуст, — не праздность, но трудолюбие порождает» (Беседа 2-я на Послание к Ефесеянам). Видишь, от скольких зол и бед нищета освобождает тебя! Да будет же нищета твоя в утешение тебе, а не в оскорбление и негодование, ибо она отводит тебя от гордости, скупости, роскоши, пышности, тщеславия, печали, страха, зависти людской, праздности, лени, нежности и прочих душевных зол, и возводит тебя на путь христианский, тесный, и руководствует к небесам. «Руководство некое, — говорит св. Златоуст, — на пути, ведущем к небесам — нищета, помазание страдальческое, обучение некое, великое и чудное, пристанище благоутишное» (Беседа 18-я на Послание к Евреям). Что и Христос, назнаменуя, говорит: «Трудно богатому войти в царство Небесное» (Мф.19:23). Если богатому неудобно, удобно нищему благодатью Христовою войти в царство небесное.

3) Нищий и богатый равно дни проводят и живут: ни богатому богатство, ни нищему нищета дней жизни не отнимает и не придает; немощная плоть равно богатою и убогою пищею подкрепляется, равно богатым платьем и рубищем покрывается, равно в хижине и светлых чертогах упокоевается; равно и житие свое и тот и другой оканчивает, но только с тем отличием, что богатый как живет, так и кончится с печалью и страхом, — нищий без печали и страха; равный, наконец, и богатого и нищего гроб заключает, и в смерти и по смерти богатый с нищим равняется. И когда бы на всемирном суде равно судимы были! Но нет, не будет того. От всякого, кому дано много, много и потребуется (Лк.12:48). Следует богатому дать ответ Судии о богатстве своем, как и на что богатство, данное ему от Бога, держал и расходовал, как и всякий о таланте своем воздаст Господу ответ (Мф.25:19-30). Нищий о том не печется: не имеет богатства, не готовит и ответа о расходе богатства. Видишь, что ни богатство не придает, ни нищета не отнимает истинного блаженства от нас, но более делает нас блаженнее богатых. Ибо истинное блаженство не состоит во внешнем виде, но в покое душевном, от которого богатство отводит, но нищета к тому руководствует, как выше сказано. Что пользы человеку внешне показываться, красоваться и блистать, но внутри попечением, печалью и страхом, как яблоку красному червем, снестаться? Это есть богатых блаженство! Напротив того, ничем не вредит быть внешне смиренным, умаленным, презренным и униженным, но внутри иметь сокровище безопасности, покоя и мира. Это есть нищих состояние! Не тот спокоен, следовательно, и блажен, кто много имеет, но кто ни о чем не печется, к этому нищета ведет нас. Это прими в рассуждение, христианин, и нищеты не бойся, ибо она для тебя, а не против тебя, помогает тебе, а не борет тебя.

4) В нищете твоей помяни о вольной нищете Христа Сына Божия. «Знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» (2Кор.8:9), — Он от убогой Матери Девы родился и положен был в ясли, «потому что не было им места в гостинице» (Лк.2:7); «Он пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин 1:11); Он не имел «где приклонить голову» (Мф.8:20), и убогих учеников и апостолов имел, и повелел им нищету любить: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои», и прочее (Мф.10:9 и след.). Потому святой Павел о себе и прочих апостолах говорит: «Мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2Кор.6:10). И Петр святой к нищему хрому говорил: «Серебра и золота нету меня» (Деян.3:6). Да умягчит твою от нищеты скорбь и утешит сердце твое вольная Христова нищета и святых апостолов.

5) Помни, что странник ты и пришелец в мире этом, путник на пути мира сего, и к небесному отечеству идешь. Кто в странствовании обогащается! Не собирает ли богатства и в отечество посылает? Христианское отечество — небо. Там собирать себе сокровище повелел нам Христос: «Собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и

сердце ваше» (Мф.6:20—21). Туда нам предпосылать сокровища наши должно, сокровища не мира этого, но небесного отечества достойные: любовь, терпение, кротость, милосердие, и прочее; там их, без сомнения, обретем. Путник ты, кто идя по пути обременяется? Более того, не свергает ли с себя бремя, чтобы легче творить путь? Бремя человеку, идущему по пути мира сего, богатство, которое мешает на пути ему, и удерживает его, и не допускает к отечеству стремиться. Сколь многих бремя это удержало от неба и погрузило во дно адаво!

«Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь», — говорит Христос (Мф.7:14). Этими вратами и путем не проходят сидящие на высоких колесницах гордости, надменности и пышности и расширяющиеся широтой роскоши и попечений мирских, ибо не вмещаются, а смиренные, кроткие и попечения мирские отложившие идут им. Тебя от того бремени, тяжести и пространства избавил Господь и легким учинил, дабы без задержания шел ты к небесному отечеству. Пищу же дает Бог всякой плоти, не только человеку, но и скотам и птенцам ворона, призывающим Его (Пс.146:9). «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1Тим. 6:8).

б) Скоро окончится и богатых довольство и утеха, и нищих скудость и скорбь, всему будет конец скоро. Вот скоро будет перемена: вместо нищеты временной, которую терпишь, вечные отверзнутся тебе сокровища благодати Божией, и забудешь нищету твою и скорбь. Уже ты более приблизился к концу тому ныне, нежели вчера и позавчера был. И как только придет он, то и нищете твоей будет конец, как и от богатых богатство отойдет. «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него» (1Тим.6:7). И тогда богатый с нищим сравнится. Смерть всех равными делает, и богатых с нищими, и славных с простыми, и господ с рабами сравнивает. Открой гроб умерших, и не узнаешь, где богатый и где нищий, где вельможа и слуга его, где господин и где раб его лежит: всех один вид показывается — тление, земля и пепел. Одно неравенство в душах веруется, ибо благочестивая душа на лоно Авраамово Ангелами носится, нечестивая же в ад, место, по делам ее уготованное, низвергается (Лк.16:22—23).

Рассуждай о вышеописанных причинах и не унывай от нищеты, которая более тебе добра делает, нежели богатым богатство. Это утешение не приличествует тем нищим, которые без страха Божия живут, пьянствуют, не хотят работать, но в праздности дни свои провождают. Такие нищие и телом и душой нищи, и здесь и в будущем веке нищими будут, если не покаются».

А сейчас поговорим о том, как люди ропщут и жалуются на бедность.

О жалобах ложных нищих

Как мы уже отмечали в главе о хищениях, бывают ложные нищие, которых более чем настоящих. Поэтому остановимся на этом вопросе подробнее.

К сожалению, во все времена были ложные нищие, которые в корне отличаются от тех блаженных бедных, о которых сказано выше. Кто же считается ложным нищим?

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 264: Те нищие, которые могут трудиться и трудами себя и домашних питать, но не хотят, и так, в праздности и лени живя, не имеют, чем себе довольствоваться, и хотят чужими трудами питаться. Эти сами в своей нищете виноваты; они не утешения, а суда Божия, как тунеядцы, ожидать должны, если не покаются, ибо против заповеди Божией поступают, которой повелевается нам в поте лица нашего искать хлеба себе (Быт 3:19).

Те, которые, имея, чем довольствоваться, притворяются нищими, в рублища одеваются, чтобы человеколюбие к себе привлечь. Они — обманщики, воры и похитители, а не нищие, поскольку и подающих обманывают, и подлинно нищих обкрадывают; ибо ту милостыня, которая истинно нищенствующим должна была быть

подана, они ухищренным вымыслом похищают. Погрешают они против заповеди Божией: не кради (Исх.20:15), и так, как воры, суду Божиему подлежат, если не исправятся.

Те, которые поданную ради имени Христова милостыню тратят на пьянство и прочие пагубные расходы. Эти также, как и обманщики, и воры, и пьяницы, суда Божия не избегают, если не очувствуются.

Сюда относятся и те нищие, которые, не терпя нищеты, устремляются на воровство, хищение, разбой и прочие, законом Божиим запрещенные, дела.

В это число входят и те нищие, которые, не терпя, ропщут против Бога и хулят Его. И прочие, им подобные, из вышеописанного».

Наравне с этими «нищими», есть более скрытая форма ложного нищенства, к которой относятся люди, имеющие какие-либо денежные средства, но которые жалуются на то, что им их не хватает. Так поступать любят многие люди - как бедные, так и богатые. Всем понятно, что жалоба богатого человека в корне отличается от жалобы бедного, хотя они произносят одни и те же слова.

Феофилакт Болгарский (Толкование на Ев. от Луки, гл.12): «И сказал (Господь) им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих». ...Что мне делать? Не эти ли самые слова произносит и бедняк? Что мне делать? мне нечего есть, нечем одеться. Вникни, пожалуй, и в слова богача: что мне делать? мне некуда собрать плодов многих. Хорошо же спокойствие! И бедняк говорит: что мне делать? я не имею... И богач говорит: что мне делать? я не имею...».

В отличие от истинных бедных, большинство из нас все-таки имеют какие-либо доходы или сбережения, которые позволяют иметь самое необходимое и более того. Но нам зачастую жалко тратить то, что лежит у нас на сохранении. Это происходит потому, что человек собрав какую-либо сумму, составляет свою надежду на нее, а, начав брать деньги с сбережений, его ложная надежда рушится, и тем самым приводит человека в состояние страха и беспокойства.

Далее. Можно жаловаться, обращаясь к самому себе.

Василий Великий (Ч.4, Бес.6 на Лк. 12,16-21): «Что сотворю?»... (Богач) сетует подобно беднякам, и не то же ли самое слышим от него, что и от человека, стесненного нищетою? «Что сотворю?» Откуда возьму пропитание? Откуда возьму одежду? То же говорит и богатый, мучится в сердце, снедаемый заботою. Что веселит других, от того сохнет любостыжательный: не радуется, что все у него в доме наполнено; но текущее к нему и льющееся чрез края хранилищ богатство уязвляет душу его опасением, чтоб не перепало чего-нибудь посторонним, и чтоб это не обратилось в источник какого-либо добра для нуждающихся. И мне кажется, что болезнь души его подобна болезни людей прожорливых, которые скорее согласятся надорвать себя многоядением, нежели поделиться остатками с нуждающимися».

А можно жаловаться, обращаясь к другим.

Нравственное Богословие (Грехи против 8-й заповеди, грех –привычка говорить о своих нуждах или притворная бедность): «Если б и действительно нужды далеко не покрывались теми наличными средствами к жизни, которые иной получает, то и тот частый говор о нуждах неуместен. Разве только друг какой или особенный благотворитель вызовутся помочь ему, а прочим от его речей одна скука. Таким образом, когда он жалуется каждый раз на свои нужды, то не получает себе пользы, а еще более беспокоивает свой дух. (И при этом одни люди) непременно противопоставят ему собственные нужды, а другие вовсе не поверят ему. Нет; пусть же лучше этот человек помолится Господу Богу, чтоб Господь помог ему прожить нужное время, чем вести пред каждым разговор свой так, чтоб пожаловаться на недостаточность своего содержания».

Во-вторых, есть люди, которые не просто жалуются на бедность, но еще и притворяются бедными.

Нравственное Богословие (там же): «Но бывает, действительно, притворное беднячество. Говорят иные состоятельные люди, что вот уже и последние деньги они расходуют на содержание себя или же вовсе не имеют чего расходовать. Случится ли у них какой убыток по хозяйству или уменьшение дохода от должности или небольшая пропажа денег, они столько жалуются, что как бы ни у кого нет такого несчастья, как их несчастье. Коснется ли речь дороговизны на что либо или дальнейших лет их жизни, и высказывают опасение, что, пожалуй, придется им «по миру ходить». Какие все пустые речи! Эти люди, так сказать, крадут у самих себя: они имеют довольно, и жалуются на свои недостатки; говорят о своих долгах, которых только по своим расчетам не оплатили, но у себя еще больше имеют должников, которые и верны в благонадежны. Обыкновенно, они толкуют о своих нуждах или пред теми, которые готовы попросить у них денег, чтобы не дать просителям денег, чтоб вперед отказать или же перед людьми состоятельными, чтоб самим покорытоваться от последних. Они нередко пристыжают самих себя пред обществом: случится у них кража денег, и тогда пред всеми изобличается их беднячество, которым дотоле прикрывали себя или постигнет их смерть, и все узнают про их состояние. Если же эти люди прямо пристрастные к деньгам, или сребролюбцы; то еще менее выдерживают до конца роль бедняков. Так, например, их просят о займе, и они сначала отвечают, что нисколько не имеют денег, что сами ищут человека у которого бы могли занять. Но лишь только скажут им о хорошем залоге или о процентах, тотчас же переменяют свой взгляд и тон речи. Говорят, что «есть какие-то там у них оставшиеся или сберегаемые на что-то деньги, что, пожалуй, готовы они одолжить, что еще и с отцом-то просителя, кажется, были знакомы» и так далее. Эти-то люди, судя по себе, не доверяют нуждам и бедности других. Они любят возвеличивать только чужие доходы или средства к жизни, а уменьшают цифру собственных средств. А им-то уже совсем нельзя верить в нуждах их, потому что расходов они не делают, милостынь не подают, о пожертвовании каком и не подумают, да и потерь или утрат никаких не имели. Наконец, они неблагодарны и лжецы пред Богом. Бог дал им, а они при бедняются; там в ящике лежат у них денежные билеты или наличные деньги и, положим, люди не придут проверить их состояние, только Богу все известно: они же готовы побожиться, что ничего не имеют. Или деньги у них отданы частным лицам в рост (для процентов) и, значит, дома лишь нет у них денег: а между тем они как бы по чистой совести открываются, что во всем доме у них нет ни копейки. Будто те деньги, которые отданы ими в посторонние руки, уже не их собственность и будто в счет этих денег и вообще в верной надежде каких-либо денежных получений не могут они займовать и не стесняя себя расходовать. У них есть достаточный в сравнении с другими капитал и цифра этого капитала постоянно у них на памяти: а они выдают себя за нестяжательных, за безсеребренников (приятно ведь составить о себе в людях такое понятие...), представляют себя младенцами, даже и не умеющими сосчитать денег. —Так мы распространились о привычке говорить про свои нужды собственно потому, что эту привычку люди питают в себе порок сребролюбия; сребролюбивы или корыстолюбивы они на сей раз на словах. Притом, привычка отзываться недостаточностью денег ныне сделалась и общею. И сильные богачи говорят: «где же нам взять средств?», как будто ныне и звания богатых уже не существует и будто у богачей насильно мог бы взять кто деньги, если бы они открылись, что имеют состояние. Ты же, христианин, лучше помни слова Святого Писания: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1Тим.6,8)».

Душа многих богатых людей, которые жалуются на свою бедность, действительно достойна жалости, т.к. ее пожирает желание иметь больше. О желаниях мы уже сказали выше, а сейчас приведем следующие обличения:

Василий Великий (Ч.4, Бес.6 на Лк. 12,16-21): «А теперь ты пасмурен и недоступен, уклоняешься от встреч, чтоб не принудили тебя выпустить из рук какой малости. У тебя одно натвержено слово: "нет у меня, не дам; потому что сам беден". Действительно, ты

беден и скуден всяким добром; беден ты любовью, беден человеколюбием, беден верою в Бога, беден вечным упованием».

Как видим, многие жалуются, но имеют разные причины. И поэтому пусть каждый из нас определит цену своих жалоб на бедность и материальные недостатки.

Платон, Митр. Москов. (т.1, Слово в неделю 26, на Лк.12,17): «Много человек сам себя беспокоит. Иной, не без причины жалуясь, говорит: что делать? не имею, чем бедную свою жизнь проводить: а нынешний богач не меньше жалуясь, сам в себе размышляет: что делать? не знаю, где мне девать богатство свое. Один мучится скудостью: другой беспокоится изобилием. Разные причины, но одно действие производят. Однако не скудость есть причиною беспокойства, но малодушие: также не изобилие вещей есть забот причиною, но ненасытное желание. Но как бы то ни было, возможно сии противные жалобы согласить. Ежели скудного недостатки растворить богатого излишеством, то у обоих останется умеренность; следовательно, тот и другой должен будет беспокоиться перестать. Так почто ж было тебе, богач! думать, ломать житницы свои? почто столько труда предпринимать? бедных алчные утробы суть безопасные богатства твоего житницы. Убогих от тебя снабденных руками можешь построить себе не житницы на земли, но храмину нерукотворную вечную на небесах».

А теперь поговорим о материально обеспеченных людях.

О богатых и обеспеченных людях

Вначале разговора о богатых людях напомним, что святые никогда не осуждают богатство, а говорят неверном его употреблении.

Иоанн Златоуст (Творения, т.3): «...Я не богатых обвиняю, и не богатство осуждаю, а худое употребление богатства, истрачиваемое на распутство».

Также следует обратить внимание на то, что ранее богатые люди не руководили своим хозяйством или делами, а нанимали управителей, а сами же вели праздный образ жизни. В наше время есть немного и таких, которые также не управляют, а ведут праздную жизнь, пользуясь тем доходом, который дает их бизнес. Поэтому в первые времена такие богатые христиане должны были постоянно упражняться в молитве и чтении Писания для того чтобы они не вели праздный образ жизни, не рассеивались на многопопечительность и не унывали.

Журнал «Христианское чтение» (Нравы первых христиан, Труд и ремесла): «Непрестанное упражнение в чтении Св. Писания предписывалось, в особенности, богатым во избежание праздности и рассеяния».

Но современным богатым христианам трудно исполнять эти постоянным духовные упражнения, т.к. большинство из них тратят все свое время и силы на управление бизнесом. (Об этом мы уже сказали в разделе «Об истощении телесных сил ради материального приобретения»)

К тому же они так прилепляются к своим фирмам умом и сердцем, что те становятся для них детищем, которое невозможно бросить. Во-первых, такое отношение к своему бизнесу не является добродетелью, а есть пристрастие сердца. А все мы знаем, что сердце христианина должно принадлежать Христу, а не мирским делам или людям. И в случае, когда дело на этой земле делается не ради Христа и не ради своего спасения, а по привязанности к людям и образу жизни, то в сердце нет места Богу, хотя человек этого и не видит. Его сердце раздвоено, а это значит, что человек служит Богу и мамоне. Так происходит тогда, когда некоторые богатые люди пытаются жить и в мире, и в вере, не отказываясь ни от одного, ни от другого. Они думают, что нет ничего страшного в том, что они имеют пристрастия, занимаются бизнесом и в это время живут по законам мира или в том, что практически вся их жизнь посвящена бизнесу. Они как бы не видят, что законы этого мира не являются Христовыми законами, а иногда и противоположны им.

Феофан Затворник (Созерцания и размышления, Царство Христово и царство мира сего): «Дух миролюбцев еще ведом: это - дух самости, гордыни, интересанства, всестороннего наслаждения и чувственности. Но приложение этого духа, закон и правила мира так шатки, неопределенны, изменчивы, что никто не может поручиться, чтобы завтра в мире не начали считать недобродетельным того, чем ныне восхищаются. Обычаи мира текут, как вода, и правила его для одежды, речей, встреч, соотношений, стоянья, сиденья, вообще касательно всего непостоянны, как движение воздуха: ныне так, а завтра не весть откуда налетит мода и все переверотит. Мир есть сцена, на которой сатана издевается над бедным человечеством, заставляя его вертеться по мановению своему, подобно обезьянам или куклам в балаганах, заставляя его считать чем-то ценным, важным, существенно необходимым то, что само по себе мелочно, ничтожно, пусто. И все заняты этим, все - и малые, и большие, не исключая и тех, которые и по происхождению, и по воспитанию, и по положению своему в свете могли бы, кажется, свое время и труды употреблять на что-нибудь лучшее, чем все эти призраки».

Также есть богатые христиане, исполняющие различные добродетели, но при этом имеющие пристрастие к богатству и свободе, которую оно несет, думают, что они являются праведными христианами. Но это самообольщение, т.к. так не бывает.

Иоанн Златоуст (Творения, т.7): «Хотя бы мы в остальных отношениях и были добродетельны, богатство истребляет все эти добродетели».

Таких людей успокаивает то, что они все же являются христианами, участвуя в Таинствах, читая отцов, давая пожертвования и т.п. Но Господь и святые говорят, что невозможно человеку служить двум господам.

Иоанн Златоуст (Толк. на Ев. от Иоанн, бес.8): «ничто не приводит в такое расстройство рассудок, как привязанность к предметам временным. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно, от мира и воздерживайтесь от дел плотских; от них происходит потеря не в случайных, а в самых высших благах. Человек, слишком занятый делами настоящей жизни, не может надлежащим образом усвоить предметов небесных; но по необходимости, заботясь о тех, лишается этих. "Не можете", сказано, "служить Богу и маммоне" (Лк. 16:13). Последуя одному, по необходимости надобно оставить другого. И об этом гласит самый опыт. Те, которые смеются над страстью к богатству, те-то наиболее и любят Бога, как должно. Напротив те, которые высоко ценят богатство, как первое благо, слабейшую имеют любовь к Богу. Душа, будучи однажды пленена любостыжанием, уже не может легко и удобно удерживаться, чтобы не сделать, или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже рабой другого господина, и притом такого, который повелевает ей все противное Богу. Итак, воспряньте и пробудитесь и, размыслив о том, какого господина мы рабы, возлюбим только Его власть; возрыдаем и оплачем прежнее время, в которое мы работали маммоне; свергнем однажды и навсегда ее тяжкое, несносное иго и будем постоянно носить иго Христово, легкое и отрадное; Христос же не повелевает ничего такого, что внушает мамона. Она повелевает быть врагами всем; а Христос – напротив: миловать и любить. Она, привязав нас к праху и пыли (таково – золото), не дает нисколько, даже ночью, вздохнуть свободно; а Христос освобождает нас от этой излишней и неразумной заботы, повелевает собрать сокровища на небесах, не неправдой в отношении к другим, а собственной правдой. Мамона, после стольких трудов и скорбей, не может даже остаться с нами, когда мы "там" будем терпеть наказания и злострадать за исполнение ее внушений; она даже увеличит для нас пламя; а Христос, даже когда повелевает дать ближнему чашу холодной воды, не попустит нас и за то лишиться награды и возмездия, но воздаст с великой щедростью. Итак, не крайне ли безрассудно – пренебрегать столь кроткое и столь великими благами изобилующее владычество, и работать властителю неблагодарному и непризнательному, который ни здесь, ни там не может никакой пользы принести последующим и повинующимся ему? Но не то одно худо, и не то одно вредно, что он не может избавить преданных казни; а и то еще, что он, как я сказал, подвергает бесчисленному множеству зол людей, покоряющихся

ему. Весьма многие из тех, которые будут наказаны, будут терпеть наказание именно за то, что служили деньгам, любили золото и не помогали нуждающимся. Чтобы не терпеть и нам того же, будем расточать (свои сокровища), отдавая их бедным; освободить свою душу и от здешних зловерных попечений и от будущих, за то уготованных, мучений. Приготовим себе оправдание на небесах; вместо стяжаний земных, соберем сокровища неистощимые, сокровища, которые могут сопутствовать нам на небо, могут защитить нас в опасности и умиловать тогда Судью. Да будет же ко всем нам Его благоволение и ныне и в тот день, и да насладимся с великим дерзновением благ, какие уготованы на небесах любящим Его, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Все мы знаем, что есть разные богатые – Богоугодные и Богопротивные.

Иоанн Златоуст (Творения, т.12): «Есть...богач, который грабит все у всех, и есть богач, который отдает свое имущество бедным; один богатеет, собирая, другой – расточая; один сеет землю, другой возделывает небо».

К сожалению, когда отцы говорят о богатых людях, то все же больше учений не об их добродетелях, а об их пороках. Но, к радости, есть и такие богатые люди, которые угодили Богу и праведно пользовались богатством.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, гл.8): «§110. Много было, как и ныне есть, богатых и славных, но они Богу угодили, и потому сребролюбцами не были».

Иоанн Златоуст (Творения, т.2): «Авраам был богат, но не был сребролюбив, потому что не заглядывал в чужой дом, не любопытствовал о чужом имении, но, выходя (из своего дома), смотрел, нет ли где странника, нет ли нищего, чтобы помочь нищете и принять путника».

Климент Александрийский (Кто из богатых спасется, гл. 16): «Только душа чистая от страстей, т.е. бедная и обнаженная, может и при богатстве прислушиваться к слову Спасителя: «...приходи, последуй за Мною...» (Мк.10,21). Ибо Он Сам тогда для чистого сердцем становится путем. ...Посему, кто владеет собственностью: и золотом, и серебром, и домами, - как даром Божиим, и своими богатствами подателю всех благ Богу служит ко спасению душ, и кто знает, что этим он владеет более из-за собратий, нежели ради себя, кто господином состоит над своей собственностью, а не рабом ее, и своими богатствами своей души не загромождает и чрез это своей жизни не суживает и не замыкает, и постоянно занят какими-нибудь добрыми и Божественными делами, а если должен бывает этих вещей лишиться, то со спокойным духом и равнодушно расстается с ними, подобно тому как хладнокровен он был и к обладанию ими, того прославляет Господь как блаженного и называет нищим в духе (Мф.5, 3), достойным наследником Царства Небесного; а отнюдь не богатый таким состоит».

При этом отцы также называют признаки праведных расположений к богатству.

Иоанн Златоуст (Творения, т.1): «...Богат не тот, кто имеет многое, но тот, кто не нуждается во многом...».

Иоанн Златоуст (Творения, т.2): «Богат не тот, кто приобрел много, но тот, кто много роздал».

Иоанн Златоуст (Творения, т.5): «Богатство состоит не в том, чтобы богатеть, а в том, чтобы не желать богатства».

Иоанн Златоуст (Творения, т.6): «...Никогда не будем стремиться к тому, чтобы быть богатыми, но к тому, чтобы только Бог благоволил к нам. При Божиим благоволении мы, будучи и бедными, можем быть радостны; когда же Бог гневается, то хотя бы мы были богатыми и состоятельными, мы все будем томиться от печали».

Иоанн Златоуст (Творения, т.8): «...Богатым мы назовем того, кто презирает все настоящее, потому что никто, поистине никто не решится пренебречь этими призрачными вещами – серебром, золотом и другими призрачными благами, если не имеет любви к большому (небесному)...»

Исидор Пелусиот (Письма, ч.3): «Довольствоваться малым – вот определение богатства; желание большего и большего – вот признак нищеты».

Но большинство все же тех богатых, которые поражены сребролюбием и они или не видят этой сети, или им она нравится. Они даже не представляют как необходимо праведно тратить деньги.

Платон, митр. Московский (т.1, Слово о милосердии): «Но куда ж нам деньги девать? ибо самый подлый порок есть тех, которые собиранию богатства никакого не полагают конца; а честного тому употребления не знают: денно и ночью думают о умножении прибытков, каким бы то ни было образом; но не ведают сами, кому собирают, не пленяя щедротою сердец, в чем состоит истинное некрадомое человеческое богатство. Но другие скажут, как некуда деньги девать? а на строение домов, на уборы, на вины, на банкеты, на собак и на прочие забавы. Ах! сколько роскоши! не говорю уже о том, что отсюда рождается праздность, от праздности лень, от лени расслабление, от расслабления нерадение о должности, о добродетели, о благочестии, а оттуда выходит страшное оное чудовище называемое «Эпикурство»: не говоря о сем; таким то образом сдается имения часть бедным должна. Но сего, де, требует благопристойность. Да разве снабжать убогих есть неблагопристойно? О когда б всяк содержал себя внутри границ благопристойности и не преступал бы сих священных пределов; тогда б и веселие наше было благословенное, и не страдала бы столько другая человечества часть! Наши благочестивые предки во дни праздничные и во дни поминовения своих родителей делали обеды для нищих, и сию убогую братию Авраамскую своею угощали трапезою; но ныне сие святое обыкновение за множеством новых мод стало быть не вместиимо».

Также скажем, что есть разница между богатыми людьми, которые просто верят, что есть Господь, а есть обеспеченные христиане, участвующие в Таинствах Церкви. К сожалению, иногда разница между теми и другими невелика и это мы увидим далее.

Многие богатые люди воспринимают свое материальное благополучие, как земной рай, данный им Богом. Но тот, кто познал пагубность роскоши и богатства, укрепляющие в человеке страсть сребролюбия и увеличивающие грехи человека, так не считает.

Старец Паисий Святогорец (Слова, ч.2, гл.3): «Как-то раз мне довелось оказаться в роскошнейшем доме. Во время беседы хозяева сказали мне: "Мы живем прямо-таки в раю, а ведь другие люди так нуждаются." - "Вы живете в аду, - ответил им я. - "Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя" (Лк. 12:20), - сказал Господь безумному богачу. Если бы Христос спросил меня: "Где тебе отвести место - в какой-нибудь темнице или же в доме, подобном этому," то я бы ответил: "В какой-нибудь мрачной темнице." Потому что темница пошла бы мне на пользу. Она напоминала бы мне о Христе, о святых мучениках, о подвижниках, скрывавшихся в "пропастях земных" (Евр.11:38), она напоминала бы мне о монашеской жизни. Темница была бы немножко похожа и на мою келью, и я бы от этого радовался. А о чем бы напоминал мне ваш дом и какую пользу я получил бы от него? Поэтому темницы утешают меня много больше не только какого-нибудь мирского салона, но и прекрасно отделанной монашеской кельи. В тысячу раз лучше жить в тюрьме, чем в таком вот доме»».

Нил Синайский (Творения, ч.2): «Не веселись при богатстве, потому что заботы о нем всего чаще и против воли отлучают человека от Бога».

В таком восприятии радостном богатства в виде рая видна явная вражия прелесть.

Тихон Задонский (Симфония по творениям): «Сатана, враг душ человеческих, предлагает человеку мысли о прихотях и роскоши и в них запутывает его: как, дескать, хорошо и приятно веселиться, то и то делать, тем и тем себя утешать, в гости ездить и гостей принимать, и прочее. Так замышляет супостат, чтобы человек этот мир за свое отечество и рай считал, а о будущем блаженстве забыл бы и так бы погиб; чтобы также он ко всякой неправде и обидам бедных людей, чему роскошь учит, стремился и так скорее, запутавшись во зле, погиб. Такова его хитрость и замысел! Сильная и действительная

диавольская уда есть роскошь, которая уловляет христианские души и влечет за собой в вечную гибель».

Отцы также объясняют, почему богатые так легко поддаются под дьявольскую лесть.

Иоанн Златоуст (Творения, т.9): «Над богатыми диаволу нет нужды много трудиться, богатство делает их совершенно готовыми к падению».

Далее. Некоторые богатые люди думают, что их богатство, это только их труд и заслуга, а не дар Божий им, данный для помощи другим и благодарения Бога. Это мнение присуще богатым, неверующим в Бога или маловерующим. Они практически не задумываются о том, что все дает Господь, и что человек должен, получая от Него, благодарить и исполнять заповеди. Человек же увлекается дарами Божиими, и утопает в алчности и грехе.

Василий Великий (Ч.4, Бес.6 на Лк. 12,16-21): «Бог послал дожди на землю, возделанную руками любостыжательными: Бог дал солнце, чтоб согреть семена и умножить плоды посредством урожая. И таковы были дары Божии: пригодность земли, благорастворенное состояние воздуха, обилие семян, содействие волов и все прочие условия, при которых обыкновенно процветает земледелие. Что ж присовокупил человек от себя? Злой нрав, человеконенавидение, скупость. Сим воздал он Благодетелю. Не помнил он общей природы, не думал, что избытки должно разделять с неимущим, не обратил внимания на заповедь: «не отрецись благотворити требующему; и: милостыни и вера да не оскудевают тебе» (Притч.3:27.3); и: «раздробляй алчущему хлеб твой» (Ис.58:7). Не услышаны им все пророки, все вопиющие учителя; ломались у него житницы, затесненные множеством положенного в них, а скупое сердце было не полно. Непрестанно прикладывая к старому новое и ежегодными прибавлениями увеличивая обилие, впал он в это неразрешимое затруднение, по любостыжательности не соглашаясь высыпать старое, и по множеству не находя места, где положить новое. От того у него бесчисленные предприятия, мучительные заботы».

Николай Сербский (Евангелие о многопопечительности и о наглой смерти): «Человеколюбец Господь наш Иисус Христос принес с Собою и открыл людям бесчисленные и несравненные блага небесные, и призвал открыто и свободно пользоваться ими, но только при одном условии: сперва отлепить свою душу от тленных благ земных. Кто-то из людей послушал Его, приступил к Его дарам и обогатился; а кто-то не послушал и остался при своем тленном и краденном богатстве. Для вразумления последних Господь и рассказывает притчу, которая читается в сегодняшнем Евангелии. Сказал Господь притчу сию: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих? Хотя он и вообще был богат, у него вырос такой урожай, что он не знал, куда собрать плоды. Глядя на свои поля, покрытые колосающейся пшеницей; на свои сады и виноградники с ветвями, отяжелевшими и склонившимися к земле от плодов; на свои гряды и ульи, переполненные разнообразными овощами и медом, - богач сей не поднял глаз к небу и не воскликнул радостно: "Слава Тебе и хвала, Всевышний и Всемиловитый Боже! Ты Своєю силою и премудростью вызвал из сырой земли подобное изобилие! Ты Своим солнцем влил сладость во все плоды земные! Ты всякому плоду дал дивный вид и особый вкус! Ты стократно вознаградил мой малый труд надо всем этим! Как милостив Ты к рабу Своему, щедрыми руками Ты излил Свои блага на его лоно! О предивный мой Господи, научи и меня сими Твоими благами обрадовать братьев моих и соседей моих! Дабы и они вместе со мною радовались и в благодарении хвалили и славили всесвятое имя Твое и несказанную Твою милость!" Нет: вместо того чтобы вспомнить о Подателе таких даров, он прежде всего беспокоится, где он эти дары разместит и в чем будет хранить. Как вор, который, когда найдет на дороге кошелек с деньгами, не думает, ни откуда кошелек, ни чей он, но, прежде всего, беспокоится, как бы его спрятать! В действительности и сей богач есть настоящий вор. Он не мог бы утверждать, что все это обилие плодов является результатом его личного труда (и вор трудится, когда совершает кражу) или результатом его умения и

интеллектуальных усилий (и вор использует свое умение, часто гораздо более совершенное, чем у землепашца и сеятеля). Богач не приложил и не мог приложить никаких усилий, чтобы светило солнце, шел дождь, дули ветры, рождала земля. А это суть четыре главные стихии, делающие, по милости Божией, возможным плодоношение трав и деревьев. Поэтому сей обильный урожай не принадлежит ему ни из-за его ничтожных трудов, ни по праву собственности, ибо он не является хозяином ни солнца, ни дождя, ни ветров, ни земли. Обильный урожай есть дар Божий. Как безобразно будет выглядеть человек в глазах всех окружающих, если примет от кого-либо подарок и не поблагодарит, и даже не посмотрит на дарящего, но сразу поспешит спрятать подаренное в надежном месте! Порядочный нищий, получив корку черного хлеба, благодарит дающего. А этот богач, при таком обилии жатвы, не поблагодарил Бога ни единой мыслью, ни единым словом, даже ни единой радостной улыбкой при виде такого чуда и такой благодати Божией. Вместо молитвы, вместо благодарности, песнопения Богу и радости сердечной он сразу же начинает мучиться, беспокоясь о том, как бы ему собрать все это богатство и разместить его так, чтобы ни одно зерно не досталось птицам небесным и ни одно яблоко - соседям-беднякам».

Такой богач свою душу делает плотяною, и она становится негодною для Царствия Небесного.

Николай Сербский (Евангелие о многопечительности и о наглой смерти): «...(Алчный богач, о котором идет речь в Евангельском чтении говорит) душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Как может душа есть и пить? Тело, а не душа ест и пьет собранное в поле. Да богач и думает о теле, когда говорит о душе. Его душа настолько срослась с телом и настолько ему уподобилась, что он с нею знаком по одному лишь названию. Невозможно более ясно выразить пагубный триумф тела над душой. Представьте себе ягненка в собачьей конуре, связанного и забытого там. Пес носится туда-сюда, таская в конуру пищу для себя. И когда натащит полную конуру мяса, потрохов, костей от разной падали, кричит голодному ягненку: "Ягненок, теперь ешь, пей, веселись: вот тебе пропитание на долгие дни!" И после этих слов пес сам набросится на еду, а ягненок продолжит голодать и погибнет от голода. Точно так же поступил этот богач со своею душою - как пес с голодным ягненком. Душа не питается пищею тленной, а он ей предлагает такую. Душа тоскует по своему Небесному Отечеству, где находятся ее житницы и ее родники, а он ее приковывает к земле, да еще и обещает, что будет держать ее, таким образом прикованную, много лет. Душа радуется Богу, а он и не упоминает имени Божия. Душа насыщается правдой и милостью, а он и не помышляет о том, чтобы с помощью своего богатства сотворить правду и милость бедным, несчастным и убогим людям вокруг себя. Душа жаждет чистой небесной любви, а он подливает масла в огонь страстей и его смердящим дымом окуривает душу. Душа требует своих нарядов; ее наряды суть любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал.5:22-23). Он же обряжает ее в пьянство, объедение, блуд и тщеславие. Как не околеть травоядному ягненку рядом с плотоядным псом? Как не умереть душе, придавленной тяжким трупом плоти?».

Человек увеличивает и укореняет страсти через пристрастия к материальным благам.

Иоанн Златоуст (Творения, т.9): «Богатые в настоящей жизни ничем не отличаются от малых детей, которых беспокоят щенята, так как все лают вокруг них, тербят их и тащат, не только люди, но и низкие страсти, чревоугодие, пьянство, лесть и всякого рода распутство».

Климент Александрийский (Кто из богатых спасется, гл. 16): «Богатство, состоящее в распоряжении таких людей (наполненных страстями), для всех смертоносно; вырванное же из их рук спасительно.... В нечистую же душу не входит благодать Божия. А нечист тот, у кого много пожеланий и кто обременяет себя многими мирскими похотями».

Есть и такие богатые люди, которые и благодарят Бога, понимая, что это Он им все подает. Но, к сожалению, богатый человек может признавать и радоваться тому, что Господь дает ему, но распоряжается этим по своему корыстолюбию или немилосердию. Поэтому необходимо не только благодарить Бога, но и самому избавляться от страсти сребролюбия и любостязания. А это означает следующее:

Нил Синайский (Творения, ч.2): «Богатство, если имеешь, - расточай, а если не имеешь, - не собирай».

Но мы склонны приумножать и тратить на себя и свои желания, и не задумываемся над тем, что приумножающий свое имущество с того, что дает ему Господь, является ветхим человеком, т.к. богатея материально, он становится духовно бедным.

Иоанн Златоуст (Творения, т.7): «...Приращение богатства более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего...».

Иоанн Златоуст (Творения, т.2): «Заботящиеся только об украшении своего дома, богатые только внешними благами, нерадят о внутренних благах и не обращают внимания на то, что душа их пуста, нечиста и покрыта паутиной. Но если, презрев внешнее, они всю свою заботливость обратят на душу свою и будут украшать ее со всех сторон, душа таких людей сделается жилищем Христовым».

Василий Великий (Беседа 7, толков. на Ев. от Матфея 19, 16-25): «Когда вхожу случайно в дом человека глупого, и не кстати богатого, и вижу, что дом испещрен всякого рода цветами: тогда узнаю, что у этого человека нет других драгоценностей, кроме видимых, что он украшает бездушные вещи, а душа у него не украшена. Скажи мне, к какому выгоднейшему употреблению служат серебряные ложа и серебряные столы, постели и сидалища из слоновой кости...?».

Николай Сербский (Евангелие о многопечительности и о наглой смерти): «И сказал (богач): вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое. Вот что является главным трудом неразумного! Вместо того чтобы уничтожить в себе ветхого человека и создать нового, он вкладывает все свои силы в разрушение старых и создание новых житниц, новых амбаров и хуторов. Если и на следующий год он получит столь богатый урожай, то снова примется беспокоиться и трудиться над расширением старых или созданием новых житниц. И так из года в год его житницы будут становиться все более широкими и новыми, а душа - все более узкой и ветхой. И его старая пшеница будет гнить, как и его душа. Его будет окружать зависть, на него будут сыпаться проклятия. Ибо бедняки с завистью будут смотреть на его богатство, а голодные будут проклинать его за скупость и эгоизм. И, таким образом, его богатство будет способствовать и его гибели, и гибели его соседей. Его душа погибнет из-за скупости и эгоизма, а души его соседей - из-за зависти и проклятий. Видите, как безумный человек может употребить дар Божий и на свою, и на чужую гибель! Бог дал ему богатство как благословение, на спасение и ему, и его соседям, а он делает его и своим, и их проклятием».

Итак, хорошо понятно то, зачем Господь дает богатство.

Иоанн Златоуст (Творения, т.1): «Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяние, и пьянство, и пресыщение, и дорогие одежды, и на другие предметы роскоши, но для того, чтобы ты уделял нуждающимся».

Иоанн Златоуст (Творения, т.6): «Но Бог дал богатство богачу затем, чтобы он утешал скорби бедности».

Иоанн Златоуст (Творения, т.4): «Разве человеколюбивый Господь для того дал тебе много, чтобы ты данное тебе употребил только в свою пользу, остальное же запер в сундуках и кладовых? Нет, не для этого, но для того, чтобы, по апостольскому увещанию, твой избыток восполнял других (2Кор.8,14)».

Но есть такие богачи, которые вообще скупятся дать и малую милостыню. И в этом случае бывает так, что если богатый человек сам не желает исполнять заповедь,

относительно богатства, то Господь посылает ему лишения и скорби, которые приведут человеку к Богу.

Пролог в поучениях и рассказах (Скупое сердце): «За одним человеком следовало множество всяких нищих и убогих, умолявших его оказать им хотя бы маленькую помощь. Человек тот не обращал на несчастных никакого внимания, даже не оглядывался на их просьбы и вопли. Все это видел святой Нифонт, имевший дерзновение беседовать с самими Ангелами Божиими. Он подошел к Ангелу Хранителю того человека и спросил: «Скажи мне, много ли у этого человека имения?». Ангел сказал: «Он имеет бесчисленное богатство, но крайне сребролюбив и из-за копейки готов умереть. Рабов же своих он бьет, морит голодом, не одевает и непосильные работы на них налагает». Нифонт сказал: «Да неужели совесть не упрекает его за такую жестокость?» Ангел отвечал: «Послушай меня, Нифонт, я скажу тебе: приходит к нему темный бес, смущая его и говоря: «Вот ты состаришься и в болезнь впадешь; поэтому не давай имения твоего никому; иначе, когда в нужде будешь, тогда начнешь каяться и говорить: напрасно я раздал имяние свое нищим! Но будет уже поздно». И таким образом прельщает его нечистый часто влагая ему такие мысли в сердце. Он же повинуется им и пребывает мрачным, и нищих не милует. На это преподобный Нифонт сказал: «А почему твои добрые внушения не действуют на этого богача?» Ангел отвечал: «Наши внушения не доходят до сердца скупого, потому что оно все ушло в земное материальное богатство, все принадлежит ему, ибо где сокровище человека. там и сердце его, и оно глухо к святым внушениям». «Ужели же все скупцы погибают?» «Да, многие, многие из них погибают неотвратимо, как Иуда-предатель, и мы об этом скорбим и плачем; но многие по неизреченному милосердию Божию, поддаются нашим внушениям и возвращают свои сердца Богоугождению, и спасаются». Нифонт спросил: «А этот скупой богач спасется ли?» «Спасется. У него есть один неизлечимый недуг, который он незаметно нажил через свою скупость и который скоро уложит его в постель. Через эту болезнь дела его придут в полное расстройство, лукавые рабы, которых приставил к нему диавол, расточат и расхитят все его богатство, а часть будет истрачена на лечение и на лекарей, и таким образом богач сам станет нищим и самым жалким и беспомощным, убогим человеком, все оставят его, и родные и знакомые, и только в себе подобных найдет он сострадание к своему тяжкому горю. Вот это его состояние, хотя перед смертью, обратит его ко Христу». С этими словами Ангел стал невидим, а Нифонт, обрадованный, пошел своею дорогою, славя премудрость Божию».

Также отцы говорят о том, что богатые во многом зависят от мнения других людей и по этому им приходится много льстить «сильным мира сего»

Иоанн Златоуст (Творения, т.2): «Имея надобность во многих лицах, он (богатый) принужден многим льстить и угождать с великим раболепством; бедного же, если он благоразумно ведет себя, не может одолеть и диавол».

Богатым также знакома страсть печали о потерянной прибыли или вещах. О том, что людей, боящихся бедности, отцы называют несмышленими детьми, было сказано выше, но и тех, кто скорбит о потерянных благах, также есть духовные младенцы.

Тихон Задонский (т.4, Малые дети): «Видим, что малые дети несмысленны. Когда игры их и шуточные вещи отнимаются у них, — плачут и рыдают, но когда находят злодей и дом и имяние расхищают, — смеются и небрегут о том. Таким детям подобны и многие христиане. Когда у них временное что отнимается, — плачут и рыдают, а часто и смерти себе предают; а что вечное блаженство через грех от них отнимается, о том не радят. Лишаются или богатства, или чести, или славы временной, — сетуют и печалются, плачут и рыдают; но что злодей душ человеческих, дьявол, хитростью своею лишает их вечной жизни, богатства, чести, и славы и всего блаженства вечного, небрегут о том».

Итак, кратко разобрав тему о богатых и богатстве, надеемся, что многие из нас поновому посмотрели на то материальное благополучие, к которому все мы стремимся и на свои желания - мечты быть богатыми. И теперь нам более ясно почему «трудно богатому войти в Царство небесное».

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, гл.11): «§ 260. Наконец, самолюбие, скупость, сребролюбие и немилосердие много вымышляет причин и извинений, которых и перечислить невозможно. По этим-то причинам «трудно богатому войти в царство небесное» (Мф.19:23). Поскольку: 1) уповают на богатство свое, а не на Бога Живого, что есть идолослужение; 2) в богатых скупость и сребролюбие гнездится; 3) гордость и той дочь — презрение бедных и убогих; 4) немилосердие к страждущей, подобной себе, братии; 5) пагубная роскошь и прочее. А всему корень — самолюбие. Не богатство виновато в погибели богатых, ибо богатство есть Божие дарование, и многие богаты были, но и благочестивы, как-то: Авраам, Исаак, Иаков и прочие праотцы наши, каковы и ныне многие, — но что же? Сердце самолюбивое и прилепляющееся к богатству и от Бога Живого отвращающееся. Поэтому Псаломник говорит: «если притекает богатство, не прилагайте сердца» (Пс.61:11). Примечай здесь, любезный читатель, что здесь говорится о богатстве праведном, а не о том, которое собрано неправдой, хищением, беззаконной лихвой, лестью и коварством. Это богатство пагубное, и стяжателя своего навечно погубит, если злом собранного хорошо не расточит и истинного покаяния и плодов его не принесет».

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, ч.2,§426): «Мало, весьма мало богатых обретается, которые были бы истинными христианами. Не богатство тому виною, но злое сердце человеческое, которое или неправдою собирает богатство, или правдою собранное несправедливо расточает, или хранит его, как сторож. К тому же едва сыщется какой богач, который бы богатством своим не гордился и не превозносился, хотя и не его оно есть, но Божие. Ибо все Божие, что ни имеем, кроме грехов. Неправда же, роскошь, скупость и гордость много с собою вводят беззаконий и лишают христианина христианства истинного. Истинное же христианство не может быть без христианской жизни, которая должна от внутренности происходить. И так богатство, Божие добро, безумному богачу, как безумному меч, бывает, которым он сам себя закалывает и погубляет, что и о всяком Божием даровании разуметь должно. Ибо всякое дарование, когда человек его не на добро, но во зло употребляет, обращается ему во зло и погубель, например, учение, разум, красноречие, художество, знание языков и сам дар чудотворения, и прочее (1Кор.13,1-3; Мф.7,22-23). Может человек злоупотреблять и Божиими дарованиями. Это тогда бывает, когда человек через дарования не славы Божией и пользы ближнего, на что они подаются, но славы и похвалы своей ищет. Так и богатый, когда не славы Божией и пользы ближнего через богатство ищет, но или хранит его как сторож или как пес сено, на котором лежит, и сам не ест и скоту не дает, или расточает на непотребные расходы, дабы или плоти своей угодить, или от людей славу и похвалу себе снискать, и прочее, — во зло употребляет дарования Божии, и так во зло употребляемое дарование Божие во зло и ему обращается. А когда нет христианского употребления богатства, то нет в таком богатом и истинного христианства. Очень же мало таких богачей, которые по-христиански расходуют богатство, как это примечается от дел их, следовательно, мало истинных христиан сыскать можно между богатыми. По большей же части истинные христиане в нищете и убожестве живут. Причина тому такая: истинные христиане более пекутся о богатстве душевном и вечном, нежели телесном и временном, или того добра, которое от Бога им посылается, лишаются через злых богачей, по Писанию: Не богатые ли притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды? Не они ли бесславят доброе имя, которым вы называетесь (Иак.2:6—7)? Или сами расточают богатство свое, как пишется: «расточил, дал нищим» (Пс.111:9), — есть и прочие причины, Богу одному известные».

Видя всю пагубность несправедливого пользования богатством, святые учат, как необходимо богатому человеку воспринимать недостаток.

Антоний Великий (Добротолубие, т.1): «Людям надобно или совсем не приобретать ничего излишнего, или, имея то, быть твердо уверенными, что все житейское

по естеству тленно, может быть отнято, потеряно и разрушено, и что потому, когда случится что, не должно малодушествовать».

Василий Великий (Ч.4, Бес.6 на Лк. 12,16-21): «Познай, человек, Даровавшего. Вспомни себя самого, кто ты, к чему приставлен, от кого получил это, за что предпочтен многим? Ты служитель благого Бога; приставник подобных тебе рабов: не думай, что все приготовлено для твоего чрева; о том, что у тебя в руках, рассуждай, как о чужом. Оно не долго повеселит тебя, потом утечет и исчезнет; но у тебя потребуют строго в этом отчета. А ты все держишь взаперти, за дверьми и запорами, и приложив печати, не спишь от забот, и раздумываешь сам с собою, слушаясь безумного советника - себя самого. «Что сотворю?». Следовало бы сказать: "Наполню души алчущих, отворю свои житницы, созову всех нуждающихся. Буду подражать Иосифу, проповедуя человеколюбие; произнесу великодушное слово: все, у кого нет хлеба, приходите ко мне; как из общих источников приобщись дарованной Богом благодати каждый, сколько кому нужно!" Но ты не таков! От чего же? От того, что завидуешь людям в наслаждении, и, сложив в душе лукавый совет, заботишься не о том, чтоб дать каждому, что нужно, но чтоб, все захватив, всех лишить возможной от того пользы».

Как мы уже разобрали выше, святые отцы, говоря о бедности, утешали людей и призывали не отчаиваться. Но, говоря к богатым, отцы увещевают и обличают их.

Григорий Палама (Омилия 4): «Услышьте и стенайте, вы, злостно пренебрегающие страждущими братьями вашими, лучше же сказать - Божиими братьями, и из вашего изобилия не уделяющие нуждающимся ни пищи, ни убежища, ни одежды, ни необходимой заботы, и не пользующие вашего избытка на восполнение их недостатка. Лучше же сказать - не: "услышьте и стенайте", но - "услышим и возстенаем": ибо и самого меня, говорящего вам это, упрекает совесть, как не совершенно чистого от привязанности (к земному): ибо в то время как - много холодных и голодных, я - полон всем и одет; но большего плача достойны - те, которые сокровища, превышающие ежедневные потребности и имеют, и удерживают, или еще и стараются их увеличить; и те, которым заповедано любить ближнего, как самого себя, даже и за прах земной его не признают! Не означает ли это, что серебро и золото мы возлюбили больше, чем братьев? Но обратимся и покаемся, и помогая нуждам бедствующей в нашей среде братии, сделаем их участниками того имущества, которым обладаем; и если мы не изберем боголюбиво. израсходовать все наше имущество, однако же да не задержим немилосердно все за собою; но одно, действительно, сделаем, а за то, что отстали в другом, смирим себя пред Богом, и получим от Него прощение, ибо Его человеколюбие восполняет наш недостаток; но только поступим так, дабы не случилось, - да не будет сего! - услышать те страшные слова, как написано: "Тогда речет сущим ошуюю Его: идите от Мене проклятии". О, как это много заключает: удалитесь от жизни, будьте исключены от наслаждения, лишены света!».

Василий Великий (Беседа 7, толков. на Ев. от Матфея 19, 16-25): «Что будешь отвечать Судии ты, который одеваешь тканями стены, а не оденешь человека; убираешь коней, а равнодушно смотришь на брата, одетого гнусно; даешь гнить пшенице, а не питаешь алчущих; зарываешь в землю золото, а утесненного оставляешь без внимания?».

Священникам, которые должны увещевать христиан о зле – сребролюбии, отцы также дают советы.

Исидор Пелусиот (письма, ч.3, 186): «Если некоторые из тех, кем ты руководишь, придут в бешенство и, покрывшись пеною, станут поступать в чем-либо самовольно и рваться из-под узды, сдерживай и обуздывай их, чтобы не понесли по стремнинам. Если же заметишь между ними сребролюбцев, говори непрестанно: "Какая это новая и нелепая страсть - сребролюбие, которая все приобретенное превращает в пищу желанию большего и все сильнее разжигает его? Непрестанно в себя принимая, она никогда не насыщается; подобно какой-то многоглавой гидре, тысячами уст препровождая пищу в ненасытное чрево, она так жадно вожделевает еще большего, как будто бы ничего не

принимала с самого начала. Кто же из людей благоразумных решится возлюбить сию страсть, которая одержимых ею здесь наказывает, а там предаёт огню неугасимому?"».

Но зачастую богатые люди не желают слушать обличений о пристрастии к богатству и могут обвинять и упрекать тех, кто говорит о сребролюбии.

Иоанн Златоуст (Творения, т.3): «...Богатый, занятый многими заботами, надменный гордостью, происходящей от богатства, преданный лени и беспечности, не с великою ревностью и не с великим усердием принимает врачевство слушания Писаний...».

Иоанн Златоуст (Творения, т.12): «...Плененные этим недугом (богатства) не в состоянии слышать, как их обвиняют и обличают, будучи всецело преданы удовольствию и став через это самое рабами... Потому ли богатство кажется нам желанным и высокоценным, что оно питает в вас тягчайшие страсти, доводя гнев до дела, вздувая пузыри большого честолюбия до громадных размеров и возбуждая к гордости? Потому самому нужно без всякой оглядки бежать от него, что оно поселяет в нашей душе диких и свирепых зверей, чрез которых лишает ее чести...»

Иоанн Златоуст (т.12, Сл.11): «Говорю, и не перестану говорить это, хотя многие и упрекают меня (говоря): всегда он говорит, докучает богатым. Однако ведь и те всегда докучают бедным. А я докучаю богатым, вернее же сказать, не богатым, а тем, кто худо пользуется богатством. Всегда говорю, обвиняя не богатого, а хищника. Иное дело богатый, иное - хищник; различай эти две вещи, не сливай несоединимого. Богат ты? Не запрещаю. Похищаешь? Обвиняю. Имеешь свое? Пользуйся. Берешь чужое? Не смолчу».

Василий Великий (Ч.4, Бес.6 на Лк. 12,16-21): «Я сказал, что почитал полезным. Если послушаешься, известны блага, уготованные по обетованиям; а если преслушаешь, написана и угроза: но желаю, чтоб ты избежал и не дознал ее опытом, приняв лучшее намерение, и чтоб собственное твое богатство сделалось для тебя искупительной ценою, и ты достиг уготованных небесных благ, по благодати Призвавшего всех нас в царство Свое. Ему слава и держава во веки веков! Аминь».

Но не стоит богатому отчаиваться, слыша подобные обличения и увещания, т.к. если он изменит свое отношение к богатству и начнет пользоваться им ради славы Божией, то оно послужит делу нашего спасения.

Феофан Затворник (Мысли на каждый день года по церковному чтению, неделя 12): «(1Кор.15,1-11; Мф.10,16-26). «Трудно богатому войти в Царство Небесное». Тут разумеется богатый, который в самом себе видит много способов и много сил к своему благоденствию. Но коль скоро многоимеющий отсечет всякое пристрастие к имению, погасит в себе всякую на него надежду и перестанет видеть в нем существенную свою опору, тогда он в сердце бывает то же, что ничего неимеющий; такому открыта дорога в Царствие. Богатство тогда не только не мешает, но помогает, ибо дает способ благодетельствовать. Не богатство беда, а упование на него и пристрастие к нему».

Ерм (Пастырь, подобие первое): «Итак, вы, служащие Богу и имеющие Его в сердцах своих, смотрите: делайте дела Божий, помня о заповедях Его и обетованиях Им данных, и веруйте Ему, что Он исполнит их, если будут соблюдены Его заповеди. Вместо полей искупайте души от нужд, сколько кто может, помогайте вдовам и сиротам; богатство и все стяжания ваши употребляйте на такого рода дела, ради которых вы и получили их от Бога. Ибо Господь обогатил вас для того, чтобы вы исполняли такое служение Ему. Гораздо лучше делать это, нежели покупать дома и поместья, ибо имущество тленно, тогда как то, что сделаешь во имя Божие, обретешь в своем городе и будешь иметь радость без печали и страха. Итак, не желайте богатств язычников, ибо не свойственны они рабам Божиим; избытком же своим распоряжайтесь так, чтобы могли вы получить радость. И не делайте фальшивой монеты, не касайтесь и не желайте чужого. Делай свое дело - и спасешься».

Раздел: О заповеди «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай бедным»

Значение слов: «от мира отречься»

Об отречении от мира мы поговорим подробно в теме о деятельности человека, а сейчас скажем кратко для того, чтобы каждый из нас мог рассудить о своей мере приверженности к миру, а значит и сребролюбию.

Следует сразу отметить, что к христианскому отречению не относятся философские языческие отречения от богатства.

Платон, митр. Московский (т.1, Слово о милосердии): «Не то заслуживает похвалу, чтоб богатство собрать, но чтоб знать, как его употребить. Некоторой языческой философ, бросая в море деньги, сказал: «чтоб не погубили вы меня, погублю я вас». Погубило ли бы сего нерассудного мудреца богатство его, ежели бы оно на честные употребления расточено было? Но в этом состояла языческая добродетель: а мы, Евангельскою высокою просвещенные истинною, можем ли еще требовать в том наставления?».

Итак, первое значение понятия «от мира отречься» заключается в том, что человек должен избавиться от пристрастий, независимо от того, где он живет в монастыре или в миру.

Тихон Задонский (Плоть и дух, 27): «Первое. Мир презреть или от мира отречься — это не иное что, как не иметь пристрастия к тленным и суетным вещам, как-то: к чести, богатству и прочим».

Это отречение является внутренним и для него не обязательно удаляться от мира, но обязательно бороться и искоренять свои страсти, и, например, при наличии в себе страсти сребролюбия надо быть нестяжательным, не иметь страха перед бедностью, уповать на Бога, исполнять добродетели и заниматься молитвой и чтением.

Василий Великий (Творения, ч.6): «...Удаление от мира состоит не в том, чтоб телом быть вне мира, но чтобы душою оторваться от пристрастия к телу, не иметь у себя ни города, ни дома, ни собственности, ни товарищества, быть нестяжательным, не беспокоящимся о средствах жизни, беззаботным, избегающим всякого сношения с людьми, не знающим человеческих правил, готовым принимать напечатлеваемое в сердце Божественным учением».

Феофан Затворник (Проповедь в неделю Великого Поста (15.03.1864 г)): «(Предполагаю, скажут): «Так это к монахам идет, чтоб иметь мир распятым себе и себя распять миру, а не к нам, мирянам». Нет, не так, братие! Апостол это в лице своем всем христианам дал закон и всех обязал так устроиться в себе, чтоб всякий мог сказать: «мне мир распяся, и аз миру». Вот посмотрите, как это может и должно совершиться в вас. Возьмите! вы во внимание, что словом «мир» означает, собственно, не сожителство человеческое, не дела житейские, а все греховное, страстное, богопротивное. Мир - то, в чем качествуют похоть плоти, похоть очес и гордость житейская или где царствует всякий грех. В сем смысле слова: «мне мир распяся, и аз миру» будут значить то же, что: «мне всякий грех распяся, и я всякому греху распяся» Как же это и когда бывает? Заметьте, наперед, что в каждом грехе есть две стороны; одну составляют греховные дела, а другую — греховная страсть. Страсть служит источником и причиною греховных дел, а дела суть произведение и выражение страсти. Так, например, гневливость или сердитость есть страсть греховная, в сердце живущая; а дела, в коих она выражается, суть: вспышки гнева, брань, свары, споры, драки, убийства. Страсть одна, а сколько у нее дел? И все они от нее одной происходят. Также сластолюбие, или чувственность, есть греховная страсть к чувственным удовольствиям; а дела ее суть: многоядение, сладкоядение, многопитие, сладкопитие, гулянье в трактирах, на гульбищах, в непотребных домах, в театрах, на балах, вечеринках. То же надобно разумев и о всякой страсти. Всякая страсть, одна в

сердце, вовне телом выражается многими делами».

Наравне с внутренним отречением, человек может отречься от мира и внешне. Это второе значение слов «от мира отречься», и это, как и при первом отречении, путь не только монахов и истинных подвижников, но и всех христиан с той разницей, что одни живут в миру, а другие в монастыре.

Тихон Задонский (Плоть и дух, 27): «Второе. Отречься от мира не только одни монахи, как многие неправильно думают и говорят, должны, но и все христиане, ибо, как выше из Писания видно, о горнем помышлять, а не о земном (Кол.3,2) всем повелевается, хотя монахам особенно долг этот надлежит».

Второе, внешнее отречение является результатом внутреннего отречения, т.к. человек, осознавший пагубность пристрастия к миру и к богатству, старается очистить сердце от того, что в нем собрано. И для этого человек уединяется, поститься, читает Святое Писание и т.д.

Авва Моисей (Собеседования Египетских отцов преп. Иоанн Кассиана, 1,7): «...для этой чистоты (сердца) нам должно все делать и желать; для нее в пустыню надобно удаляться, для нее должно нам предпринимать посты, бдение, труды, нищету телесную, чтение и другие добродетели, именно чтобы чрез них сделать и сохранить сердце наше чистым от всех вредных страстей, и для соблюдения их (то есть поста, бдения и прочего)... Итак, посты, бдения, упражнение в Священном Писании, нищета, расточение всего имущества не составляют совершенства, но суть только средства к совершенству; поелику не в них состоит конец жизни монашеской, но посредством их достигается конец. ...Итак, всего, что может возмущать чистоту и спокойствие нашего духа, надобно избегать, как вредного, хотя бы и казалось полезным и необходимым. Этим правилом мы возможем избежать уклонения во всякие погрешности и развлечения и по прямому направлению достигнуть желаемого конца».

Эти два вида отречения также отражены в следующих словах Апостола Павла в послании к галатам гл.6, ст.14: «мне мир распяся, и аз миру»

Авва Дорофей (Душеполезные поучения, поуч.1): «Мне мир распяся, и аз миру» (Гал.6,14). Какое же между этим различие? Как мир распинается человеку, и человек миру? Когда человек отрекается от мира и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяние (другим) и притом (от них); тогда распинается ему мир, ибо он отверг его. Это и значат слова Апостола: «мне мир распяся»; потом он прибавляет: «и аз миру». Как же человек распинается миру? Когда, освободившись от внешних вещей, он подвизается и против самоуслаждений, или против самого вожделения вещей и против своих пожеланий, и умертвит свои страсти: тогда и сам он распинается миру, и сподобляется сказать с Апостолом: «мне мир распяся, и аз миру»».

Феофан Затворник (Проповедь в неделю Великого Поста (15.03.1864 г)): «Когда кто оставляет дела греховные или страстные, тогда распинается ему грех, или мир; а когда кто и самую страсть греховную в себе погашает и искореняет, тогда и он распинается греху, или миру. Так, например, когда кто оставляет гульбища, театры, трактиры, вечеринки и прочее, так что никто никогда не видит его ни в каких непотребных делах и местах, а всегда все видят его в поведении исправным и степенным; тогда, значит, грех, или мир, этую частью своею умер для него, или распялся ему. Но при сем нельзя еще наверно сказать, чтоб и сам он распялся греху, или миру. Ибо хотя нет его в тех местах и делах телом, но он может быть там сердцем и умом. Нет его в театре телом, но он может думать о нем и с соуслаждением говорить: «Как бы хорошо побыть там». Нет его в трактире и на гуляньях телом, но он может быть там умом и сердцем, может думать и желать, как бы попасть туда, жалея, что его нет там. Во всех сих и подобных случаях, хотя грех, или мир, распялся ему, но он сам еще не распялся греху, или миру, еще любит его, еще желает его и услаждается им. Одолел он себя настолько, чтоб удалиться от греховных дел; а сердца своего еще не переломил, еще не научил его не любить греховных дел, отвратиться от них и возненавидеть их. Пред Богом он еще грехолюбец, или миролюбец. Ибо Бог смотрит не

на одни дела, а паче на сердце (1Цар.16,7). Почему должно нам не только отстать от дел страстных и греховных, но преодолеть и погасить самые страсти так, чтоб не услаждаться никакими страстными предметами и делами, а иметь к ним отвращение и гнушаться ими. Вот когда уже кто достигнет до этого состояния, когда кто не только дел греховных делать не будет, но и самое пристрастие к ним погасит в себе; тогда он; может сказать о себе, что и он распялся миру. Итак, поставьте вы на одну сторону все греховные и страстные дела, а на другую — греховные страсти и так помышляйте: когда оставите вы все страстные дела, тогда будет значить, что мир вам распялся; а когда вы самые страсти погасите, тогда будет значить, что и вы распялись миру. Вот в каком разуме и к вам, мирянам, приложим закон, чтоб иметь мир распятым себе и себя распять миру. Первое выражается тем, что человек порочный оставляет жизнь распутную, дурную, зорную и начинает жить степенно, исправив свое поведение. А второе выражается тем, что не только, исправного кто бывает поведения, но и чувства сердца своего держит исправными, чистыми и Богу приятными. Первое легче, а второе труднее. Почему не у всякого, исправного по внешнему поведению, исправно бывает и сердце.

Это и было причиною, что Апостол не остановился на одном распятии мира, или греха, — нам, но прибавил и распятие нас — миру. «Мало, — как бы так говорит, — мало, что твое поведение исправно. Ты в сердце свое войди, пересмотри там свои чувства и расположения и их все сделай святыми и Богу угодными». Исполняет сию апостольскую заповедь тот, кто, вошедши в себя, к Богу возносится умом своим, и, Его в себе созерцать напрягаясь непрестанно, помышлением о Нем испытывает правоту всякого своего помышления и чувства, и прогоняет все неправое, как богопротивное; кто, водворивши в себе страх Божий, строго внимает себе и без жалости посекает всякое нечистое расположение, сопутствующее ли делам или предшествующее и последующее им, — и, таким образом, всякое дело очищает и чистым представляет Богу, как жертву непорочную и всесожжение тучное. Что же вы изберете? Надобно избрать то и другое. Кто в страстные дела запутался брось их и исправь поведение свое. Кто исправил поведение - не останавливайся на одном этом, а войди внутрь себя и исправь самое сердце твое, погасив в нем страсти, кои и исправное для людей поведение делают неисправным пред лицом Бога, Который видит сердце и по нем оправдывает или осуждает человека. Тогда и из вас всякий со Апостолом может сказать: «мне мир распялся, и аз миру». Аминь».

Итак, каждый христианин в отношении к отречению должен поступать по своему усмотрению и по обстоятельствам его жизни, но он должен обязательно помнить о том, что Господь будет судить нас по мере наших плодов.

Иоанн Златоуст (Толкование на Матф.13): «(Господь) показывает различные роды добродетели. По милосердию Своему, Он не один только указал путь и не сказал, что тот будет отчужден, кто не принесет сторичного плода; спасется, говорит Он, и тот, кто принесет плод в шестьдесят крат, и даже кто в тридцать. Это для того Он сказал, чтобы облегчить нам путь к спасению. Итак, не можешь переносить трудного состояния девства? вступи в брак и живи целомудренно. Не можешь совершенно расстаться с богатством? Уделяй часть от имения твоего. Для тебя трудно и это бремя? Разделяй с Христом имение твое. Не хочешь отдать Ему всего? Отдай по крайней мере половину, или третью часть. Если Он твой брат и сонаследник на небесах, то сделай его сонаследником и здесь. Ему давать - значит себе давать».

Причины, побуждающие к презрению мира

То, что вопрос отречения от мира связан с вопросом отречения от богатства, можно увидеть в нижеприведенном учении, в котором четко указываются причины, по которым христианин должен презреть мир.

Тихон Задонский (Плоть и дух, 27): «Причины, побуждающие к презрению мира. Первая. Кто любит мир и с ним дружбу имеет, врагом Божиим бывает, что страшно, ибо и Бога любить и мир невозможно: Не можете служить Богу и маммоне, — говорит Христос (Мф.6:24).

Вторая. Никакой пользы нет человеку, если бы и мир под властью своей имел, а душу свою погубил, — говорит Христос (Мф.16:25—26).

Третья. Мир останется, а все, как нагими вошли в мир, так и изыдем от мира, и ничего с собой не возьмем, ни серебра, ни золота, ни вотчин, ни чести, ни славы.

Четвертая. Человеку богатство и честь — излишнее отягощение и попечение. Кому более попечения и суеты, как не в чести сущим и богачам?

Пятая. Чем более человек любит мир, тем более от Бога удаляется; и напротив, чем кто более презирает мир, тем более к Богу приближается.

Шестая. Пристрастившийся к миру сытости не знает, как, например, кто малую честь приобрел, тот и большую ищет, и так стремится выше и выше подняться.

Седьмая. Чем кто большее пристрастие имеет к миру, тем более пред судом Божиим истязан будет.

Восьмая. Сколько ни жить и ни наслаждаться мирскими красотами и утехами, надобно будет и нехотя с ними расстаться и идти на суд Божий.

Девятая. Мир непостоянен: сегодня нас хвалят, а на другой день ругают; сегодня почитают, а потом бесчестят; сегодня поклоняются, а после попирают ногами; сегодня величают, а немного позже смеются над нами; сегодня ездим на колеснице, а на другой день сидим в темнице; вчера музыка в доме, а сегодня плач; вчера в порфире и виссоне, а сегодня в рубищах ходим. И едва найдешь, кто бы в едином постоянном счастье до конца своей жизни дошел; что ни день, то почти всякому какая-нибудь перемена. Так-то мир нами играет. Любящим же Бога, хотя и многие приключаются беды и напасти, но все им содействует ко благу, — как апостол учит (Рим 8:28).

Десятая. При смерти будем непременно о том жалеть, что мир и все, что в мире, любили. Спроси всякого умирающего, какое он мнение о мирских вещах имеет, какое о чести, о богатстве, о славе, о сладострастии? Далекое не такое, какое при жизни имел: теперь он все это считает грязью, суетой, или даже препятствием к спасению; теперь кается, сожалеет, сокрушается, что этой суетой всю жизнь ум его занят был; теперь праведно, но поздно, обо всем этом рассуждает; теперь с Соломоном признает, что все суета сует, все суета (Екк.1:2).

Одиннадцатая. Мирские вещи так обременяют человека, что ему не удастся и помыслить о Боге и о спасении вечном. Смотри на сребролюбивого богача, где у него сердце? Где сокровище его, там и сердце его, — по слову Христову (Мф 6:21). Сегодня приходы, завтра расходы считает, на третий день о новых думает. В доме сидя, печется, чтобы товары, пущенные в торг не пропали; в церкви стоит, и тут не успокоится сердце его, и тогда, то к сундукам, то к лавкам, то к прочим местам, где товары ходят, мыслью бросается; днем о том печется, ночью печется, да и во сне печется: мучительная, да и бесполезная забота! Какому тут быть о душе попечению, где мамона сердцем завладела?

Двенадцатая. Пристрастие к мирским вещам многих и великих грехов виною бывает, как-то: желающие обогатиться часто и по большей части достают богатство лихвой, неправдой, и крайней обидой ближнего, и закона Божия презрением; любящий славу и честь часто лестью, подхалимством, пронырством, клеветой на ближнего достигает того; вдавшиеся в роскошь, например, вотчинники, излишние и несносные поборы на крестьян налагают, и почти лишают их дневной пищи, и полунагими, с женами и детьми заставляют их скитаться; судьи и приказные правду и присягу попирают, скверный прибыток почитая больше Бога, чтобы было чем роскошно жить; а так и дело Божие, к которому были определены, оставляют, от чего плач, слезы, вопли насилуемых, обиженных, на небо вопиющих происходят. Дерзость, злодеяния, насилие, озлобления и прочие беззакония от злых и пагубных людей более и более умножаются.

Тринадцатая. Христиане все позваны к вечной жизни и небесным благам: только этого искать им всяческим образом и должно. Держись вечной жизни, к которой ты и призван, — говорит апостол Павел Тимофею (1 Тим 6:12).

Четырнадцатая. Христиане все в этом мире пришельцы и странники, отечество их — небо, где и Отец их: Отче наш, Иже еси на небесех (Мф 6:9)! Потому к отечеству небесному мыслью стремиться должны, а не к земному прилепляться.

Пятнадцатая. Христиане подобны купцам, которые должны корабль души своей обременять приличными, достойными небесного отечества, товарами, каковы добродетели.

Шестнадцатая. Временное предпочитать вечному бессмысленно и весьма безумно, что не иначе, как тень или и сонные видения предпочитать истинным вещам.

Семнадцатая. Языческое дело — искать земного и прилепляться к нему, ибо они не имеют вечного упования, Христом приобретенного, как светом Евангелия не просвещенные.

Восемнадцатая. Миру служить и Христу, миром наслаждаться и с Христом крест свой носить, без которого никто не спасется, невозможно. Не можете служить Богу и маммоне, — говорит Христос (Мф 6:24).

Девятнадцатая. Великую неблагодарность и презрение являем Христу, когда небесные блага, Кровью Его дражайшею для нас приобретенные, оставляем, а ищем тленного, земного. Временного и вечного одновременно искать невозможно.

Двадцатая. Особенно великая неблагодарность и презрение Ему бывает, когда Его, как Создателя и Отца своего, оставив, любим создание Его бесчувственное и прилепляемся к нему.

Двадцать первая. Великое безумие — любить создание бессмысленное и бесчувственное, которым взаимно любимы быть не можем. Вещь бесчувственная, бессмысленная, мертвая любить нас не может: и нам не подобает ее любить, но одного Бога любящего нас, и ближнего, по образу Его созданного.

Двадцать вторая. Презревшие мир здесь сторицею получают, ибо они верою всем миром обладают. Их слушает небо — повелевают облакам, и дождь дают. Повелевают солнцу — и стоит. Запрещают морю — и бежит от них. Они огонь в росу превращают. Им покоряются львы, как агнцы. Они переставляют горы, для них непроходимые места становятся гладкой дорогой, они по морю ходят, как по суше, им небо дождит манну, они источают воду из камня. Им покоряются цари, перед ними припадают их враги, возвращаются реки вспять. Они гласом сокрушают крепкие города. Они богатства гнушаются, но все имеют: Мы ничего не имеем, но всем обладаем (2 Кор 6:10). Чести избегают, а все их почитают; от всех удаляются, но всех к себе привлекают; скрываются, но скрыться не могут; утех избегают, но внутри слаще утешаются. Чем более смиряются, тем более возносятся: Всякий унижающий себя вознесется, — по Христову слову.

Двадцать третья. Наконец, презрев мир, приобретают Христа со всем небесным и вечным сокровищем, и с ним воцарятся во веки веков».

Читая это учение, многие из нас хорошо понимают о том, что в нем говорится, но, к сожалению, немногие из нас так чувствуют и так делают. Прости нас, Господи, за наше пристрастное увлечение миром и делами его, и спаси души наши!

О различной реакции людей на заповедь

Исходя из того, что сказано выше, хорошо понятно, что многие из нас, христиан, продолжают служить миру внутренне или внешне, и своим похотям. При этом мы еще с недоверием и ропотом относимся к заповедям, данным в Евангелии. Если тему о сребролюбии слышит или читает тот, кто привык жить в материальном довольстве и это ему очень нравится, то у него может вначале появиться щемящее чувство печали и

нежелания отказаться от своего достатка, а затем оправдывающие или возмущенные мысли (об их сути было сказано выше).

Иоанн Златоуст (Творения, т.12): «...Так сильна эта болезнь у многих людей и так велика власть богатства, что многие не могут выносить отречения от него даже на словах...».

Такое состояние печали человека описано в Евангелии, и многие из христиан являются подобием евангельского юноши, который спрашивал у Господа как наследовать жизнь вечную:

Евангелие от Матфея 19, 16-25: «Когда Он (Иисус) вышел на улицу, подбежал к Нему некто и, склонясь на колена, спрашивал Его: Учителю благий, что должен я делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус же сказал: почему ты называешь Меня благим? Благ один только Бог. Ты знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убий, не кради, не лжесвидетельствуй, не обделяй, чти отца своего и мать. А тот отвечал и сказал Ему: все это я соблюдал. Иисус же, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает. Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай бедным и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Но этот, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что он был богат и у него было большое имение. Иисус же, посмотрев вокруг, сказал своим ученикам: как трудно имеющим богатство войти в Царство Божие! Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять стал говорить и сказал им: дети, как трудно надеющимся на богатство войти в Царство Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие! Они же чрезвычайно изумились и говорили между собою: кто же может спастись? Иисус же, взглянув на них, сказал: Что для людей невозможно, то возможно для Бога, ибо для Бога все возможно. И начал Петр говорить Ему: вот мы оставили все и последовали за Тобою. Иисус же отвечал и сказал: истинно говорю вам: кто ради Меня и для Евангелия оставляет собственность и родителей, братьев и богатство, тот ныне, во время сие, во время гонений, во сто раз более получит полей и сокровищ и домов и братьев; в будущем же веке - вечную жизнь. Многие же первые будут последними и многие последние первыми».

Следует отметить, что юноша мог задать этот вопрос не с лукавством, а с благим желанием. И когда получил ответ от Господа: «Продаждь имение твое, и даждь нищим», то опечалился и удалился. То, что человек ищет и желает наследовать Царствие Божие – похвально, но то, что он не хочет идти указанным путем – прискорбно. Приведем толкования на эту Евангельскую историю Василия Великого и Климента Александрийского с тем, чтобы увидеть себя в образе юноши.

Василий Великий (Беседа 7, толков. на Ев. от Матфея 19, 16-25): «... во-первых, ... юноша сей не одно лицо с законником, упоминаемым у Луки. Последний был пытлив, предлагал вопросы в насмешку; а (юноша) спрашивал здраво, но только принимал не благопокорно; ибо не пошел бы от Господа, скорбя о таких Его ответах, если бы вопросы делал Ему презрительно. Почему и нрав его представился нам какою-то смесью: по указанию Писания, частью стоит он похвалы, а частью весьма жалок и не подает никакой надежды. В нем заслуживает похвалу то, что познал истинного Учителя, и, не остановив внимания на гордости фарисеев, на самомнении законников, на толпе книжников, приписал это имя единому истинному и благому Учителю. В нем хорошо и то, что, по-видимому, был озабочен тем, как наследовать живот вечный. Но прочее, - именно то, что, выслушав у истинного Учителя спасительные уроки, не написал их на сердце своем, и наставлений Его не привел в исполнение, но отошел с прискорбием, омраченный страстью богатолубия, - избличает в юноше, что воля его не всецело обращена была к истинному благу, но имела в виду нравящееся большому числу людей. Сим же доказывается неровность и взаимное между собою несогласие его нравов. Ты называешь Господа Учителем, а не делаешь, что должно ученику! Исповедуешь Его благим, а пренебрегаешь даруемым от Него! Между тем Благий, без сомнения, подает блага. Ты

спрашиваешь о вечной жизни, а на деле оказывается, что весь ты предан наслаждению жизни настоящей».

Наравне с такими христианами, образ юноши может раскрывать и другой тип людей, видимо стремящихся к Богу, а на деле заботящихся о другом.

Климент Александрийский (Кто из богатых спасется, гл.10): «(Юноша) отошел, опечалась, находя для себя тяжелой эту заповедь жизни, о которой он молил. Потому что он не на самом деле жизни желал, как он говорил, а старался лишь славу о добром своем намерении распространить. О многом он заботился, но к этому, чтобы усовершенствовать дело жизни, был неспособен, к тому не расположен и для того слаб. Как Марфе, хлопотавшей о многом, в услугах рассеивавшейся и путавшейся, а сестру за то винившей, что, оставив услужение, эта при ногах Его сидела и на досуге Его учению внимала, как, обращаясь к Марфе, Господь сказал: «...ты заботишься и суетишься о многом... Мария же избрала благу часть, которая не отнимется у нее» (Лк.10,41), подобно этому и юношу Он отклонил от сложных хлопот, ему на единое указал и при благодати Того, Кто вечную жизнь предлагает, ему оставаться посоветовал».

Как некоторые обеспеченные христиане воспринимают слова Спасителя о трудности богатого войти в Царство Небесное? Мало найдется среди нас таких христиан, которые бы не смутились и не опечалились по поводу слов Господа: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим» (Мф.19,21). Мы зачастую стремимся к Богу и наше желание действительно искреннее. Но, выслушав или прочитав как можно это сделать или о властвующей над ними страсти сребролюбия, мы огорчаемся, т.к. для этого нужно понуждать себя к молитве, к борьбе со страстями, отказаться от своих привычек и неправедных способов приобретения и пользования, и даже лишиться материального благополучия. И на эти чувства и слова св. отцы отвечают следующее:

Василий Великий (Беседа 7, толков. на Ев. от Матфея 19, 16-25): «...Какое же трудное, тяжелое, неудобноносимое слово предложил тебе Учитель? «Продаждь имение твое, и даждь нищим» (Мф.19:21). Если бы возложил на тебя труды земледельческие, или опасные предприятия по торговле, или что еще есть трудного для ищущих прибытка; то надлежало бы тебе опечалиться, огорчившись сим повелением. Если же таким удобным путем, не требующим ни труда, ни пота, обещает сделать тебя наследником вечной жизни; почему не радуешься удобству спасения, а удаляешься с болезнующею и сетующею душою, и делаешь для себя бесполезными все прежние свои труды? Ибо, если ты, как говоришь, не убил, не прелюбодействовал, не украл, не свидетельствовал ни на кого свидетельства ложного; то тщание свое об этом сам для себя делаешь бесполезным, не присовокупив остального, чрез что одно мог бы ты войти в царство Божие. Если бы врач обещал исправить повреждения в членах, какие у тебя есть от природы или от болезни; не благодушно ли выслушал бы ты это? Но когда великий Врач душ хочет сделать совершенным тебя, у которого недостает существеннейшего; не принимаешь милости, а сетуешь и становишься унылым».

Итак, одни могут отчаяться и с этим же чувством продолжить жить так, как жили ранее, не надеясь на спасение.

Климент Александрийский (Кто из богатых спасется, гл.2): «...одни без рассуждений и легкомысленно внимают сему голосу Спасителя, что «удобнее верблюду сквозь игольные уши пройти, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф.19,24), и в себе самих отчаиваясь, как если бы не могли они Царства Божия достигнуть, во всех своих действиях соображаются с миром; и... все далее и далее в унынии отклоняются от пути, ведущего в жизнь загробную, не заботясь много ни о том, к каким богачам Господь и Учитель обращает речь Свою, ни о том не думая, что невозможное для людей возможно для Бога (Мф.10,27)».

Другие не отчаиваются, но и ничего не делают по заповедям Божиим данным для богатых.

Климент Александрийский (там же): «Другие, хотя и правильно и надлежащим образом понимают данное изречение Господа, но, пренебрегая делами, ведущими ко спасению, не снабдевают себя этим оружием, необходимым для завладения ожидаемыми благами. С обеих этих точек зрения говорю я, впрочем, только о богатых, которым известны и могущество Спасителя и явленное Им спасение. О тех же, которым эти истины не известны, меньше я забочусь».

Третьи начинают задавать вопросы, оправдывающие себя, но святые отцы обличают такие лукавые мысли.

Василий Великий (Беседа 7): «...Говорят: "Как же будем жить, оставив все? Какой вид примет жизнь, если все станут продавать, все отказываться от имени?" - Не спрашивай у меня разума Владычных заповедей; Законодатель знает, как и невозможное согласить с законом. Испытывается же твое сердце, как бы на весах, куда оно склонно, к истинной ли жизни, или к настоящим наслаждениям. Рассуждающие здраво должны держаться той мысли, что богатство можем употреблять, как приставники, а не как имеющие право им наслаждаться. И отказывающиеся от него должны радоваться, как уступающие чужое, а не огорчаться, как лишаящиеся собственности. Для чего же скорбишь? Для чего сетуешь в душе, слыша: продаждь имение твое? Если бы оно последовало за тобою даже в будущую жизнь, и тогда не надлежало бы столько к нему пристращаться, потому что оно затмевается тамошними почестями. А если необходимо ему остаться здесь; то почему ж не продать его, и не взять туда с собою вырученной от него прибыли? Но ты, отдавая золото и приобретая коня, не унываешь; а уступая тленное, и получая взамен небесное царство, проливаешь слезы, отказываешь просящему, отрекаешься от подаяния, придумывая тысячи предлогов к издержкам».

Диадок (Подвижническое слово 6, 66): «Но скажет кто: (если все раздадим), откуда же потом будут получать милостыню бедные, которые теперь кормятся от наших посильных подаяний? - Таковому вот какой приличен урок: не дерзай нечто укорное для Бога примышлять, для прикрытия своего лихоимания. Не оскудеют у Бога способы попечительно благоустроить создание свое, как делал сие от начала. И прежде, чем сей или оный были возбуждены к милостыне подаянию, оставались ли бедные без пищи, или одежды? Будь убо уверен, что гораздо лучше, тотчас по познании истины, благостно иждить все на послужение бедным, отрывнув внушаемое пристрастием к богатству неразумное мудрование и горделивость, и возненавидев свои похотения, - что значит - возненавидеть душу свою: чтоб потом, не имея уже поводов радоваться в самовосхвалении постоянному раздаванию имений, унижали мы себя, как ничего доброго неделающие. Ибо пока изобилуем богатством, много услаждаемся раздаванием его, когда бывает на то охота, как с радостью исполняющие божественное повеление; когда же иждивим все, исполняемы бываем смиренными и сокрушенными чувствами, как ничего праведного не творящие. Вследствие сего душа в великом смирении возвращается в себя, чтобы чего не можем уже стяжевать каждодневным милостынераздаянием, того сподобляться прилежной молитвой, терпением и смиренномудрием; ибо сказано: «нищ и убог восхвалит имя Твое Господи» (Пс.73:21). К тому же и дар богословствования никому неуготовляется от Бога, кроме тех, кои наперед располагают себя от всего своего отречься ради славы Евангелия Божия, чтоб в боголюбезной нищете благовествовать о богатстве Царствия Божия. Сие дает разуметь рекший: «уготовал еси благодать твою нищему Боже», и присовокупивший к сему: «Господь даст глагол благовествующему силою мною» (Пс.77,11.12)».

Конечно, такие и другие реакции и оправдания происходят по нашему маловерию и малодушию. Но существует еще одна причина: многие христиане не стремятся познать, что означает эта заповедь, а, поверхностно восприняв ее, реагируют так, как сказано выше.

О внешнем отречении от богатства

Как и отречение от мира бывает внутреннее и внешней, так и отречение от богатства бывает внутреннее и внешнее. Внутреннее отречение заключается в том, что человек не имеет пристрастий и все, что дает ему Господь приобрести, раздает нуждающимся, оставляя себе необходимое на естественные потребности. Внешнее отречение происходит путем вольной бедности, когда человек в прямом смысле раздает все, что у него есть и это – путь святой нестяжательности. Приведем один из многочисленных примеров того, как человек оставляет мир и имущество.

Афанасий Великий (Житие преп. Антония): «Антоний родом был египтянин. Поскольку родители его, люди благородные, довольно богатые были христиане; то и он воспитан был по-христиански, и в детстве рос у родителей, не зная ничего иного, кроме их и своего дома. Когда же стал отроком и преспевал уже возрастом, не захотел учиться грамоте, ни сблизаться с другими отроками, но имел единственное желание, как человек нелукав, по написанному об Иакове, жить в доме своем (Быт.25,27). Между тем ходил он с родителями в храм Господень; и не ленился, когда был малым отроком, не сделался небрежным, когда стал уже возрастать, но покорен был родителям, и внимательно слушая читаемое в храме, соблюдал в себе извлекаемую из того пользу. Воспитываемый в умеренном достатке, он не беспокоил родителей требованием разных и дорогих яств, не искал услаждения в снедах, но довольствовался тем, что было, и ничего больше не требовал. По смерти родителей, остался он с одною малолетнею сестрою, и будучи восемнадцати или двадцати лет от роду, сам имел попечение и о доме, и о сестре. Но не минуло еще шести месяцев по смерти его родителей, он, идя по обычаю в храм Господень и собирая во едино мысли свои, на пути стал размышлять, как Апостолы, оставив все, пошли во след Спасителю, как упоминаемые в Деяниях верующие, продавая все свое, приносили и полагали к ногам Апостольским для раздаяния нуждающимся, какое имели они упование, и какие воздаяния уготованы им на небесах. С такими мыслями входить он в храм; в чтенном тогда Евангелии слышит он слова Господа к богатому: «аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след Мене, и имети имаша сокровище на небеси» (Мф.19,21). Антоний, приняв это за напоминание свыше, так как бы для него собственно было это чтение, выходит немедленно из храма, и что имел во владении от предков (было же у него триста аур), дарит жителям своей веси, чтобы ни в чем не беспокоили ни его, ни сестру; а все прочее движимое имущество продает, и собрав довольно денег, раздает их нищим, оставив несколько для сестры. Но как скоро, вошедши опять в храм, услышал, что Господь говорить в Евангелии: «не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф.6,34); ни на минуту не остается в храме, идет вон и остальное отдает людям недостаточным; сестру, поручив известным ему и верным девственницам, отдает на воспитание в их обитель, а сам перед домом своим начинает наконец упражняться в подвижничестве, внимая себе и пребывая в терпении. В Египте немногочисленны еще были монастыри, и инок вовсе не знал великой пустыни, всякий же из намеревавшихся внимать себе подвизался, уединившись не вдали от своего селения. Поэтому, в одном ближнем селении был тогда старец, с молодых лет проводивший уединенную жизнь. Антоний, увидев его, поревновал ему в добром деле, и прежде всего начал уединяться в местах, лежавших перед селением. И если слышал там о каком рачителе добродетели, шел, отыскивал его, как мудрая пчела, и не прежде возвращался в место свое, как увидевшись с ним. Когда же получал от него как бы напутствие какое для шествования стезею добродетели, уходил назад. Так проводя там первоначально жизнь, Антоний наблюдал за своими помыслами, чтобы не возвращались к воспоминанию о родительском имуществе и о сродниках. Все желание устремлял, все тщание прилагал к трудам подвижническим. Работал собственными своими руками, слыша, что праздный «ниже да яст» (2Сол.3,10), и иное издерживал на хлеб себе, иное же на нуждающихся. Молился он часто, зная, что должно наедине «молиться непрестанно» (1Сол.5,17); и

столько был внимателен к читаемому, что ни одно Слово Писания не падало у него на землю, но все удерживал он в себе; почему, наконец, память заменила ему книги».

Следует сказать, что, к счастью, в истории христианства имеется множество таких примеров, когда люди с точностью исполняли заповедь о вольной бедности. (Хотя на эту тему уже было сказано, но продолжим ее)

Журнал «Христианское чтение» (Нравы первых христиан, Труд и ремесла): «Многие из самых богатых подвергали себя произвольной нищете, раздавая свое имущество бедным, особенно во время гонений, дабы таким образом приуготовить себя к мученичеству. Ближайшие последователи апостолов, которые после них трудились над распространением слова Божия, были движимы исполнением своего долга и дабы подавать всем пример».

Отечник (Игнатий Брянчанинов, повести, 58): «Некоторый юноша имел намерение отречься от мира. Часто он решался на это; но помышления отвлекали его, опутывая разными житейскими заботами: он был богат. Однажды он вышел с решимостью отречься от мира. Демоны окружили его и подняли густую пыль пред лицом его. Видя это, он разделся, кинул свою одежду в сторону, и, обнаженный, побежал в монастырь. Бог открыл об этом некоторому старцу, сказав: встань, и прими воина моего. Старец встал, встретил обнаженного. Узнав причину обнажения, он удивился и дал юноше монашеское одеяние. - Когда к этому старцу приходили братья вопрошать о разных условиях монашеской жизни, - старец давал им ответы; когда же они вопрошали о отречении от мира, тогда говорил им: об этом спрашивайте брата, потому что я не достиг степени самоотвержения его».

Хотелось бы еще отметить, что для того, кто истинно решил отречься от мира, нет таких препятствий, которые бы он не мог бы преодолеть с помощью Божией.

Отечник (Игнатий Брянчанинов, повести, 171): «Некоторый брат, отрекшись мира и пришедши в монастырь с великою ревностию, просил о принятии его в братство. Авва начал представлять ему многие препятствия к удовлетворению прошения его: и тяжесть трудов, которые несет братство, и жестокость своего управления, которого ни чье терпение вынести не может. Он советовал брату избрать какой-либо другой монастырь, в котором устав для жительства легче, а не брать на себя того, чего выполнить не может. Эти угрозы не имели никакого действия на брата; напротив того он начал обещать такое беспредельное послушание во всем, что соглашался идти в огонь, если авва прикажет то ему. Услышав такое обещание, авва не остановился испытать его, и приказал ему войти в огромную печь, которую тогда топили, приготавливая для печения хлебов. Брат, нисколько не отлагая исполнение повеленного и нисколько не рассуждая, вскочил в средину пламени. Пламень немедленно побежден был столь дерзновенною верою, как некогда верою еврейских отроков: он погас; жар в печи тотчас уничтожился. А тот, кто вошел в пламень и о котором полагали, что сгорел, был как бы орошен прохладною росой к удивлению всех. Что удивительного, Христе, если Твоему воину не коснулся огонь, когда авва, движимый Духом Божиим, не остановился дать такое жестокое повеление, а ученик не остановился оказать повиновение этому повелению!»

Такие примеры ясно показывают, что у таких людей вначале происходит внутреннее отречение, а затем внешнее.

Далее. При полном отречении в Апостольские времена, христиане, продавшие свое имение и отдавшие все Апостолам и Церквям, сами зарабатывали на естественные нужды своим трудом или питались от милостыни и пожертвований. Такие христиане хотя они могли бы жить в довольстве, но предпочли бедность и тем освободились от власти собственного имущества и пошли по пути совершенных.

Иоанн Кассиан (О постановлениях киновитян, кн.7,гл.17): «О самоотвержении Апостолов и первенствующей Церкви. Также и тот (Ап. Павел) как не мог бы содержаться прежним имуществом, кто свидетельствует о себе (Деян.22, 25), что он по мирскому чину был не неславен, поелику от рождения был почтен достоинством римского гражданина, если бы считал это более удобным для совершенства? Также и те, которые в Иерусалиме

будучи владельцами полей или домов, продавая все и совершенно ничего не оставляя у себя, приносили цену проданного и полагали при ногах учеников (Деян.4, 35), не могли ли бы удовлетворять телесным потребностям из собственного имущества, если бы это было признано апостолами более совершенным, или сами считали бы более полезным? Но, отвергнув вдруг все имущество, они лучше пожелали содержаться собственным трудом, или приношением язычников».

Все нам хорошо известно, что в первенствующей Церкви существовала взаимопомощь, и обязанностью христиан были сбор пожертвований в пользу бедных и святых.

Иоанн Кассиан (там же): «Св. апостол о пожертвовании их пища к римлянам, предсказывая свои услуги им в этом и прикровенно приглашая их к такому подаянию, говорит: теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым. Ибо Македония и Ахайя усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме. Усердствуют, да и должники они пред нами. Ибо если язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном (Рим.15,25—27). Также и в послании к коринфянам, показывая заботу о них, убеждает их старательнее приготовить к его приходу подаяние, которое он предполагал послать (в Иерусалим святым) для употребления их. Касательно сбора для святых поступайте так, как я установил в церквях Галатийских. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я прииду. Когда же прииду, то которых вы изберете, тех отправлю с письмами для доставления вашего подаяния в Иерусалим. И чтобы побудить их к более щедрому подаянию, он прибавляет: а если прилично будет и мне отправиться, то они со мною пойдут (1Кор.16,1—4), т.е. если ваше подаяние будет таково, что будет заслуживать того, чтобы было отнесено при моем сопровождении. Также и в послании к галатам свидетельствует, что он сделал этот самый договор с Иаковом, Петром и Иоанном, когда разделялось между апостолами служение проповеди, именно чтобы он предпринял проповедь язычникам, но никак не оставлял заботы и попечения и о нищих, бывших в Иерусалиме, которые, для Христа отвергнув все свои вещи, приняли добровольную нищету. «Узнав, говорит, о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным; только чтобы мы помнили нищих» Апостол свидетельствует, что он это дело исполнял со всею заботливостью, говоря: «что и старался я исполнять в точности» (Гал.2, 9.10)».

В самой Церкви были должности, в обязанности которых входило раздача нуждающимся.

Феофан Затворник (Толкование на посл. к римлянам, 12,8): «В первенствующей церкви общества христианские содержали своих бедных, и для того каждый по силе жертвовал в общую церковную экономию от имени своего, что кто мог и чем усердствовал. Для раздаяния пособий избирались особые способные к тому лица. В Иерусалимской церкви Апостолы избрали на то семь диаконов. Так, надо полагать, делалось и во всех церквях. Потом, когда диаконы отошли на прислуживание при совершении таинств, для раздаяния потребного нуждающимся избирались особые экономы, на попечении которых были все бедные, вдовы, сироты, больные и все всякого рода нуждающиеся. Что умение вести такого рода дела есть особое дарование, это всякий знает по всегдашним опытам».

Журнал «Христианское чтение» (Нравы первых христиан, Труд и ремесла): «Каждая Церковь имела значительную казну для вспоможения бедным, для принятия странников, для погребения и прочих общественных издержек, каковыми были содержание клира, освящение, покупка свв. сосудов. Римская Церковь при папе Корнилие около 250 г. содержала 154 клирика и более 1500 нищих (Евсевий, “История...”). Кроме того, во все продолжение гонений она отсылала великие пожертвования областным церквям, терпевшим нужду, и исповедникам, осужденным на рудники (Евсевий,

“История...”). Для этих нужд церковная казна в 3-х первых веках имела домашние уборы, съестные припасы, одежды и деньги (Тертуллиан, “Апология”), словом, все то, что приносили верующие каждую неделю или каждый месяц или когда кто хотел, потому что на такие приношения не полагалось ни срока, ни закона. Впрочем, считалось богоугодным делом посвящать Церкви начатки и десятины с полей и стад на содержание клириков и бедных. Эти приношения отдавались епископу или диаконам, отсюда для алтаря откладывались только хлеб и вино, как вещество для Св. Жертвы. Кроме того, при некоторых церквях находились недвижимые имущества до гонений, потому что, когда прекращались гонения, эти имущества церквям были возвращаемы, о чем свидетельствует указ Константина и Ликиния в 313 г. (Евсевий, “История...”). Вот те церковные сокровища, которых так жаждали язычники и которые были также причинами гонений, как то доказывает пример св. Лаврентия. Дяконы заведовали церковною суммою. Их должность состояла в том, чтобы принимать все приносимое на общие потребности Церкви, полагать в безопасное место, беречь верно и раздавать по назначению епископа, когда он через них узнавал об известных нуждах (“Постановления апостолов”). Таким образом, к должности диаконов относилось узнавать о разных нуждах, иметь точные списки, как клириков, так и девственниц, вдов и прочих бедных на содержании Церкви. На них лежала обязанность испытывать вновь поступающих и смотреть за поведением уже принятых на общее содержание, дабы знать, достойны ли сего те и другие. Их же делом было назначать жилище приезжим и распределять, кому и как полагалось угощать их. Миряне сносились с ними, когда хотели попросить о чем-либо епископа или довести что-нибудь до его сведения, не смея прийти к нему самому из почтения и опасения его обеспокоить (“Постановления апостолов”). Посему жизнь диаконов была самая хлопотливая. Им часто надлежало ходить по городу; и вот причина, почему они не носили ни епанчей, ни длинных ряс, как священники (“Постановления апостолов”), а только полукафтаны и далматики для большего удобства».

Но вернемся к вопросу о тех, кто раздал свое имущество. Казалось бы, если эти люди имели такую силу для отречения, то они уже стали совершенными, но, к сожалению, это не так. И для тех, кто отрекся внешне, святые дают многие предостережения о том, что можно отречься видимым для всех образом, но не иметь истинного внутреннего отречения. Мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, а приведем несколько примеров таких предостережений.

Иоанн Лествичник (Лествица, сл.1): «Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, сделали это, или ради будущего царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из сих намерений, то удаление их из мира было безрассудное. Впрочем, добрый наш Подвигположник ожидает, каков будет конец их течения».

Иоанн Кассиан (там же, гл.18): «Итак, если хотим последовать евангельской заповеди и быть подражателями апостола и всей первенствующей Церкви, или отцов, которые в наши времена последовали добродетелям и совершенству их, то не должны мы полагаться на свои мнения, обещая себе евангельское совершенство от этого холодного и жалкого состояния; но последуя стопам их, должны стараться не обманывать самих себя и так будем исполнять монастырское благочиние и постановления, чтобы нам по истине отречься от этого мира, по неверию, увлекающему нас, не удерживать у себя ничего из того, что мы презрели, ежедневное пропитание приобретать не припрятанными деньгами, а собственным трудом».

Авва Дорофей (Душеполезные поучения, поуч.1): «Отцы наши, как мы сказали, распяв себе мир, предались подвигам и распяли и себя миру; а мы думаем, что распяли себе мир, потому только что оставили его и пришли в монастырь; себя же не хотим распяты миру, ибо любим еще наслаждения его, имеем еще пристрастия его, сочувствуем славе его; имеем пристрастие к снедам, к одеждам; если у нас есть какие-нибудь хорошие рабочие орудия, то мы пристрастны и к ним, и позволяем какому-нибудь ничтожному

орудию произвести в нас оное (мирское пристрастие), как сказал авва Зосима. Мы думаем, что, вышедши из мира и придя в монастырь, оставили все мирское; но (и здесь), ради ничтожных вещей, исполняем пристрастия (мирские). Это происходит с нами от многого неразумия нашего, что, оставив великие и многоценные вещи, мы посредством каких-нибудь ничтожных исполняем страсти наши; ибо каждый из нас оставил то, что имел: имевший великое оставил великое, и имевший что-нибудь, и тот оставил, что имел, каждый по силе своей. И приходя в монастырь, как я сказал, маловажными и ничтожными вещами исполняем пристрастие наше. Однако мы не должны так делать, но как мы отреклись от мира и вещей его, так должны отречься и от самого пристрастия к вещам, и знать, в чем состоит сие отречение, и зачем мы пришли в монастырь, и что значит одеяние, в которое мы облеклись; должны сообразоваться с ним и подвизаться подобно отцам нашим».

Марк Подвижник (Добротолюбие, т.1): «Никакой нет пользы тому, кто, отрекшись от мира, живет сластолюбиво (в свое удовольствие, делая всегда только то, что нравится и приятно сердцу). Ибо что делал он прежде посредством имения, то же делает и теперь, ничего не имея».

Симеон Новый Богослов (Слово 21): «Но если кто раздаст все имение свое бедным, а потом не станет бороться благодушно со всякого рода искушениями и скорбями, которые за тем последуют, и не будет переносить всего не только безропотно, но и с благодарением, - тот, не уразумев спасительности сделанного им шага, малодушием своим сам губит плод дела своего».

Авва Моисей (Собеседования Египетских отцов преп. Иоанн Кассиана, 1,6): «... некоторые, презрев огромные богатства этого мира, и не только большие тысячи золота и серебра, но и множество поместьев, после того, как мы видели, возмущались гневом за ножичек, за грифель, за иглу, за писчее перо. Они не возмущались бы за такие маловажные вещи, если бы помнили цель, для которой отреклись от большего и драгоценного имущества. Некоторые часто с такою ревностью берегут книгу, что не позволяют никому хоть немного почитать, даже прикоснуться, и от того находят поводы к нетерпеливости и смерти там, где должны приобретать приращение в терпении и любви. И хотя все свои богатства из любви к Христу расточили, однако ж, удерживая прежнее пристрастие сердца к вещам маловажным и за них иногда гневаясь, во всем остаются бесплодными, пустыми, так, как бы они не имели апостольской любви. Блаженный Апостол, провидя это в духе, говорит: «аще раздам вся имения моя в пищу нищим и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, ни кая польза ми есть» (1Кор.13,3). Этим ясно доказывается, что совершенство не приходит тотчас с нищетою, расточением всех имуществ или отвержением достоинств, а состоит в любви, которой свойства Апостол описывает и которая состоит в одной чистоте сердца. Ибо что иное значит: не завидовать, не превозноситься, не раздражаться, не бесчинствовать, не искать своего, не радоваться о неправде, не мыслить зла и прочее (см.: 1Кор.13,4-6), как не то, чтобы всегда приносить Богу сердце совершенное, чистое и охранять его от всех возмущений?».

О внутреннем отречении от богатства

Итак, есть два вида отречения - внутреннее и внешнее. Эти вида достаточно тесно связаны между собой. Определенная степень внутреннего отречения мира всегда предшествует внешнему, но после внешнего опять-таки должно продолжаться укрепляться внутреннее, чтобы опять не пристраститься к другим вещам.

К идущим по такому пути относятся и те люди, которые стали на подвижнический путь, оставив многопопечительность и мирские заботы, посвятив себя Богу. Таким образом, они постепенно теряют связь с миром, уже не соблазняясь его «благами», и содержатся или собственным малозаботливым трудом, или подаяниями, которые

посылает им Господь через других людей. Но этот путь может быть долгим и тяжелым, т.к. если сердце не прочувствовало тщетность и тяжесть мира, то в нем остался жить дух мира, который должен изгоняться внутренним трудом. Этот путь свойственен монахам и подвижникам в миру, и имеет три степени отречения.

Авва Пафнутий (Собеседования египетский отцов преп. Иоанна Кассиана, 3,6): «Теперь начнем рассуждать об отречениях, коих также три, как это подтверждается и Преданием отцов и свидетельством Священного Писания, и кои каждый из нас непременно должен совершить со всем тщанием. Первое из них есть то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе — то, в коем оставляем прежние нравы и порочные страсти, как телесные, так и душевные; третье — то, в коем, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимого, созерцаем только будущее и желаем невидимого. Эти три отречения все вместе совершить повелел Господь Аврааму, когда сказал ему: «изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего» (Быт.12,1). Во-первых, сказал: «от земли твоя», то есть от богатства мирского и стяжаний земных; во-вторых, «от рода твоего», то есть от прежнего образа жизни, прежних нравов и пороков, кои, прилепившись к нам с самого рождения, являются родственными и единокровными нам; в-третьих, «от дому отца твоего», то есть от всякого воспоминания о мире и о всем, что представляется взору очей. О двух также отцах, то есть том, которого оставить, и том, которого искать должно, так воспевает Давид от лица Божия: «слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и дом отца твоего» (ср.: Пс.44,11). Ибо кто говорит: «слыши дщи», без сомнения, есть «отец»; но и тот, чей дом и народ советуется предать забвению, тем не менее свидетельствуется отцом своей дочери. Все же это совершается тогда, когда, умерши со Христом от стихий мира сего, не смотрим уже, по Апостолу, «видимых, но невидимых; видимая бо временна, невидимая же вечна» (ср.: 2Кор.4,18) — и, исшедши сердцем из сего временного и видимого мира, очи свои и ум обращаем к тому дому, в коем имеем пребывать постоянно, когда, пребывая во плоти, не по плоти воинствуем в Господе, делом и жизнью оправдывая следующее изречение святого Апостола: «наше житие на небесех есть» (ср.: Флп.3, 20). К этим же трем отречениям приспособлены и три книги Соломона. Так, Притчи приличествуют первому отречению, так как ими отсекается вожделение земных вещей и чувственных пороков; Екклесиаст — второму, так как в нем все, бывающее под солнцем, провозглашается суетным; Песнь песней — третьему, так как в них ум, возвышаясь над всем видимым, погружается в созерцание одних вещей Небесных».

О внешнем неотречении от богатства

Итак, мы кратко рассмотрели внешнее и внутреннее отречение от мира. Но есть еще один путь отречения (правильнее назвать «неотречения внешнего, но внутреннего») - это пребывание в миру и пользование богатством путем праведного приобретения и пользования. В разделе «Учения святых отцов о богатстве» было сказано о трех родах богатств – о добром, злом и нечто среднем. Из этого достаточно ясно, что любому христианину необходимо отречься от злого и среднего, бывающего злом. А для того чтобы богатство, которым владеют некоторые обеспеченные христиане, стало добром, им необходимо отречься от многих своих пристрастий и неправых мнений. Также, из вышерассмотренного вопроса о различных типах богатых людей, понятно, что каждым из них необходимо своя степень отречения. Поэтому поговорим о тех христианах, которые не хотят в прямом смысле отречься от богатства, но хотят наследовать Царствие Божие.

Христиане первых времен, которые не стали на путь совершенства через отречение и строгого подвижничества, оставшись жить в достатке, старались ни в чем не нарушать заповеди, творить милостыню и пожертвования, при этом все свободное время посвящать

Богу (об этом уже было сказано выше). Это также является праведным путем, т.к. через праведных богатых христиан, Господь содержит бедных и тех, кто отрекся от мира ради служения Ему.

Тем, кто выбрал путь – жить в достатке и помогать другим, святые отцы дают следующие советы: во-первых, необходимо изменить свои ложные мнения о материальных благах и отказаться от лукавых оправданий себя и своих действий.

Климент Александрийский (Кто из богатых спасется, гл.11): ««Продай имение твое». Но что значит это? Не это повелевает Господь, о чем некоторые слишком поспешно думают, что наличное свое имущество он должен был разбросать и со своими богатствами расстаться; нет, он должен был только (ложные) мнения относительно богатства из своей души выкинуть, алчность и жажду их, беспокоиться о них перестать, устранить со своего пути эти терния жизни, заглушающие собой семена Слова».

Надеемся, что рассматриваемые в этих беседах вопросы о страсти сребролюбия также помогут нам в этом. И слава Господу нашему, что не оставляет нас в неведении!

В-вторых, отцы говорят о том, что на деле необходимо отказаться от неправедного приобретения и пользования.

Климент Александрийский (Там же, гл.13): «Не повелевает ли Господь Сам Закхею и Матфею, которые богаты были и мытарями состояли (Лк.5:29), оказать Ему гостеприимство? Он не говорит, чтобы они отказались от своих богатств, а только иметь из них (из богатств) им не принадлежащее запрещает; и после того, как богатства, неправедным образом захваченные, Закхею были розданы. Господь говорит: «...ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама...» (Лк.19,9). Господь употребление богатств на пользу даже настолько хвалит, что вместе с этим сообщением заповедь дает: жаждущих поить, голодных кормить, бескровным приютом давать, нагих одевать. Но если этим потребностям невозможно удовлетворять без средств; и если Господь повелевает со средствами к этому расставаться, то что иное Он повелевал бы, как не это: давать и не давать, питать и не питать, в дом принимать и из него выталкивать, оказывать участие и не оказывать, - причем одно другим исключалось бы?».

А когда человек заметит, что из-за богатства или имущества он злится и ругается с людьми, или что его мысли – это постоянные мысли об имуществе и деньгах, или что ему хочется все больше и больше иметь материальных благ и т.п., то необходимо отказаться от того что тебе хочется иметь, что необходимо перестать думать о деньгах и вещах, что необходимо понимать, что твой гнев на людей – это плод страсти сребролюбия и т.д.

Климент Александрийский (Кто из богатых спасется, гл.24): «Но вот ты замечаешь, что богатство тебя поработает и выводит тебя из равновесия. Брось его, отвергни, возненавидь, откажись, убеги. «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его... лучше» одноглазым быть тебе в Царстве Божиим, нежели не изуродованным бить в огне (Мф.5,29). И если рука, нога, жизнь соблазняют тебя, возненавидь их; потому что если что-либо из этого потеряно будет ради Христа, то опять возродится к жизни там».

Многим из нас нужно учиться быть довольными тем, что у нас уже есть, отдавать лишнее нуждающимся, и жить по мере потребностей, а не пристрастий и желаний.

Иоанн Златоуст (Творения, т.7): «Как же можно спастись богатому? Все стяжание свое делая общим для нуждающихся, как поступал Иов, изгоняя из души пристрастие к большему и ни в коем случае не преступая пределов необходимого».

Следующий совет, который дается отцами, заключается в необходимости отречения от всех душевных страстей.

Климент Александрийский (Кто из богатых спасется, гл. 14): «Оттого (что пользование богатством происходит по воле человека) отрешаться должно не столько от богатства, сколько душу от страстей освобождать: эти затрудняют собой правильное пользование богатством. Кто добр и праведен, тот и богатство будет употреблять во благо.

Следовательно, отречение ото всего, чем кто владеет и продажу всего своего имущества нужно так понимать, что сказано это с отношением к душевным страстям».

К такому пути призывает и Пресвятая Богородица через откровение, записанное Максимом Греком.

Максим Грек (ч.1, слово 15): «О, творение премудрого Бога! часто певаемое Мне тобою «радуйся», тогда будет Мне благоприятно, когда увижу, что ты делом исполняешь заповеди Родившегося от Меня, — что ты отстал от всякого, вообще, зла, от блуда и лжи, гордости и лести, и от несправедного похищения чужих мнений. А пока ты пребываешь в этих делах и ими услаждаешься, пока двойными процентами с радостью пьешь кровь живущих в бедности и бесчисленными принудительными трудами высасываешь у них мозги,— до тех пор ты для Меня ничем не отличаешься от иноплеменника— скифа и христубийца, хотя и хвалишься крещением. Я нисколько не внемлю тебе, хотя бы ты бесчисленные каноны и стихиры воспевал Мне приятным голосом. «Милости», говорит Господь, «хочу, а не жертвы, и Боговедения, нежели всесожжений» (Осия 6,6). Ты же, как свинья, предаваясь ненасытно всякому студодеянию, и, как хищный волк, похищая чужие имена и обижая бедных вдовиц, изобилуя же во всем и будучи преисполнен беззаконных дел, как христоненавистный татарин, занимаясь играми и упиваясь, играя всегда в гусли и услаждая себя пением скверных и блудных песен, окончательно изгнав из души своей страх Божий,— думаешь ли ты благоугодить Мне множеством канонов и стихир, воспевая их высоким воплем? Не слышишь ли проповедника, который ясно говорит, что творящие таковое наследуют не царство Божие, а скорее те горькие вечные муки, которые под землю? Не обманывай же себя! Но если желаешь избавиться мучений и наследовать царство Божие вместе со всеми праведными, то отстань решительно от всяких своих беззаконных злых дел и от всей души возлюби противоположные им добродетели, насади в мысль свою страх Божий, любовь и желание небесных благ. Ибо иначе нет возможности ни избавиться мучений, ни благоугодить страшному Судии. Если же этих Моих советов не послушаешь, о, безумный, но будешь продолжать держаться своего беззаконного нрава, то познаешь свое безумие тогда, когда будешь связан по рукам и по ногам кандалами, как неимеющий одежды, приличной духовного брака, и будешь ввержен в преисподние бесконечные огненные мучения; когда вместе с негодными рыбами будешь выброшен, как воспитавшийся не в чистых струях благоверия, а в мутных болотах греховных и ожиревший блудом, почитая для себя жизнью— наслаждение похотью; когда услышишь оное изречение: «аминь глаголю вам, не вем вас», исчезните от Меня делатели беззакония; когда затворится тебе мысленный чертог за то, что не приял ты в сосуд свой еля, но, будучи побежден сребролюбием, никогда не переставал без надобности всех обижать и возненавидел убогих. Тогда-то, о, несмысленный, тогда познаешь достоверно, и будешь напрасно и бесполезно плакать, когда вполне поймешь, что неложны те обетования Родившегося от Меня, которыми предвозвестил о мучениях и о вечных благах, и что повинующимся всегда Его слову, уготовано веселие, а неповинующимся—огнь, никогда не угасающий. Итак, если искренно желание получить от Меня помощь и угодить Богу, Царю всех: то с целомудрием и со щедротами к нищим старайся всегда воспевать Мне: «радуйся»».

Как видим, нельзя обманываться тем, что если мы, христиане, читаем молитвы, поем славословия и учения святых, то мы уже спасены. Тем более так не должен думать богатый человек, т.к., живя в миру и участвуя в его делах, ходит посреди сетей многих и старается послужить и Богу и мамоне.

Симеон Новый Богослов (Слово 21): «Богатым прежде всего надлежит по заповеди отложить богатство свое, как тяжелую ношу, препятствующую вести истинную о Христе жизнь, а потом взять крест на рамена свои и последовать Христу Господу. Ибо нет возможности, чтоб понес кто-либо то и другое, то есть и богатство, и крест».

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, гл. 4): «§ 68 ...всякий христианин должен помнить и внимать, что всякое излишество, как в пище, в строении и прочем, к

этой жизни надлежащем, так и в одеянии, без греха не бывает. Дается Богом нам именование и богатство не только ради нас самих, но и ради нищих, дабы им и сами умеренно довольствовались, и неимущих снабжали. А если человек того не делает, а на излишество и роскошь богатство расточает — поступает против воли Божией и потому грешит, ибо все то грех, что против воли Божией делается: за что и наказан будет, как несправедливый распорядитель и расточитель Божиего добра».

В-четвертых, апостолы и святые отцы учат о том, что бы богатый человек все свои силы и возможности направлял на благотворительность.

Феофан Затворник (Толков. на 1 посл. Тим 6.18,19): «...чтобы они (богатые) благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни».

Восставая так против неразумного отношения к богатству, Апостол, однако ж, не говорит, чтоб бросали богатство, а только внушает обращать его на доброе употребление, чтобы таким образом самому навыку много иметь и быть богатым дать другое, душеспасительное направление. Если ты привык, говорит, богатым быть и иметь сокровищницы свои наполненными, богатись, но добрыми делами,— собирай себе сокровище, но на небесах для будущего века. «Если хочешь богатиться, богатись в благотворении» (блаженный Феофилакт). «Если ты ищешь богатства, ищи того, которое остается твердым и неизменным, которое происходит от делания добрых дел» (святой Златоуст). То и другое совершишь ты, обратив богатство свое на благотворение ближним своим. Все сие внушать богатым — дело пастыря. Внушай, говорит, благотворить. Пусть готов будет на всякое дело благое, и, как только представится случай, творит его. Как голодный о том только и думает, как бы достать что поесть, и, увидев съестное, неудержимо бросается на него, так и богатый пусть только и дум имеет, что о том, как бы кому и где добро сделать, и, как только надумает, пусть спешит на дело сие. Такой образ действия сделает то, что он будет непрестанно богатиться в делах добрых. Богатиться добрыми делами и благотворить — одно и то же означает, — увеличивать сумму благих дел, видимо являемых».

Каков же путь блаженнее? Путь неотречения или отречения? Конечно же, второй.

Иоанн Кассиан (О постановлениях киновитян, кн.7,гл.17): «Итак, кто же блаженнее, ужели те, которые из числа язычников недавно обратившись и будучи не в состоянии восходить к евангельскому совершенству, еще удерживали у себя свое имущество, между которыми апостол почитал большим плодом и то, если, воздерживаясь хоть от идолопоклонства, блуда, удавленины и крови (Деян.15,29), приняли веру Христову с удержанием своего имущества? Или те, которые, выполняя евангельское учение, ежедневно нося крест Господень, не хотели ничего оставить у себя из собственного имущества? (Мф.19,21). И сам блаженный апостол, поелику часто подвергался узам, темницам, или утомлению от путешествия, и потому не имел возможности своими руками, по своему обыкновению, приобретать себе привычное (ежедневное) пропитание, по уверению его, получал потребное для своих нужд от братьев, приходивших из Македонии. Недостаток мой, говорит, восполнили братья, пришедшие из Македонии (2Кор.11, 9). И к филиппийцам пишет: вы филиппийцы, сами знаете, что после моего выхода из Македонии ни одна церковь не участвовала со мною в подавании и принятии, кроме вас одних: потому что и в Фессалоникию вы раза два присылали мне нужное (Фил.4,15,16). По мнению сребролюбцев, которое они составили себе по холодности сердца, ужели и эти будут блаженнее апостола, потому что уделяли ему из своего имущества. Этого не осмелится сказать и безумный».

Поэтому те, кто выбирает путь неотречения, должны знать, что они далеки от пути совершенных, а возможно стоят и на пагубном пути сребролюбия. Этот путь достаточно труднее и опаснее, т.к. соблазны и старые пристрастия не дают душе приобрести свободу.

Иоанн Златоуст (Творения, т.1): «...Кто владеет богатством, тому нелегко вырваться из оков его; такое множество недугов объемлет его душу, то есть страстей,

которые как бы густое и темное облако, заграждая взоры ума, не попускают взирать на небо, но заставляют преклоняться вниз и смотреть в землю».

Иоанн Златоуст (Творения, т.9): «Рабство тяжелее всякого мучения, о чем хорошо знают все те, которые удостоились освободиться от него. Потому, чтобы и вам узнать эту прекрасную свободу, разорвите уза, бегите от сетей, пусть у вас в доме хранится не золото, но то, что дороже бесчисленных богатств – милостыня и человеколюбие. Это дает нам дерзновение перед Богом, а золото покрывает нас великим стыдом и много содействует диаволу влиять на нас».

И в заключение этой темы приведем увещание, направленное христианам и да поможет нам Господь исполнить все советы святых, испытавших все то что они говорят на собственном опыте.

Нил Синайский (Добротолюбие т.2): «Начнем же отрешаться от настоящих благ, пренебрежем имущество и деньги, и все, что погружает в себя и потопляет помысл. Обуреваемые выбросим груз, чтоб мог спастись кормчий - ум и с плователями - помыслами. Если плывущие морем во время бури небрегут о своих товарах и своими руками бросают и дорогая вещи в море, имущество ставя ниже жизни, то почему же мы для лучшей жизни не пренебрегаем того, что душу влечет в бездну? Почему у нас не столько силен страх Божий, сколько у тех страх моря? Те из любви ко временной жизни не высоко ценят утрату того, что везут; а мы, говоря о себе, что вождеваем вечной жизни, не пренебрегаем и малости, но решаемся лучше погибнуть с ничтожным грузом, нежели спастись, лишившись его. - Посему умоляю, совлечемся всего. Борцы не вступают в борьбу одетыми; закон борьбы изводит их на поприще обнаженными. В жар ли, в холод ли, - так, они выходят, оставляя одежды вне поприща. Коли же кто из них откажется обнажить себя, то должен отказаться и от борьбы. А мы, дав обет подвизаться, не только не совлекаемся одежды (имущества), но, тысячи бремен неся на плечах, вступаем в подвиг, доставляя тем противникам множество удобств схватить нас».